

ПО СЛЕДАМ
ИСЧЕЗНУВШИХ
КУЛЬТУР ВОСТОКА

БУРХАРД БРЕНТЬЕС

ОТ ШАНИДАРА ДО АККАДА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

БУРХАРД БРЕНТЬЕС

**ОТ
ШАНИДАРА
ДО
АККАДА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1976

Burchard Brentjes
VON SCHANIDAR BIS AKKAD
Leipzig — Jena — Berlin, 1968

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Р. Т. Ахрамович (председатель),
Г. М. Бауэр, Р. В. Вяткин, С. С. Цельникер

Перевод с немецкого
Н. Н. Водинской

Ответственный редактор
И. С. Кацнельсон

Б87 **Брентъес Б.**
От Шанидара до Аккада. Пер. с нем. Предисл.
И. С. Кацнельсона. М., Главная редакция восточ-
ной литературы издательства «Наука», 1976.

359 с. с ил. («По следам исчезнувших культур Востока»).

Новая книга немецкого ученого Б. Брентъеса (ГДР) посвящена древнейшим культурам Передней Азии и Египта, изученным на основании археологических раскопок последних десятилетий на территории Ирана, Ирака, Палестины и Египта.

10603-086
Б 013(02)-76 147-75

902.6

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1976.

ВВЕДЕНИЕ

Сто лет исследований древнего Востока убедительно доказали, что картина, созданная воображением человечества на протяжении многих тысячелетий, вполне правдоподобна.

Правда, в Передней Азии никогда не было «библейского рая», но здесь впервые в мире возникли земледелие и скотоводство, села и города, литература и наука. В Передней Азии — истоки цивилизации и европейской культуры; проследить их — задача исследователя древнего Востока. Из года в год она манит археологов в пустыни и горные долины Передней и Средней Азии.

Но зачем знать, как зарождалось классовое общество с присущими ему отчасти варварскими отношениями современному человеку, для которого классовое общество, раздираемое эксплуатацией, и государство как орудие эксплуатации народных масс — уже пройденный этап и который поставил перед собой цель исключить войну из своей жизни?

Путь ему указывает марксизм. Он помогает познать сущность классового общества и законы бытия. Марксизм учит бороться с капитализмом, для чего следует изучать его как исторически возникшую и ограниченную во времени общественную формацию. Ее особенности могут быть поняты только в сравнении с докапиталистическими формами общества. Без этого невозможно познать капитализм как изживший себя общественный строй. Исследование

**ОТ ОХОТНИКОВ И СОБИРАТЕЛЕЙ
К ПАСТУХАМ И ЗЕМЛЕДЕЛЬЦАМ**

В 1956—1957 и 1960 гг. американская экспедиция под руководством Ральфа Солецки исследовала пещеры в Северном Ираке. Ее интересовали главным образом палеолитические слои. В пещере Шанидара под слоями толщиной в несколько метров археологи обнаружили наряду со множеством орудий первые в Ираке неандертальские захоронения. Верхние слои относились к поздней эпохе раннего палеолита. Они остались от охотников и собирателей, которые жили в среде, отличной от природных условий современного Северного Ирака. Однако материалы раскопок не дают еще оснований считать, что в результате изменения экономического базиса здесь произошел переворот.

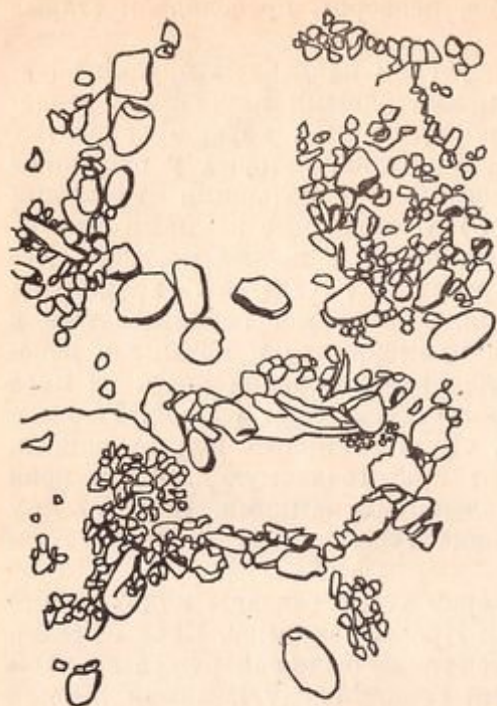
Открытие в долине, недалеко от входа в пещеру несколько более раннего поселения, также принесло мало нового. Поселение датировано приблизительно 9200 г. (рис. 1). Хотя тут встречаются новые типы орудий и большие груды мусора, сенсацию произвели лишь результаты, полученные при лабораторном исследовании остатков костей. Тогда как основной добычей палеолитических жителей пещеры были козы, большинство костей с этой стоянки, которую называли Зави-Чем-Шанидар (в отличие от пещеры), принадлежало овцам. Кости коз составляли только одну шестнадцатую часть всех костей. Три пятых всех овец были моложе года. Это бесспорно свидетельствует о том, что животные были домашними. Годовалых ягнят забивали, чтобы можно было доить ма-

ток. В добыче охотников, наоборот, преобладали старые животные.

При внимательном изучении найденных орудий обнаружено, что наряду с примитивными каменными зернотерками тут имелись полированные, хорошо обколотые каменные топоры, то есть орудия, которых у охотников не было. Костяные рукоятки с небольшими кремнями служили серпами (рис. 5). Обложенные камнями ямы — по-видимому, остатки примитивных жилых построек. Рядом, на большом пространстве находились хранилища камня и ямы с отходами. Камень мог использоваться в очагах. Подобные очаги применяются и поныне в докерамических культурах для приготовления пищи из мяса и растений. Для этого ямы обмазывают глиной. Рядом и внутри разводят огонь, чтобы глиняный под накалился. Затем туда закладывают приготовляемую пищу и края ямы обкладывают раскаленными камнями. Наконец яму плотно закрывают, и пища тушится до полной готовности.

С Зави-Чем-Шанидаром тесно связаны и другие места раскопок в Северном Ираке, например, Карим-Шахир в долине Чемчемаль. Здесь также были обнаружены запасы камня и ямы со следами огня. Между камнями лежало свыше 30 тысяч предметов: орудия из кремня, каменные зернотерки, топоры, бусы, иглы и грубые каменные сосуды. Это поселение относилось к концу VII тысячелетия. Остатки зерна здесь еще не обнаружены, но можно полагать, что оно составляло основу хозяйства. Об этом говорят мельницы и серпы, которые лучше, чем злаки, перенесли разрушающее действие тысячелетий. Наличие таких орудий свидетельствует о переработке злаков, но не об их возделывании. Однако орудия для обработки почвы под посевы ячменя и пшеницы также могли бы сохраниться лишь при особо благоприятных условиях. Можно предположить, что это были деревянные лопаты или палки для разрыхления земли. Они исчезли, подобно растениям той эпохи. Остается лишь догадываться, как люди научились возделывать растения и содержать домашних животных, но доказательств этого мы никогда не найдем, так как чем примитивнее домашнее животное или растение, тем меньше оно отличается от своих диких сородичей. При реконструкции той эпохи нам следует обратиться к значительно более раннему времени.

*Зави-Чеми-Шанидар,
Северный Ирак*

Ледниковый период и в Передней Азии не прошел бесследно. Ледники спустились в долины, граница снегов лежала приблизительно на 2 тысячи метров ниже, чем сейчас. Леса покрывали нагорья, и джунгли захватывали долины рек. На возвышенностях Сирии и Южной Анатолии и в джунглях Евфрата обитали стада слонов, в низменных саваннах паслись туры, в горах Ирака и вплоть до Персидского залива водились зубры. Миллионы газелей и антилоп паслись в травянистых степях Аравии и Сирии. По степям и нагорьям носились дикие ослы. Озера и реки Палестины кишели бегемотами и крокодилами. В речных долинах господствовали львы, в горах хозяйничали леопарды и тигры. Нечислимые стаи птиц и полчища насекомых кружили в воздухе, земноводные, черви и моллюски населяли болота и реки. Дубы и финиковые пальмы, смоковницы и оливы, буки и фисташковые деревья дарили плоды и листья тому, кто их собирал, — новому властелину земли. Человек на протяжении сотен тысяч лет кочевал по землям Передней Азии, жил в пеще-

рах на территории современных Палестины и Сирии, Ирана и Ирака, а также вдоль побережья Анатолии.

Уже доисторический человек, который не знал еще ручного рубила, оставил после себя галечные орудия на берегах рек, теперь давно укрощенных людьми. В Иорданской долине, у Убадияха, обнаружены древнейшие в Передней Азии останки человека: два обломка черепа и один зуб-резец. Черепные кости в четыре раза толще, чем у современного человека. Им примерно от 500 тысяч до 400 тысяч лет.

Человек из Убадияха применял грубые галечные орудия, так называемые pebletools, и простые ручные рубила. Остатки костей диких животных доказывают, что он был охотником. Кости большей частью раздроблены: их разбивали, чтобы извлечь мозг. По-видимому, человек из Убадияха еще не знал огня. Орудия и жилища того же периода были найдены во многих местах Иорданской долины. В Северном Ираке, близ Барда-Балки, также откопаны орудия того времени.

Людей, населявших Переднюю Азию 200—100 тысяч лет назад, можно разделить по типу хозяйства на две группы. Одна группа, носители «культуры ручного рубила», обитала у рек, охотилась на носорогов, слонов, бегемотов. Основным ее орудием было ручное рубило (рис. 2). Другая группа жила в пещерах и, вероятно, занималась преимущественно собирательством с помощью заостренных кремневых орудий. Эта культура называется табунской.

На ее основе, по-видимому, возникла неандертальская культура мустье, обнаруженная в пещерах Ябруда. Ее следы найдены в Иране, Ираке, Сирии и Палестине при раскопках многочисленных пещер. Получили известность находки из пещер Шанидара, Рас-эль-Кельба, Кебары, Табуна и Скула. Исследования по методу C_{14} датируют культуру мустье временем 52 000—35 000 гг. до н. э.

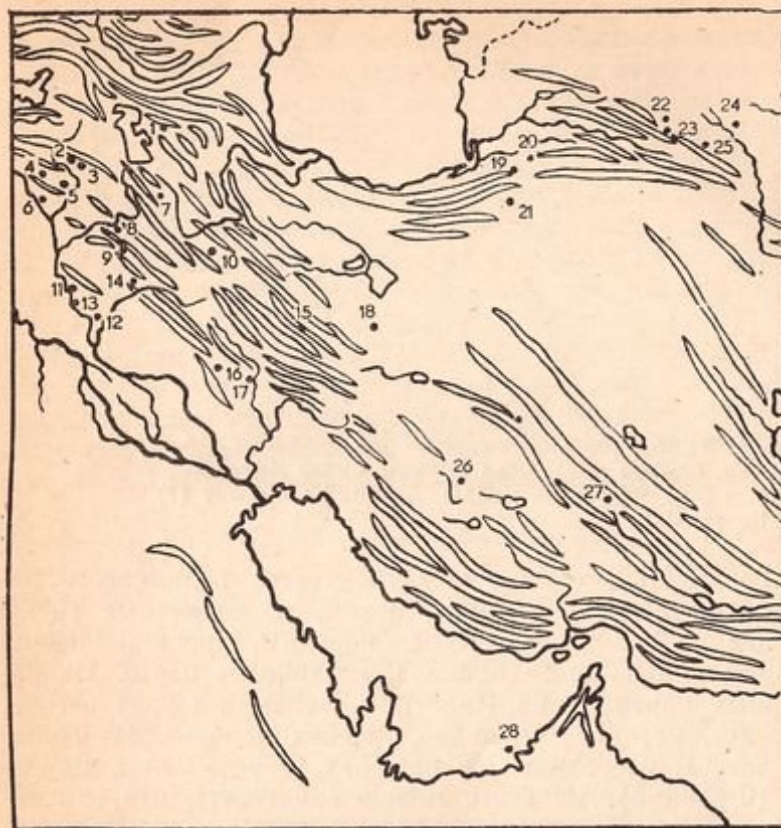
Пещера-могилище в Скуле скрывала скелет неандертальца, у которого уже заметны характерные особенности Homo sapiens — нового человека, происшедшего, по-видимому, в Передней Азии, от неандертальца. Раннепалеолитические орудия и стоянки выявлены во многих странах Передней Азии. Европейской культуре ориньяк здесь соответствует культура ахмар, культура резца, которая названа по месту раскопок — Эрк-эль-Ахмар в Иудейской

пустыне. За ней следует атлитская культура в горах Кармела.

Соответствующая европейской культуре мадлен палестинская культура кебара (в Ираке — зарзи) характеризуется мелкими кремневыми орудиями, так называемыми микролитами. Люди кебары, вероятно, в основном занимались рыболовством в прибрежных водах и охотились на мелких животных. Их стоянки обнаружены на побережье Средиземного моря, в степях Синаи и в пустыне Негев. Выложенные овалами и кругами камни от 4—6 до 8 м в диаметре, возможно, являются остатками жилищ. Большинство стоянок имело по два-три, реже по четыре-пять шалашей. Кое-где рядом с ними были найдены рабочие места каменотесов — вертикально стоящие камни, окруженные обломками кремня.

В пещерах на юге Турции обнаружены также первые наскальные рисунки. Это изображения крупного рогатого скота и оленей в пещерах Белдиби и Окюзлю в Анталии. Они соответствуют по времени пещерным рисункам и резьбе по кости (рис. 3 и 4) юга Франции, хотя по мастерству уступают им. Однако первые рисунки, открытые в пещерах Урала, призывают к осторожности. В Передней Азии также могут быть в любое время обнаружены галереи, которые расширят наши представления о прошлом. Рисунки из Белдиби ничего не рассказывают о начавшемся приручении животных. Наличие нескольких стилей указывает на длительную традицию наскальной живописи. Изображения горного козла напоминают кавказские и таджикские наскальные рисунки. Разрисованные камни из пещеры Кумбукаджи в Белдиби повторяют западноевропейские формы. Возможно, стилизованные изображения мужчин и знаки креста относятся к более раннему времени. Самыми древними являются два больших резных изображения, покрытых краской. На них воспроизведены намеченные белыми линиями силуэты прыгающего оленя и дикого быка с повернутой назад головой [27, 129]. Так же как французская и испанская пещерная живопись, эти рисунки говорят о прекрасном знании животных и их повадок. Ведь художники ледникового периода общались с животными и зависели от них гораздо больше, чем человек нового времени. Само существование людей основывалось на точном знании фауны, и искусство служило магическим средством, помогавшим охоте. Люди верили,

Иран — Средняя Азия

Остатки поселения X тысячелетия до н. э. 1. Яник-Тепе 2. Шанидар 3. Зави-Чемп-Шанидар 4. Гавра 5. Арпачай 6. Маллефаат 7. Хаджи-Фируз 8. Шемшара 9. Барда-Балка 10. Сараб 11. Самарра 12. Джармо 13. Савван 14. Асиаб 15. Гиян 16. Али-Кош 17. Сузы 18. Спалк 19. Астарабад 20. Туренг-Тепе 21. Гисар 22. Джейтун-Тепе 23. Анау 24. Гюксур 25. Намазга-Тепе 26. Тал-и-Бакун 27. Тал-и-Иблис 28. Умм эл-Нар

что изображение представляет собой часть живого существа и власть над ним распространяется и на животное. Они бросали в рисунок охотничье копьё, будучи уверены, что их оружие поразит зверя и во время настоящей охоты. Но «чудо» совершалось только в том случае, если рисунок абсолютно точно изображал животное. Поэтому изображения зверей, относящиеся к охотничьему периоду, несравнимо лучше изображений людей.

*Пещера Кумбукаджи
Белдиби, Южное побережье Турции, около Анталы
Олень и бык. Резьба по камню, Поздний палеолит (?)
(по Бостанджи)*

Разумеется, только часть искусства ледникового периода служила магическим целям, но сюжетные сцены до нас не дошли. Немногие картины, представляющие исключение из этого правила, посвящены охоте. На пещерных картинах из Пилеты в Испании видны загоны для коз, которых, очевидно, держал человек. Подобные же загоны изображены в пещерах Фон-де-Гом в Дордони (Франция). Из этого можно заключить, что охотникам ледникового периода иногда приходилось держать животных в неволе. В этом нет ничего удивительного. И теперь многие охотничьи племена держат всевозможных диких животных у своих хижин и шалашей.

«В хижинах бразильских индейцев часто бывает целый зверинец из попугаев, обезьян, туканов и ленивцев», — пишет, например, этнограф Биркет-Смит. Это вряд ли можно считать началом одомашнивания, так как этих животных употребляли в пищу только в исключительных случаях, да и то если их мясо вообще было пригодно для еды. Очень характерен пример австралийских аборигенов, которые во время охоты захватывают щенят собаки динго и держат их в лагере. Животные становятся ручными и кочуют вместе со своими хозяевами, которые, однако, их не кормят. Собаки согревают хозяев во тьме холодных ночей и лаем дают знать о приближении чужих. Но к охоте они не приучены. Эти факты имеют большое

значение для исследования процесса одомашнивания животных. Предполагалось, что человек и волк совместно охотились и волк из помощника охотника якобы превратился в первое домашнее животное. Этот тезис, основывавшийся на отсутствии остатков собак на древнейших стоянках, вызывает сомнение у этнографов. Австралийские аборигены, например, охотятся с помощью собак динго, но это всегда дикие динго, за которыми охотники следуют незаметно, когда те травят кенгуру. Охотники выступают лишь тогда, когда динго начинают раздирать добычу, и прогоняют собак, охотящихся обычно в одиночку или парами, так что тем достается только небольшая часть забитого животного. Собак динго не приручают, они остаются дикими. Неясно, однако, можно ли наблюдения над динго безотговорочно переносить на доисторического волка.

От опрометчивых заключений предостерегают обнаруженные на Украине и в Сибири раннепалеолитические охотничьи стоянки. Остатки волков, найденные в Мезени и Костенках, свидетельствуют, видимо, о том, что этих зверей убили ради их шкур и костей. Однако в связи с находками в Борщеве на Дону возникают далеко идущие предположения. Там охотники ледникового периода оставили у своей стоянки своеобразный набор костей: «Четыре пары нижних челюстей волка, две лошадиные челюсти, положенные рядом в правом углу, один волчий череп, а по обеим сторонам от него, в некотором отдалении, лошадиные конечности, затем волчьи лапы, дальше на 1 м — округлый кусок содержащего железо камня со следами сколов, еще на 2 м дальше — напоминающее профиль лошадиной головы изображение, выложенное из маленьких плоских каменных плиток диаметром 1 м. Две группы длинных лошадиных костей дополняли изображение, создававшее впечатление туловища лежащей лошади в натуральную величину, с головой из каменной мозаики» [110].

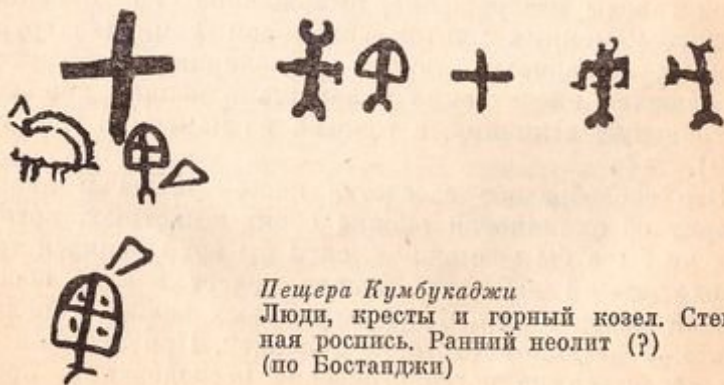
Это своеобразное соседство костей волка и лошади говорит об одинаковой оценке обоих животных, которая едва ли была бы возможной, если бы волк являлся только охотничьей добычей. Ханчар делает вполне обоснованный вывод о том, что прирученных волков использовали при загонной охоте на лошадей. При этом он может сослаться на остеологические исследования, произ-

веденные Пидопличко. Найденные в 1955—1956 гг. в Мезени череп и лапы волков отличаются признаками одомашнивания, как, например, более коротким носом и более широким лбом. В результате «создается впечатление, что это прирученные волки, большие домашние собаки» [110, 87]. Подобные находки были обнаружены также в Ланг-Маннерсдорфе в Австрии [23].

По-видимому, еще раньше в неволе держали медведей. В Северной Евразии вплоть до нашего столетия существовали культы медведя и для торжественных церемоний специально выращивали молодых зверей. У айну в Северной Японии женщины кормили грудью медвежат до тех пор, пока те не начинали есть мясо. Тогда их помещали в тесные клетки и держали там до праздника, когда медведей забивали.

Подобные культы были широко распространены в Сибири. В большинстве случаев после забоя шкуру с черепом выставляли для всеобщего обозрения. Это должно было служить символом того, что медведь продолжает жить. Некоторые из бронзовых изделий, найденных в районе Перми, позволяют проследить культ медведя вплоть до II тысячелетия до н. э. Содержание пещерных рисунков во Франции, в частности наряженные в медвежьи шкуры шаманы, говорит о существовании культа медведя в ледниковом периоде. Еще древнее, чем рисунки, склады медвежьих костей в альпийских пещерах. Так, во втором зале пещеры Драхенлох (Швейцария) обнаружены сложенные из камня стенки высотой 80 см. В промежутках между ними и стенами пещеры ле-

Пещера Кумбукаджи
Люди, кресты и горный козел. Стенная роспись. Ранний неолит (?)
(по Бостанджи)

Северная Япония
Женщина-айну кормит грудью медвежонка.
Японский рисунок XIX в. (по Фробениусу)

жали медвежьи черепа, часто с первым и вторым позвонками и длинными костями. В третьем зале стояли прямоугольные каменные ящики с черепами и длинными костями пещерных медведей. Эти и другие находки относятся к эпохе мустье, времени неандертальца, и соответствуют жертвенным захоронениям медведей в Сибири и Японии. Находки мустьерского периода не дают непосредственно оснований для вывода о том, что люди держали животных в неволе, хотя на зубах более позднего черепа из пещеры Хельмих близ Кауфунга видны следы шлифовки. Это можно объяснить по-разному, но все же вполне допустимо, что череп принадлежал медведю, долгое время находившемуся в неволе. В третьем зале пещеры Никсниц в Австрии коридор длиной 12 м и высотой 5 м, по-видимому, служил неандертальцам своеобразной клеткой, где выращивали выловленных медвежат. Исследование останков нескольких сотен пещерных медведей также свидетельствует о том, что некоторых из этих зверей держали в неволе.

Подобные результаты получены и при раскопках в Таш-Аире. Здесь, возможно уже в раннем палеолите, в закрытом ущелье держали свиней, и тут же их забивали [109]. Пока еще нет доказательств того, что человек держал в неволе собак, однако мы знаем, что уже в наше время женщины вскармливали своим молоком три вида животных: медведей — у айну, собак и свиней —

в Новой Гвинее, на Гавайях и в Новой Зеландии. В Европе случаи вскармливания собак женским молоком наблюдались в современной Испании, Италии и у цыган. В связи с этим интересно отметить, что ассирийскую Ламашту — злой дух, вызывавший родильную горячку, — изображали в виде женщины, кормящей грудью щенка и поросенка. В культе, а тем более в культовых изображениях часто сохраняются древние обычаи, которые уже давно потеряли смысл. Ламашту, очевидно, дьявольская ипостась богини плодородия, которая в далеком прошлом обычно изображалась кормилицей диких животных.

Однако, насколько нам известно, одомашнивание началось не со зверей, вскармливаемых женским молоком, а с травоядных животных, таких, как упомянутые овцы из Зави-Чеми-Шанидара. Поэтому неправильно считать, что непосредственными предшественниками домашних животных были звери, которых охотники держали для забавы. Остается открытым вопрос, почему к концу ледникового периода человек перешел к разведению травоядных, в то время как на протяжении десятков тысячелетий он держал, но не разводил другие виды животных. Пока мы можем лишь выдвинуть в ответ гипотезы, основывающиеся на том, что земледелие и разведение животных начались одновременно.

Когда ледники отступили, высокогорные долины и богатые водой склоны покрыла буйная растительность. Травы и деревья давали пищу диким животным, и человек собирал обильный урожай семян и плодов, тогда как раньше на голых склонах гор мало что можно было найти. Вскоре собиратели обратили внимание на некоторые виды злаков, обладавшие высокой устойчивостью и остававшиеся съедобными в течение всего года.

Это были дикие формы ячменя и пшеницы, которые и в наше время растут во многих горных долинах Передней Азии. Дикий ячмень обнаружен в Малой Азии, Закавказье, Северном Иране, Сирии и Палестине. Дикая пшеница-двухзернянка известна в Палестине, Сирии и Западном Иране [57, рис. 1]. Она приносит маленькие твердые зерна. Бывает, что на громадных площадях в несколько тысяч гектаров дикая пшеница произрастает так же густо, как на хорошо ухоженном поле. Опыты Харлана [112] дали поразительные результаты. Голы-

ми руками он собирал за час от 1440 до 2250 г дикой пшеницы, а с помощью кремневого серпа — на 2450 г больше. Зерна легко высыпаются из колосьев, но с трудом освобождаются от шелухи. Уже в те времена они были продуктом питания, который сохранялся в течение многих месяцев.

Когда злаки созревали, люди из пещер и с лагерных стоянок направлялись к заросшим злакам клочкам земли и возвращались с полными корзинами и мешками. К урожайным местам ходили не раз, и из-за них нередко разгоралась борьба. Наши предки устраивали свои стоянки у источников или рек и старались не удаляться от мест, где росли злаки, пока наконец не установили, что злаковое поле можно приблизить к самому лагерю. Кто знает, была ли это случайность или уловка измученного собирателя, но так или иначе не позднее X тысячелетия часть собранного зерна начали высевать около лагеря. Сотни попыток могли быть напрасными, и сотни удались. Вместо клочков земли появились небольшие поля на хорошо орошаемой земле без камней. Сборы зерна должны были возрасти уже хотя бы благодаря тому, что поле приблизилось к месту лагерной стоянки. Теперь было легче поддерживать существование и жизнь уже не зависела от случайностей собирательства.

Однако появление полей имело последствия, которые, разумеется, никто не мог предвидеть. Зеленеющие молодые посевы и созревающее зерно привлекали к себе не только сеятеля. Стада диких животных и чужаки видели там растущую пищу. Поэтому до сбора урожая поля нельзя было оставлять без присмотра. Люди убедились в этом на своем горьком опыте и стали охранять поля в течение всего срока созревания — от посева до жатвы. По крайней мере часть группы оставалась на этот период в лагере, а значит, не могла ходить на охоту, так как дикие животные всегда избегают населенных районов.

Возникла проблема: как прокормиться этим сторожам, которые получали продукты питания лишь во время сбора урожая? Их должны были обеспечивать питанием другие члены группы. Но как они могли это делать, если при преследовании диких зверей им приходилось уходить далеко от лагеря? Тягловое скота для перевозки убитых животных на большие расстояния у них еще не

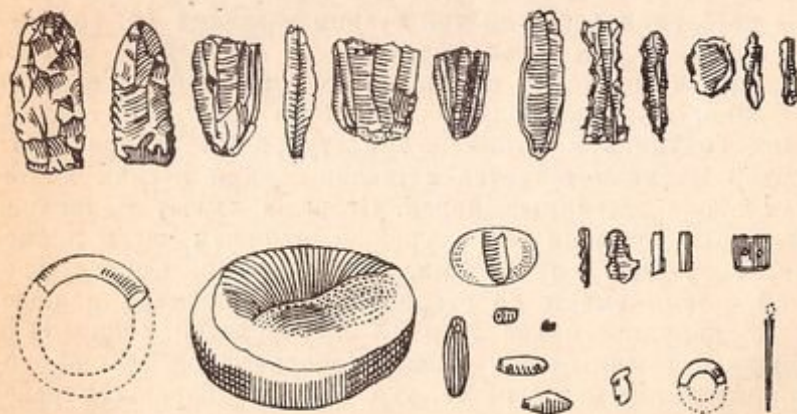
было. Кроме того, в жарких странах мясо портится очень быстро. Так пришли к мысли об «охотничьих резервах», которыми до нашего столетия пользовались арабские бедуины. При сезонных миграциях газелей они направляли большие стада в загоны. Немногие выходы из загона вели в глубокие расщелины, куда падали перепуганные животные. При этом бедуинам доставались погибшие животные, а молодых газелей вылавливали живыми. Их не убивали, а доставляли в лагерь. Вскоре животные становились ручными, сами искали себе корм и всегда были в распоряжении хозяев как живой резерв мяса.

Точно так же охотники X—IX тысячелетий могли время от времени захватывать молодых или обессиленных животных. Их доставляли «сторожам», на стоянку. Так возникли первые стада. Конечно, предпочтение отдавали более мелким животным, питавшимся травой и листьями. Их было легче прокормить, не сокращая ограниченные запасы мяса. В Северном Ираке стали держать в неволе овец, в Анатолии и Сирии — безоаровых коз, в Палестине и Иране — газелей и антилоп. Их мясо служило дополнением к урожаю с полей, и вскоре животных стали держать не только в период выращивания злаков. Люди быстро установили, что козы и овцы дают потомство и в неволе, а потому можно отказаться от охоты на них. Газели и антилопы тоже размножались в неволе, но были более чувствительны к внешним условиям, чем неприхотливые козы и овцы. Дарвин указывал, что разводить газелей трудно.

Таким образом, появление полей повлекло за собой необходимость их охраны. В силу этого часть племени не могла больше принимать участие в охоте. Потребность этой части племени в мясе привела — через «живые мясные резервы» — к одомашниванию подходящих животных, таких, как овца и коза, а это, в свою очередь, изменило экономический базис общества. С разведением овец и коз и выращиванием пшеницы и ячменя закончилась охотничье-собирательская стадия человеческого общества. При этом скотоводство вполне могло предшествовать земледелию, так как относительно высокие сборы дикорастущих злаков позволяли перейти к временной оседлости, если люди были в состоянии защитить поля от врагов. Земледелие усилило тенденцию к осед-

лости, хотя переход к ней продолжался длительное время.

Достоинство злаковых — выносливость семян — было в то же время их недостатком. Твердая оболочка не переваривалась в желудке. Чтобы освободить от нее зерно, человек изобрел каменную ступку и зернотерку, подобные обнаруженным в Карим-Шахире. Поселение такого же типа Р. Брейдвуд открыл при раскопках холма Асиаба, в 6 км к востоку от Керманшаха в Западном Иране. Как и в Карим-Шахире, там найдены мраморные кольца, орудия из красного фельзита и из кремня. Кроме того, было обнаружено основание округлого строения (диаметром около 10 м), в котором обитало или все местное население, или по крайней мере большая семья. Это сооружение свидетельствовало о дальнейшем развитии процесса оседлости. Правда, большие жилые строения эпохи раннего палеолита были еще раньше найдены на территории Сибири и Украины, но в них сохранились в основном кости диких животных, череп мамонтов, а также шкуры зверей, ставших добычей удачливых охотников. Переходившим к оседлости земледельцам шкур не хватало, тогда как их дома должны были стоять месяцами. Поэтому вскоре они начали строить хижину из сплетенных веток, обмазывая остоу снаружи глиной. Нередко основание хижины углубля-

Карим-Шахир, Северный Ирак

Кремневые топоры, скребки, резцы, микролиты, каменное кольцо, каменная чаша и зернотерка, бусы и игла (по Брейдвуду)

ли в грунт и тем сокращали поверхность, требовавшую глиняного покрытия. По крайней мере некоторые из обнаруженных в Зави-Чем-Шанидаре ям могли быть остатками жилых сооружений. Для постройки таких жилищ требовалось много веток, причем более толстых, чем использовались раньше. Их приходилось срубить с деревьев, и, чтобы облегчить себе эту работу, человек усовершенствовал каменный топор. Кирку еще раньше применяли для сбора корней и устройства западней, но только после появления каменного лезвия ее стали использовать в качестве топора. Гарпуны также имели кремневые лезвия. Подобным же образом земледельцы вставляли кремневые вкладыши в деревянные или костяные рукоятки; это были первые серпы для срезания колосьев.

Поля нужно было готовить к севу, и люди разрыхляли землю заостренными палками, а потом бросали в нее семена. Прототипами этих орудий были длинные копы, которые уже десятки тысяч лет использовались для охоты на крупных зверей; например в скелете древнего слона, вырытом у Лейне-Ганновера, торчало копы неандертальца. От копий вели начало узкие остроконечные лопатки с рукоятками длиной 1,8—2 м, до сих пор широко распространенные в Передней Азии.

Так от одного орудия происходило другое, и к концу X — началу IX тысячелетий самые передовые группы населения достигли той стадии развития (а возможно, подошли и к более высокой), на которой и теперь находятся некоторые племена Передней Азии и Северной Африки, ведущие полукочевой образ жизни. У аравийских бедуинов и нубийских пастухов-кочевников часть людей племени остается в шалашах или легких хижинах около засеянных полей. Сторожа имеют маленькое стадо. Ко времени сбора урожая основная часть племени, кочующая со стадами, возвращается. Собрав урожай, племя вместе со сторожами отправляется дальше.

У полукочевников X и IX тысячелетий овца могла служить вычным животным; теперь такой обычай сохранился лишь в Тибете, где сильные бараны перевозят грузы весом 10—15 кг на большие расстояния. Возможно, овца была древнейшим вычным животным.

В некоторых местах безусловно уже должны были перейти к длительной оседлости. Смит и Янг [282] в

горной долине Западного Ирана обнаружили холм, древнейший слой которого (8450 ± 150 г.) почти одного возраста с находками в Зави-Чем и в пещере Шанидара (8920 ± 300 г. и 8650 ± 300 г.). Остатки строений, найденные в Ганджедаре, уходят далеко в глубь земли, и дальнейшие раскопки позволят выявить структуру этого раннего поселения. Будущие исследования помогут точнее определить время появления скотоводства и земледелия.

При раскопках в Северном Ираке и Северо-Западном Иране обнаружены материалы, позволяющие судить о духовном мире человека той эпохи. На основании находок в двух могилах Телль-Асиаба можно заключить, что согласно древнему обычаю, зародившемуся еще в палеолите, тела при погребении посыпали охрой. Красная краска должна была скрыть трупную бледность и обеспечить покойнику дальнейшую жизнь. С обычаями раннего палеолита связаны и маленькие глиняные фигурки, которые изображали женщин. Известно более 80 раннепалеолитических женских фигурок — натуралистических и абстрактных, которые можно считать изображениями прародительницы рода. Вероятно, в них почиталась способность женщины к деторождению как источник жизни. Вместе с тем они были связаны с культом предков. Судя по более поздним находкам, статуэтки из Карим-Шахира и Асиаба имели одинаковое значение.

Лучше, чем культуры Загроса, известна культура натифийских поселений X и IX тысячелетий в Палестине, которая еще 30 лет назад считалась незначительной мезолитической охотничьей культурой. Важнейшие раскопки производились здесь на огромном холме Иерихона, самый нижний слой которого датируется приблизительно 9500 г. до н. э. Найденные там орудия относятся к ранней натифийской культуре. К сожалению, этого слоя удалось достигнуть лишь на незначительной территории, где работы велись на глубине 40 м. Однако и этот небольшой раскоп дал много удивительного.

В 1960 г. Кэтрин Кенъон обнаружила основание дома, который мог иметь около 6,5 м в длину и 3 м в ширину (рис. 6). Длина его установлена не точно, так как оба конца фундамента уходят за край раскопа. Основание представляло собой глиняную кладку высотой около 30 см, которую пересекала яма, похожая на силос-

ную, но совершенно пустая, хотя землю вокруг дома покрывал толстый слой обломков и орудий.

Когда-то дом имел деревянные и глиняные стены, но теперь от него остался лишь каменный фундамент. К нему относятся два больших блока с круглыми отверстиями диаметром около 30 см. Блоки могли служить опорами для культовых столбов, стоявших перед храмом. Подобные парные колонны перед храмами встречались в Передней Азии и через 9 тысяч лет: перед храмами ассирийцев, Урарту, в Тире и Хазоре, а также перед знаменитым храмом Соломона в Иерусалиме. В Ветхом завете говорится: «И поставил столбы к притвору храма; поставил столб на правой стороне, и дал ему имя Иахин, и поставил столб на левой стороне, и дал ему имя Боаз» (3 Кн. царств, 7, 24).

Израильский археолог Йевин предположил, что колонны храма Соломона воплощали отцовскую и материнскую линии рода царя, так как были названы их именами. Вероятно, к этим колоннам можно отнести толкование античным писателем Лукианом парных колонн перед сирийскими храмами как поднятых фаллосов, поскольку последние часто выступают в качестве символов предков или праотцов, например в китайском тексте периода бронзы.

Кроме того, предположение Йевина подтверждается тем, что в Ветхом завете упоминаются представления хаанаеян о деревянных столбах как изображениях материнского божества — Ашеры. На основании всего сказанного, думается, можно сделать вывод, что столбы Иерихонского храма олицетворяли двойственную структуру родовой организации и, возможно, служили воплощением предков. Высказанное другой группой археологов предположение, что храм был главным святилищем, позволяет объяснить, почему ритуальные действия, посвященные увеличению плодородия, были связаны с культом предков.

В конце X тысячелетия Иерихонский храм сгорел, и в течение следующего тысячелетия на его развалинах образовался четырехметровый слой мусора. В нем можно обнаружить остатки легких жилых построек, обмазанных глиной. О хозяйственной жизни этих поселений и форме домов почти ничего не известно. В то же время мы располагаем более подробными сведениями о других

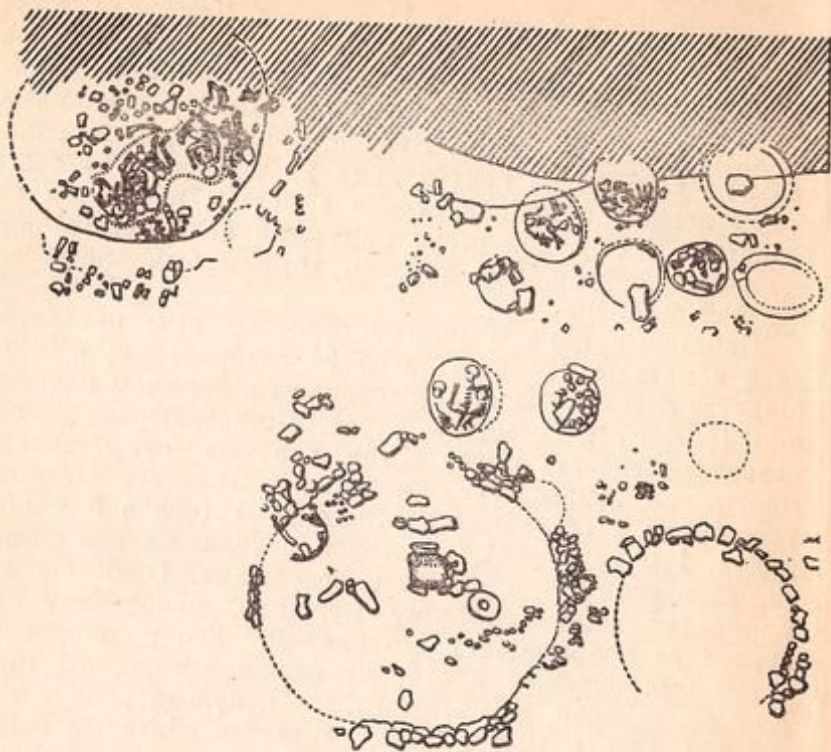
поселениях на территории Палестины. Так, у оз. Хула находилось поселение, состоявшее примерно из 50 домов (современный Эйнан, или Айн-Маллаха). Ушедшие глубоко в землю дома диаметром до 7 м имели укрепленные камнями земляные стены. Крыши, возможно, были сплетены из камыша. В центре дома 26 располагался очаг; рядом лежала каменная ступка с пестом и ковшом из базальта. К северной стене примыкал полукруглый каменный резервуар. Под плоским камнем был погребен грудной ребенок.

Некоторые дома и многие силосные ямы превратились в могилы. Были открыты 24 захоронения; в большинстве случаев скелеты похоронены в лежащем положении (рис. 8) и посыпаны охрой. Погребальные обычаи позволяют сделать вывод о том, что уже существовало социальное неравенство. Особенно выделялась могила, устроенная в основании круглого дома (около 5 м шириной, 1 м глубиной), в которой находились два скелета, захороненные в сидячем положении. Один скелет, принадлежавший взрослому мужчине, наполовину выступал из покрывавших его камней. Его приподнятый череп был обращен в сторону снежной вершины горы Хермон, которая, вероятно, играла какую-то роль в тогдашнем культе, может быть, считалась обителью богов. Череп второго скелета, вероятно женского, был увенчан головным убором из раковин.

Более старые захоронения были отодвинуты в сторону, а черепа сложены. Затем могилу засыпали землей, а сверху положили камни. Над могилой находился очаг и снова череп. В золе очага содержались костные остатки скелета, следовательно, здесь человек был сожжен (возможно, принесен в жертву). Потом снова шел слой земли и каменная кладка в форме круга, которая охватывала нижнюю стену. Вероятно, здесь был похоронен вождь; за ним в могилу последовали жена и еще один человек. В общине, объединявшей 400—500 человек, уже тогда мог выделяться вождь, который распоряжался пленными.

Другие погребения уступают этой интересной могиле, хотя между ними встречаются двойные и тройные. При этом большей частью два тела похоронены лицом к лицу. Вероятно, они были вместе положены в могилу. Есть и одиночные могилы, и вторичные захоронения, в

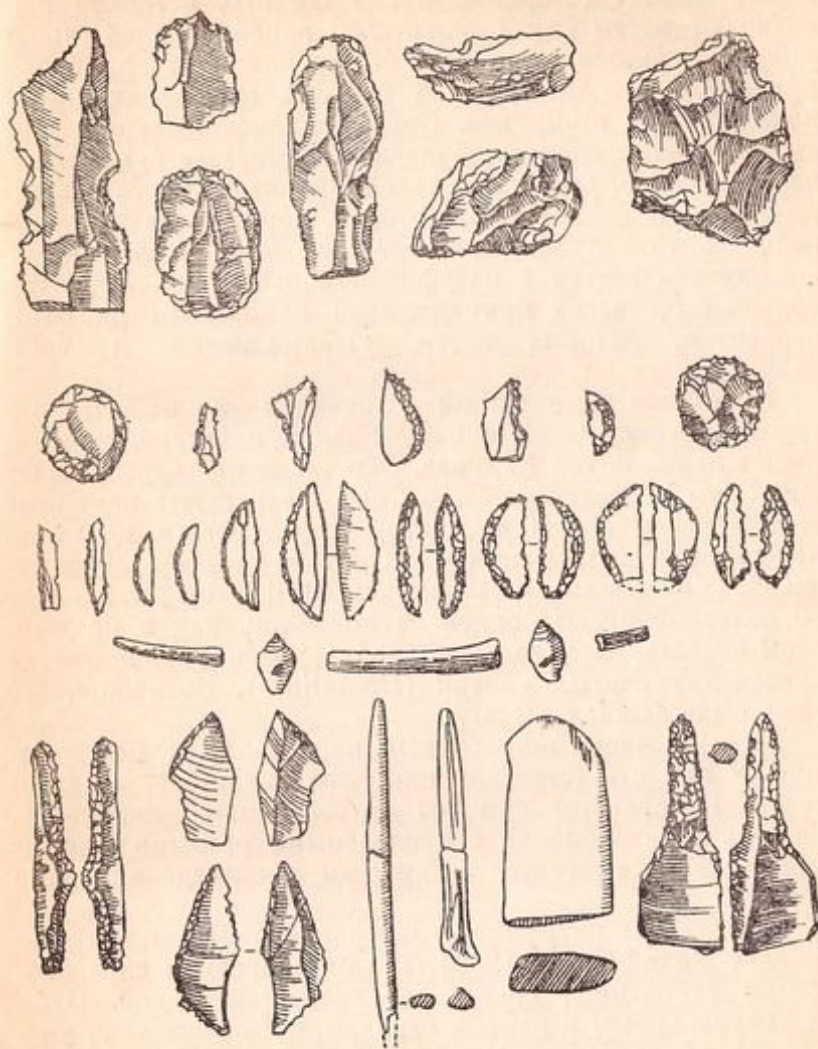

Эйнан (Айн-Маллаха), Палестина
Часть плана натуфийского селения. VIII—VII тысячелетия
(по Мелаарту)

которых часто лежат только черепа. Один из них окрашен в красный цвет.

Отделение черепа восходит к древнепалеолитической традиции. Уже могилы неандертальцев, как, например, в Монте-Цирцео в Италии, содержали одни лишь черепа. В последующее время захоронения черепов стали еще более частыми.

Этот обычай распространился и в Европе. В пещере Оффнет в Вюртемберге обнаружены два могильника с черепами, преимущественно женскими. В одном было 27 черепов, в другом — 6. Как и в Передней Азии, их украшали раковины и охра. Подобно многим натуфийским черепам, у них нередко удалены передние резцы. Аналогичные погребения найдены в Кауффертсберге и Холнштейне в Вюртемберге.

Ябруд, Сирия
Кремневые и костяные орудия и украшения.
Натуфийская культура (слой II). IX (?) тысячелетие

Экономическая структура поселения в Эйнане пока еще вызывает сомнения. Среди костных останков преобладают кости диких животных: ланей, газелей, лис и зайцев. Возможно, что уже были известны домашние животные — козы, крупный рогатый скот, свиньи, — но доказательств этому нет. Сохранившаяся пыльца злаковых позволяет сделать заключение, что уже существовало земледелие. Однако жителей Эйнана принято считать рыбаками и охотниками, которых кормило находящееся поблизости оз. Хула. О разведении свиней свидетельствуют находки костей в натуфийском поселении. Вероятно, большая их часть принадлежала пойманным на охоте пороссятам, которых затем выкармливали и забивали.

В течение тысячелетий охотничьи и пастушеские группы, относящиеся к натуфийской культуре, укрывались в пещерах гор Кармела. Обитатели некоторых пещер жили там постоянно, об этом свидетельствуют каменные ступки весом 40—50 кг, которые, разумеется, не могли использоваться кочевниками. Одна из пещер — Мугарет-эль-Вад — служила могильником. В ней открыто около 50 захоронений. На одной из покойниц, как и на женском скелете из могилы в Эйнане, были украшения из раковин трубчатых улиток (*Dentalium*). Возможно, это тоже была важная особа.

Видимо, часть погребенных явилась жертвами побоища. У них отсутствовали или были раздроблены конечности. Похоронены они без погребального инвентаря. Но есть и захоронения с прекрасными резными изделиями, которые относятся к лучшим произведениям того времени.

Скульптуры натуфийского периода найдены в третьем слое Нахал-Орена [260]. В самом древнем слое раскопано становище, обнесенное каменной стеной. Судя по замурованным в камень ступкам, население вело уже оседлый образ жизни. В расположенном поблизости могильнике ступки служили «надгробными камнями»: почти на всех могилах стояли каменные сосуды высотой до 70 см с пробитыми днищами. Среди погребального инвентаря, рядом с посыпанными охрой скелетами, обнаружены каменные скульптуры и гальки с узорами — выбитыми или нанесенными краской.

Могильник включал зольник, в котором сохранилась

груда пепла высотой около 50 см. Здесь, по-видимому, приносили жертвы покойникам. Под натуфийским поселением лежало позднелолитическое стойбище Кебара.

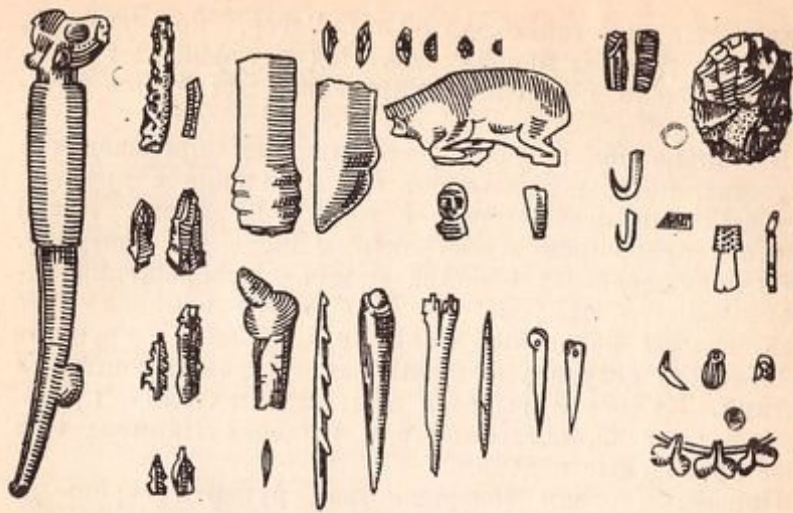
В Эйнане обнаружены также первые произведения искусства, которые связывают это поселение с другими натуфийскими поселениями в горах Кармела. Кусок фельзита превращен в абстрактную женскую фигурку. Два отшлифованных обломка камня — изображения человеческой головы (рис. 7). U-образные канавки — это глаза, волосы переданы линиями. Обломки хрупкого базальтового сосуда украшены как бы развевающимися лентами. Из кости вырезан тонкий шпатель — произведение ремесла, оставившего в пещерах Кармела еще более прекрасные изделия.

Поражают своим совершенством рукояти серпов из Мугарет-эль-Кебара и Эль-Вади. Им не уступают превосходные каменные скульптуры из Умм эс-Зувейтина или Айн-Закри. Статуэтка из Айн-Закри (рис. 9) изображает обнимающуюся пару, а фигурка из Зувейтина — лежащее животное, к сожалению, без головы. Очень богато представлены орудия: рыболовные крючки, гарпуны, иглы и серпы из кости, наконечники стрел, лезвия серпов, сверла и другие орудия из кремня, а также ступки и песты из фельзита; украшения в виде цепочек, браслетов, бус и подвесок из раковин (в том числе из раковин улиток), костей и камня. Разнообразны каменные сосуды (рис. 10). Наряду со ступками здесь были чаши, блюда, миски.

Оценить социально-историческое значение этих находок очень трудно, потому что археология предоставляет лишь сведения об экономике и уровне техники того времени. Надписи тогда не делались, литературные свидетельства встречаются в гораздо более поздних слоях. Из археологических исследований вырисовывается следующая картина Передней Азии X и IX тысячелетий:

1. Охотники-кочевники перешли к полукочевому образу жизни, связанному с обработкой земли, а в дальнейшем — к оседлости, которая в некоторых местах базировалась на рыболовстве. Происходит временное разделение труда между сторожами на полях, пастухами и охотниками, а также между пастухами, земледельцами и охотниками.

Натуфийская культура, Иерусалим

Орудия и произведения искусства, в том числе серп из Мугарет-эль-Вади и статуэтка газели из Умм эс-Зувейтин (по Брейвуду)

2. Численность общины возросла от 50—60 до 150—200 человек (например, в Эйнане).

3. Появились различия в типах поселений: от одного большого жилища (Асиаб), в котором обитают все члены общины, до поселения, состоящего из нескольких одинаковых по размеру строений.

4. Размеры и другие особенности домов внутри селений не свидетельствуют о социальном неравенстве. В основном все дома одинаковы по величине и качеству постройки.

5. Общественное разделение проявляется только в области религии. Так, иерихонский храм позволяет сделать заключение о дуальной организации. «Могила вождя» в Эйнане указывает на выделение внутри общества особо почитаемых людей. Различные типы захоронений в одном и том же месте говорят о том, что общество было разделено на группы.

6. Экономико-технический базис был настолько скуден, что, по-видимому, никакого накопления богатства происходить не могло. Отсутствуют также доказательства разделения труда в ремесле.

Безусловно, это общество — первобытное, а отмеченные различия не выходят за рамки родовой организации. Имеющиеся материалы не позволяют судить о характере внутривидовых связей, так как только устные или письменные источники могли бы служить свидетельством свойств родовой общины правовых и прочих отношений. Поэтому, чтобы установить наличие у народов древнего Востока родовой организации в догосударственную эпоху, то есть деления общества по принципу родства, приходится обращаться к эпохе высокоразвитых восточных культур.

Римляне называли родом родственные союзы, то есть общность всех прямых потомков истинных или вымышленных предков. Морган доказал всеобщее распространение родовой организации в догосударственную эпоху. Безусловно, в древних восточных государствах еще оставались следы первобытного общества, которые отразились прежде всего в мифах, обычаях и религиозных представлениях и были лишь пережитками старых порядков.

Жители древних восточных государств еще помнили, что было время, когда люди обходились без «царя», то есть без государства. Так, из списков шумерских царей явствует, что в III тысячелетии царей считали посланцами богов. В Шумере III тысячелетия проступали остатки родовой организации, например группы людей именовались названиями животных: змеи, ослы [7] и т. д.; именно так обозначаются племена у индейцев.

Шумеры по традиции считали главой семьи мать. Так, формула освобождения рабов гласила: «ама-г-ги» — «возвращаться к матери» [73, 80] — явление удивительное для патриархального общества. В еще большей степени господствующая роль женщины сохранилась у эламитов, населявших Юго-Западный Иран с III по I тысячелетия до н. э. Престолонаследие осуществлялось здесь по женской линии. Один из эламских царей называл себя «сыном сестры» своего предшественника на троне и, по-видимому, женился на родной сестре, чтобы обеспечить своим детям наследование престола. У хурритов Северной Месопотамии и Армении во II тысячелетии до н. э. сохранились также остатки коллективных форм брака. Так, оказался несостоятельным брачный договор, который заключил Шуппилиума для своей дочери о правителем Хаяша, супругом сестер жены [135]. Суще-

ствование коллективного брака в Шумере подтверждается документом правителя Лагаша — Урукагины (III тысячелетие), в котором говорится о том, что прежде женщины имели право иметь двух мужей, теперь же подчиняются нормам общества, признающего многоженство.

Подобные формы групповых или коллективных браков Бахофен использовал для доказательства первоначального матриархата, так как они встречаются во многих местах. Энгельс отмечал заслугу Бахофена, «исследователя, проложившего новый путь; он первый вместо фраз о неведомом первобытном состоянии с неупорядоченными половыми отношениями представил доказательство наличия в классической литературе древности множества подтверждений того, что у греков и у азиатских народов действительно существовало до единобрачия такое состояние, когда, нисколько не нарушая обычая, не только мужчина вступал в половые отношения с несколькими женщинами, но и женщина — с несколькими мужчинами; он доказал, что при своем исчезновении обычай этот оставил после себя след в виде необходимости для женщины выкупать право на единобрачие ценой ограниченной определенными рамками обязанности отдаваться посторонним мужчинам; что поэтому происхождение могло первоначально считаться только по женской линии — от матери к матери; что это исключительное значение женской линии долго сохранялось еще и в период единобрачия, когда отцовство сделалось достоверным, или во всяком случае стало признаваться; что, наконец, это первоначальное положение матерей как единственных достоверных родителей своих детей обеспечивало им, а вместе с тем и женщинам вообще, такое высокое общественное положение, какого они с тех пор уже никогда не занимали» [3, 217—218].

Эти примеры, число которых можно увеличить, свидетельствуют о важной роли женщины в восточном доклассовом обществе. Они позволяют по меньшей мере для некоторых народов сделать вывод о матрилинейном принципе установления родства, когда происхождение считалось по матери. Однако, несмотря на то что определение родства по материнской линии часто сочеталось с родовым строем, оно одно еще не доказывает наличия такого строя. Оно, равно как и многомужество, которое

вплоть до нашего столетия сохранялось в самых знатных тибетских семьях, могло существовать и в классовом обществе, но тоже лишь как пережиток. Бесспорное доказательство силы родового сознания, сохранившегося в эпоху классового общества, дает египетский миф о битве Сета с Гором. В одном из вариантов, относящемся к XII в. до н. э., рассказывается, что Сет и Гор боролись за наследство убитого Сетом Осириса. Исида, мать Гора и супруга Осириса, помогла сыну и поразила гарпуном своего брата Сета. Тогда тот обратился к ней как к родственнице: «Неужели ты любила чужого мужчину больше, чем брата со стороны матери, Сета?» [228, 53]. Под «чужим мужчиной» подразумевался Осирис, и Исида вытатила свой гарпун. Она сделала это во имя принципов матрилинейного родства, согласно которым Сет был ее ближайшим родственником.

Здесь мы снова возвращаемся к положениям Морган о родовом развитии, которые так высоко оценил Энгельс: «Но в то время, когда господствовал еще групповой брак, — а он, по всей вероятности, некогда господствовал повсеместно, — племя расчленялось на ряд связанных кровным родством по материнской линии групп, родов, внутри которых царил строгое запрещение браков, так что мужчины, принадлежавшие к одному роду, хотя и могли брать для себя жен внутри племени и, как правило, так и делали, но должны были брать их вне своего рода. Таким образом, если род был строго экзогамным, то племя, охватывающее совокупность родов, было так же строго эндогамным...

Но Морган этим не ограничился. Род американских индейцев дал ему, далее, основание сделать второй решающий шаг вперед в исследуемой им области. В этом роде, организованном согласно материнскому праву, он открыл первичную форму, из которой развился более поздний род, организованный сообразно отцовскому праву, — тот род, какой мы находим у культурных народов античности. Греческий и римский род, являвшийся до того загадкой для всех историков, получил свое объяснение в индейском роде, и тем самым была найдена новая основа для всей первобытной истории.

Это вновь сделанное открытие первоначального рода, основанного на материнском праве как стадии, предшествовавшей основанному на отцовском праве роду куль-

турных народов, имеет для первобытной истории такое же значение, как теория развития Дарвина для биологии и как теория прибавочной стоимости Маркса для политической экономии» [3, 223].

На древнем Востоке в эпоху существования государств еще были заметны остатки родового устройства, материнского права и даже групповых браков. Энгельс, как и Морган, считает, что матриархальный род произошел от группового брака. Правда, это нельзя доказать на древневосточном материале, но вполне допустимо принять для Передней Азии основной тезис Моргана о первоначальном существовании матриархального рода.

Классовое общество Востока еще долго оплакивало гармонию, царившую в первобытном обществе. Вот что говорится в шумерском мифе о «золотом веке»:

Когда-то давным давно
Не было ни змей, ни скорпионов,
Не было ни гиен, ни львов,
Не было ни диких собак, ни волков,
Не было ни страха, ни ужаса,
Человек не имел врагов...

[137, 177]

А в Египте говорили так:

Не было на земле несправедливости,
Не разбойничал крокодил,
Не кусалась змея
Во времена предвечных богов.

[127, 176]

Итак, основываясь на традиции и археологических данных, первый этап оседлой жизни человека на Востоке можно рассматривать как такую ступень первобытного родового общества, на которой происхождение, вероятно, определялось по женской линии. Но нельзя говорить о матриархате, «господстве женщин». Могила вождя в Эйнане, например, свидетельствует о ведущей роли мужчины. Другие находки, в частности статуэтки, также не доказывают господствующего положения женщины. Отдельные дома в Эйнане указывают на наличие постоянных семей, а в больших домах, таких, как в Асиабе, могли жить целые роды или коллективные семьи. Образование постоянных семей (дома в Эйнане сущест-

вовали на протяжении столетий) могло быть результатом новой формы производства, однако никаких других изменений по сравнению со структурой охотничьего периода там не обнаружено.

В этом четко выявляется косность общественных, религиозных и культурных форм по сравнению с технико-экономическими изменениями.

КРЕПОСТЬ ИЕРИХОНА

На протяжении двух тысячелетий в горных районах Передней Азии пастухи и земледельцы переходили из долины в долину. Уже гораздо больше людей жило в горах. Сейчас принято считать, что одному кочевнику-охотнику необходимо около 20 кв. км территории, то есть столько же, сколько нужно для жизни 5 тысяч земледельцев. Должны были пройти столетия, прежде чем стали ощущаться первые признаки недостатка земли — пашен и пастбищ. Правда, поля, вероятно, использовались экстенсивно, так как еще не были известны ни удобрения, ни приспособления для корчевки леса, и деревья, очевидно, просто сжигались. Но горных долин было много, да и племена, случалось, вымирали из-за неурожаев и болезней.

Однако к VIII тысячелетию картина изменилась. Началось постепенное расселение, которое в течение следующих тысячелетий открыло путь «аграрной революции» в умеренной зоне и субтропиках. На исстари заселенной территории, прежде всего в засушливых районах юга, разыгралась борьба за места стоянок, хорошие пастбища и источники воды. Группы кочевников объединялись в племена и племенные союзы для того, чтобы увеличить военные силы. Они укрепляли свои поселения; так была построена крепость, открытие которой 10 лет назад стало сенсацией (рис. 11).

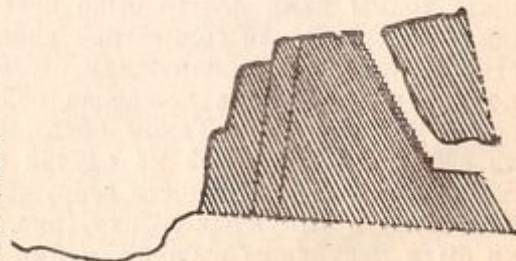
Крепость Иерихона VIII тысячелетия была окружена каменной стеной с мощными башнями, каких не знали ни один из более поздних городов, основанных на этом

месте. Стена охватывала площадь около 2,5 га; здесь тесно стояли круглые хижины из необожженного кирпича. Археологи, производившие раскопки, установили, что в крепости жили примерно 3 тысячи человек. 10 лет назад эта цифра не укладывалась в созданную нами картину исторического развития того времени. Даже если снизить ее на одну треть — хотя, скорее, она была еще выше, — то и в этом случае нелегко представить город того периода с населением, исчисляемым тысячами, когда самые большие общины в Европе насчитывали тогда, видимо, от 100 до 200 человек.

В археологической литературе придавалось большое значение тому, чтобы объяснить экономические причины возникновения такого большого поселения. Вероятно, к земледелию добавилась торговля солью, добываемой в Мертвом море, а также серой и битумом. На его берегу есть залежи асфальта в глыбах, который применяли для крепления кремневых лезвий; в Иорданской долине добывали серу. Вывозили, по всей вероятности, в первую очередь соль. Она была необходима для рациона земледельцев, а получить ее они могли только путем торгового обмена. Охотники сами находили соль во время своих перекочевок и потому еще не нуждались в услугах торговли.

Новые находки в Иерихоне подняли вопрос о структуре общества, поскольку такая большая община не может существовать без центрального руководства. Грандиозные работы при возведении стен и башен также предполагают наличие общепризнанного авторитета. Хотя пока известна только одна башня, которая случайно оказалась на территории раскопок, проводившихся англичанами, все говорит о том, что под грудами щебня погребены по меньшей мере еще семь или восемь подобных сооружений.

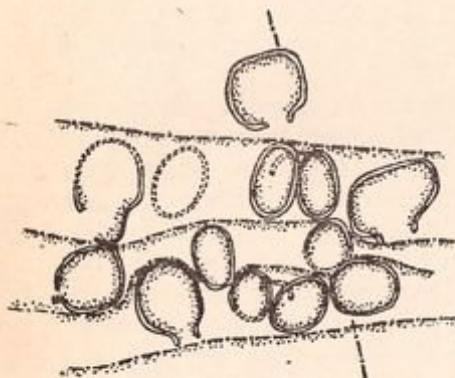
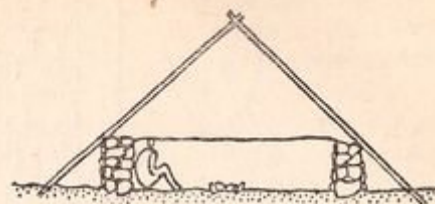
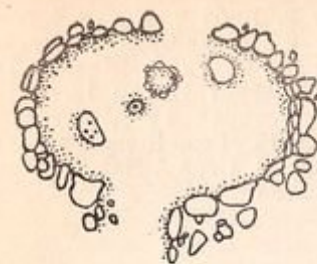
Иерихон, Палестина
Разрез башни (с лестницей, оборонительной стеной и рвом). Доке-
рамитический период А.
VIII тысячелетие (по
Кенъон)

Высота раскопанной башни составляет 8 м, диаметр — столько же (рис. 13). Снаружи к ней примыкал каменный вал, а со стороны города к верхней площадке вела под углом 30 градусов лестница из 28 каменных ступеней. Перекрытие сделано из почти квадратных плит толщиной 50 см, длиной и шириной 1 м. Когда раскопали городскую стену, она еще возвышалась на 3,9—4,25 м, а толщина ее превышала 1,6 м. Над стеной и башней, вероятно, когда-то поднималась кирпичная надстройка, остатки которой громоздятся теперь внизу у стены. Строители возводили сооружение из блоков размером 2×3 м, которые весили по несколько тонн. Перед стеной находился ров шириной более 8 м и глубиной 2,6 м, проложенный в известняке. Он не был вырублен, так как жители не имели соответствующих орудий, да и следов рубки нет. Ров мог быть сделан посредством «взрыва»: возможно, люди раскалили грунт сильным огнем и затем резко охладили его водой; в результате камень стал настолько податливым, что его можно было выскрести. Ров питался водой из обильного источника, который, вероятно, также был объектом борьбы. Насколько же сильной должна была быть военная угроза, если она вынудила жителей города прибегнуть к таким чрезвычайным мерам!

При этом у горожан была очень слабая экономическая база. Они сеяли пшеницу и ячмень, а из домашних животных имели лишь коз, собак, может быть, кошек. В пищу они употребляли мясо газелей. Величина поселения позволяет заключить, что его обитатели жили не только ежедневной охотой. Возможно, они, как бедуины XIX в., не ограничивались тем, что убивали зверей на больших ежегодных охотах и сушили их мясо, а ловили также молодых диких животных и выращивали их потом в стадах. Однако ни газели, ни козы не могли перемещать тонны камней. Это было делом людей, объединявших свои силы для совместной работы. Около башни, за стеной, археологи обнаружили бассейн. Вероятно, в него по каналу поступала дождевая вода. Слой воды в бассейне достигал 4 м. Таким образом жители обеспечивали себя питьевой водой на случай осады города. Плотины и дома внутри крепости сооружены из кирпичей, ровных снизу и выпуклых сверху (рис. 14). Жилые постройки были углублены в грунт, к ним вели деревянные лестницы. Возможно, сводчатые стены завершались кониче-

Нахал-Орен, Палестина
План поселения VIII—VII
тысячелетий и дом 9 (по
Штекелис-Израэли)

ской крышей. Найденные деревянные остатки могли быть частью крыши.

Находки черепов свидетельствуют о существовании культа предков. В трех местах найдено по три черепа, лежащих рядом, и, кроме того, черепá, расположенные кругом, лицевой частью внутрь.

Городская крепость, должно быть, существовала столетия. В некоторых местах лежали один над другим 22 строительных слоя, следовательно, 21 раз на месте разрушенного строения воздвигали новое. Так как на Востоке дом из необожженных кирпичей в среднем выстаивает лет пятьдесят, то на этом месте могли строить в течение почти тысячи лет. Исследования по методу C₁₄

Палестина и Сирия

1. Угарит 2. Библ 3. Ябруд 4. Тир
5. Эйнан 6. Нахал-Орен 7. Мегид-
до 8. Хирбет-Керак 9. Шаар-ха-Го-
лан 10. Кудейрат 11. Ай 12. Иери-
хон 13. Гезира 14. Иерусалим
15. Гассул 16. Беэр-Шева 17. Ге-
бель-Идейд 18. Сени-Аклат 19. Тим-
на 20. Кильва

показали, что возраст верхних слоев — 6935 лет до н. э., то есть крепость существовала до VII тысячелетия. На протяжении VIII тысячелетия груды обломков постепенно засыпали каменные стены и башню, хотя их дважды или трижды надстраивали. Поскольку укрепления погружались в щебень, оборона поселения ослабевала, и в I в. VII тысячелетия его захватили пришельцы с севера. Поселение было разрушено, и на лестнице, ведущей к башне, осталось 11 убитых. Победители также возвели на развалинах города укрепленное сооружение с каменной стеной.

Иерихон — не единственное известное нам поселение VIII тысячелетия. В Вади-Фалла (Нахал-Орен), в горной области Кармел, находилось натугийское поселение с 15—20 овальными домами. Как и строения в Эйнане, они были сооружены из камня и имели в диаметре от 2 до 5 м. Дома стояли на четырех террасах, друг над дру-

гом. В центре некоторых домов находился очаг. В домах и могилах обнаружены каменные чаши, полированные камни, ступки, а также предметы вооружения и разнообразные орудия из кремня: топоры, серпы, наконечники стрел, пилы.

В Иерихоне в VIII тысячелетии появился привозной товар из Анатолии — обсидиан, черная вулканическая масса стекловидной структуры. Он предназначался преимущественно для изготовления режущих и колющих орудий. Мелаарт высказал предположение о том, что величие Иерихона покоилось на торговле обсидианом и другими ценными породами. Но доказать эту гипотезу нельзя.

Возможными торговыми партнерами Иерихона были поселения в Анатолии, подобные тем, какие были раскопаны в Азыклы-Гуюке, а также в Хасиларе, под руинами поселения, относящегося к периоду расписной керамики. Под целинной землей Хасилара в семи слоях находилось поселение докерамического времени. Каменные фундаменты поддерживали кирпичные стены и обрамляли прямоугольные помещения. Наружные стены имели толщину около 1 м, внутренние — 20—30 см. Стены и полы были окрашены в красный цвет. Кремовые полосы на красном фоне чередовались с красными на кремовом фоне. Большие помещения были отделаны зеленой и желтой глиной. Во дворах и углах домов располагались очаги и кладовые. В некоторых строениях археологи нашли черепа, лежавшие на каменных плитах или в углу дома у входа. Отсюда можно сделать вывод, что и в Анатолии существовал культ черепов. Захоронений в этом поселении не найдено. В слоях обнаружены полированные каменные топоры, обломки каменных чаш и различные кремневые и обсидиановые клинки. В заботливо построенных кладовых сохранились остатки соломы, которая пристала также к кирпичам и глиняным полам; это свидетельствует о том, что люди того времени выращивали злаки — двухрядный ячмень, пшеницу-двузернянку и чечевицу. Кроме того, они, по-видимому, собирали дикорастущую пшеницу-однозернянку. Исследование при помощи радиоуглеродного метода позволяет датировать пятый слой 7040 г. до н. э. Следовательно, докерамическое поселение Хасилар существовало в то же время, что и каменная крепость Иерихона, но по своему значению уступает ей.

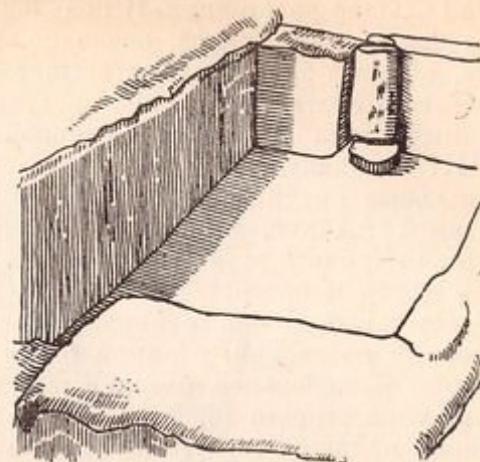

Хасилар можно сопоставить только с поселениями типа Нахал-Орена.

К культуре Хасилара близко стоят предметы, оставшиеся от города (рис. 20), воздвигнутого на развалинах каменной крепости Иерихона. Завоеватели строили прямоугольные дома, тогда как дома их предшественников имели круглую форму (рис. 12). До нас дошло несколько их храмов. В середине одного из них обнаружен бассейн со следами огня. У задней стены другого храма возвышался простой столб из вулканического камня, имевший культовое назначение. Вплоть до иудейского времени столбы были связаны с различными божествами. Например, в I тысячелетии до н. э. каменный столб почитался в Петре как символ девственного материнского божества. Святая святых Каабы также представляет собой черный камень, возможно метеор. В иудейском культе есть указания на подобные же представления. Так, слуги идола обращались к камню: «Ты родил меня» [Иеремия 2, 27]. Третий храм предвосхитил излюбленную в микенской Греции форму мегарона. Позади колоннады открывается передний зал, за которым находится опирающееся на две колонны помещение храма. Из этих храмов происходят плоские глиняные изображения почти в натуральную величину, частично реалистические, частично абстрактные (рис. 22). Очень интересное произведение раннепалестинского изобразительного искусства — вылепленная из глины голова, найденная Герстенгом; вместе с женской и детской фигурами она составляла древнейшую культовую троицу. Вероятно, эти фигуры олицетворяли плодородие, так как вокруг храма найдены многочисленные статуэтки животных (рис. 21): быков, козлов, баранов, доказывающие, что пришельцы держали не только коз, но и крупный рогатый скот. Это весьма значительное достижение было, по-видимому, делом полукочевников Северной Сирии и Анатолии. Здесь обитал мощный тур, родоначальник нашего крупного рогатого скота. Кочевавший в иранских горах зубр так и не был приручен, и постепенно его оттеснял одомашненный «двоюродный брат». В 1916 г. на Кавказе были уничтожены последние зубры. Что же касается переднеазиатских туров, то они, по-видимому, были истреблены уже в VIII и VII вв. до н. э.

Крупный рогатый скот, несомненно, одомашнивали

Иерихон, Палестина
Храм со столбами до-
керамического периода
Б. VII тысячелетие (по
Кеньон)

так же, как овец и коз, и, конечно, этот процесс начался с приручения и разведения отловленных молодых животных. Но чтобы захватить таких крупных животных и даже держать их в неволе, требовалось недюжинное мужество. Наверное, быков выращивали не до полной зрелости, а самых опасных вскоре убивали; и все же поражает отвага людей, не боявшихся разводить животных, во много раз более сильных, чем они. Исключение самых сильных животных из процесса размножения могло привести к биологическим изменениям всего вида, к его одомашниванию.

Одомашнивание животных дало значительные преимущества. Теперь можно было перевозить в 40—50 раз большие тяжести. Кочевники и торговцы пользовались крупными животными для доставки грузов; еще в прошлом столетии в Африке многие грузы перевозили с помощью крупного рогатого скота. В Азии, например в Тибете и Центральной Азии, крупный рогатый скот и теперь еще служит главным транспортным средством. Простые одеяла или циновки защищают животных от повреждений грузами. В древнем Египте тягловый скот также служил человеку. Весьма вероятно, что крупных животных пачали использовать как средство транспорта вскоре после одомашнивания. Возможно, что тогда же появилась и верховая езда, сначала на крупном рогатом скоте. Использование животных для перевозки грузов намного облегчало кочевникам и торговцам передвижение

на большие расстояния. К полукочевникам, имевшим стада коз и овец, вскоре, очевидно, присоединились племена, основой хозяйства которых служили стада крупного рогатого скота. Кочующим пастухам стали доступны травяные степи Аравии и Северной Африки. К концу VIII — началу VII тысячелетий относятся первые наскальные рисунки на Аравийском полуострове и в Северной Африке, изображающие людей, которые пасут стадо крупного рогатого скота.

Центром прогресса оставалась все же Передняя Азия. Здесь также можно установить далеко идущие различия в формах поселений: стоянки охотников, примитивные селения земледельцев, поселки рыбаков и городские поселения типа второго докерамического города Иерихона, в котором найдены самые своеобразные произведения искусства того времени: человеческие черепа, с помощью известковой массы превращенные в портреты умерших (рис. 17, 18). До сих пор найдено семь таких голов. Они, очевидно, были вынуты из могил, так как полости черепов заполнены землей, хотя отверстие основания закрыто известью. Скелеты убитых, лишенные черепов, свидетельствуют о том, что практиковалась охота за головами. Некоторые головы, умело подправленные глиной и расписанные, с раковинами в глазницах, напоминают храмовые скульптуры, также раскрашенные и с глазами из раковин. Такие черепа-портреты не являются просто скульптурными изображениями; они могли служить частично культу предков, частично культу жизненной силы, поскольку считалось, что она сосредоточена в голове.

Изменение культа черепа, происходившее с течением времени, а также разницу в локальных формах этого культа можно проследить с помощью этнографических материалов из Меланезии (рис. 15). Так, в Тасмании труп сжигали или хоронили, а очищенный череп сначала долгое время носил на шейной цепочке один из родственников, а потом его прятали вместе с другими черепами. На островах Адмиралтейства черепа хранили в доме. В северной части Новой Ирландии, по сообщению Шпайзера, через два месяца после погребения череп выкапывали и на нем вылепливали из воска лицо покойника. Эту маску после праздника умерших сжигали в маленькой яме [255, 129]. На Малаите в мужском доме

Иерихон, Палестина
Голова большой глиняной скульптуры.
Докерамический период Б. VII тысячелетие
(по Кенъон)

хранили только черепа служителей культа и вождей, на Буине же — черепа убитых. Все эти формы культа покоятся на представлении, что в черепах заключена жизненная сила.

Подобные черепа в виде гипсовых масок с глазами из раковин были раскопаны (вместе с первыми керамическими изделиями) в Телль-Рамаде. Они относятся к концу VII тысячелетия и по своим художественным достоинствам значительно превосходят женские фигурки, обнаруженные в Иерихоне. Неожданной находкой была маленькая глиняная печать со спиралевидным рисунком. До недавнего времени считалось, что печати характерны только для развитых восточных культур. Появление печати столь отдаленного периода говорит о том, что уже тогда существовало социальное неравенство. Более убе-

дительно об этом свидетельствуют материалы раскопок на юге Иордании.

Недалеко от Петры, древнего города в пустыне, на южном берегу вади, в Сеил-Аклате, или Бейде, производились раскопки. Там обнаружили несколько слоев поселения, относящегося к концу VIII — началу VII тысячелетий. В четвертом слое открыли своеобразное сооружение. Углубленные коридоры соединяли между собой прямоугольные помещения площадью $1 \times 1,6$ м. Эти маленькие каморки разделялись мощными стенами толщиной $1,5 \times 2$ м, в то время как толщина наружных стен была всего 50—75 см. Обломки толстых известняковых плит позволяют предположить, что строения, из которых к настоящему времени открыто шесть или семь, имели мощные перекрытия. Это были своеобразные погреба, плохо защищенные снаружи. Строители прежде всего хотели надежно укрепить внутренние помещения, которые служили мастерскими и складами. В одном помещении обнаружено множество каменных зернотерок, в другом — девять пар рогов горного козла, а также материалы для изготовления орудий и других изделий из кости и рога.

В другом коридоре около каменной плиты находилось 30 тяжелых каменных орудий: зернотерки, молотки, пестики и клинки — все они, вероятно, служили для разделки туш животных. Поэтому археологи назвали это помещение «мясной лавкой». Очевидно, в одних подвальных помещениях работали, другие использовались как склады. Но чем объяснить, что у них такие массивные стены? Может быть, стены защищали производителей и их продукцию от врагов? В таком случае следовало бы укреплять наружные стены. Более вероятно, что здесь работали по принуждению пленные, надежно запертые за толстыми стенами.

Принудительная работа в VII тысячелетии? Почему, собственно, нет? Поскольку человек мог уже производить больше, чем ему требовалось для поддержания жизни, вполне естественно, что завоеватели заставляли работать на себя взятых в плен чужеземцев. Очевидно, развитие общества продвинулось настолько, что сельская община могла иметь 30—40 работающих по принуждению.

Погребения в Сеил-Аклате имеют много общего с захоронениями в Иерихоне, так как во многих из них отсутствуют черепа. В детских могилах черепа всегда на

Сеил-Аклат, Иордания
«Мясная лавка». VII тысячелетие
(по Киркбрайду)

месте, в то время как в могилах людей старше 14—15 лет они отсутствуют. Вероятно, черепа удаляли в том случае, если умерший уже был принят в возрастную группу взрослых. Кремневые орудия и другая утварь, в частности каменные сосуды, из Сеил-Аклата соответствуют подобным предметам из Иерихона.

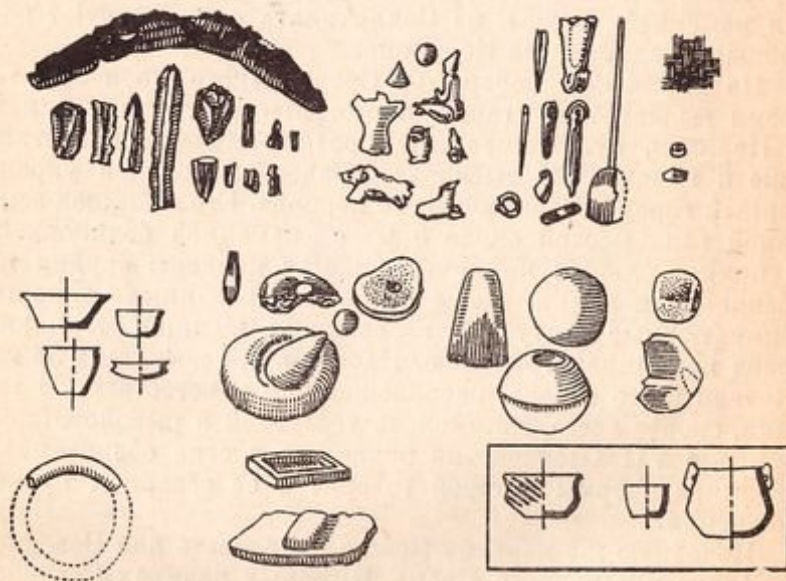
На сирийском побережье Средиземного моря в то время выдвинулся Угарит, портовый город, который, как и Иерихон, существовал на протяжении тысячелетий. Уже к началу VII тысячелетия здесь находился укрепленный город докерамического периода. Его защищал земляной вал высотой около 5 м с каменной облицовкой. В прямоугольных кирпичных домах найдены орудия из обсидиана и камня, в том числе полированные топоры. Миниатюрные статуэтки изображают женщин. В плане город напоминал трапецию. Площадь его достигала 36 га. Жители этого города, расположенного у естественной гавани, скорее всего, занимались торговлей и рыболовством. В конце VII тысячелетия появилась слегка обожженная керамика, формы которой говорят о ее северном происхождении.

Подобную же картину можно нарисовать для Северного Ирака и Западного Ирана. В горных долинах Северного Ирака было открыто несколько поселений VII тысячелетия. В Малефаате на р. Хазир, типичном поселении этого периода со скромными строениями, раскопано несколько полов и одна землянка. Из глиняных изделий

здесь обнаружены статуэтки и шары. Керамика не найдена. Каменные сосуды и орудия — ступки, зернотерки, полированные топоры и пестики — походят на утварь из Карим-Шахира. Это поселение может быть отнесено к началу VII тысячелетия.

Примерно на такой же ступени развития находилось одно из самых известных раскопанных поселений, датруемое серединой VII тысячелетия. Это Джармо на плоскогорье Чемчемал близ Киркука. Холм размером 90×140 м охватывает 12 слоев, из которых три верхних относились уже к керамическому периоду. В Джармо в 25 домах жили 150—200 земледельцев. В докерамических слоях обнаружено несколько ям для приготовления пищи, и в некоторых сохранились «нагревательные камни». Под действием огня стенки ямы затвердели. Сложенные из кирпича-сырца стены прямоугольных домов покоились на каменных фундаментах. Дверные проемы закрывались деревянными дверями, петли которых вращались в каменных косяках. В одном из откопанных домов было

Джармо, Северный Ирак
Сери, камни для растирания злаков, ступки, статуэтки. Внизу: керамика верхних слоев. Докерамический период. VII тысячелетие (по Брейдвуду)

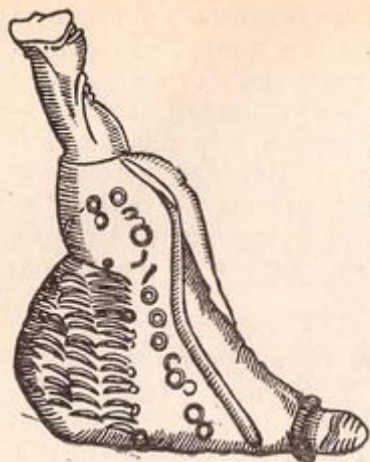
семь помещений, причем одно отапливалось со стороны двора. Дымовая труба была вделана в стену, что свидетельствует о довольно высоком развитии строительного мастерства. Керамика выступает в технически завершенных формах, из чего бесспорно следует, что она возникла не здесь, а была завезена извне. Изделия изготавливались вручную, кое-где в глину вкраплены растения. Сосуды — цвета кожи, некоторые уже раскрашены. По всей вероятности, Северный Ирак также был в то время одним из центров развития культуры.

Найденные изделия из обсидиана, очевидно, происходят из Анатолии. Около 5 тысяч обломков принадлежат глиняным статуэткам людей и животных (рис. 16). В нижних слоях преобладают фигурки женщин, изображенных в движении, и статуэтки животных — собак, коз, а в других слоях — и крупного рогатого скота. Единичной оказалась глиняная печать с рисунком в виде спирали. Сделанные из глины и камня фаллосы свидетельствуют о том, что мужское начало составляло часть культа плодородия. Чашы из мрамора искусно обработаны.

Из исследований Хелбека мы хорошо осведомлены о том, какие виды растений возделывались в то время. Это две дикие формы, только приближающиеся к пшенице, а также одна скрещенная из двух сортов пшеницы, ячмень-двузернянка, полевой горох, чечевица и эспарцет (заячий горох). Собирали фисташки и желуди, а также в большом количестве — съедобные раковины. Среди многочисленных остатков животных обнаружены кости медведя, леопарда, оленя, овцы, козы и кулана (онагра). Некоторые кости, возможно, принадлежали домашней кошке.

Поселения Западного Ирана также, по-видимому, отставали в своем культурном развитии от центральных и западных зон горных районов. Раскопки в Хузистане, проведенные в 1961 г., вскрыли в Али-Коше самый нижний, докерамический слой, относящийся к VII тысячелетию (рис. 25). В примитивных землянках найдены серпы и зернотерки. Возделывали ячмень и пшеницу. Вероятно, держали коз и газелей. Керамика начинает попадаться, сначала понемногу — в средних слоях, которые датируются VI тысячелетием. Верхние слои представляют переход к вполне развитому периоду металла. В центральной области Загроса, например в Гуране, в слоях

Тепе-Сараб, близ Керманшаха, Иран
Статуэтка женщины. VII тысячелетие (по Мелаарту)

VII тысячелетия керамика также не обнаружена. Здесь существовало поселение с деревянными хижинами, которые только в слоях VI тысячелетия сменяются постройками из кирпича-сырца. В них встречается расписная керамика, которой нет в более ранних слоях. В Тепе-Сарабе найдены фигурки женщин и животных, выполненные реалистично, с подчеркнутыми формами (рис. 23 и 24). Переход к культуре Северного Ирака представляет собой раскопанный датскими археологами холм Телль-Шемшара в горах Восточного Ирака. В его основании лежит докерамический слой, где обнаружены предметы, подобные встречающимся в Джармо. Над ним находится слой с расписной керамикой, как в самых поздних поселениях Джармо.

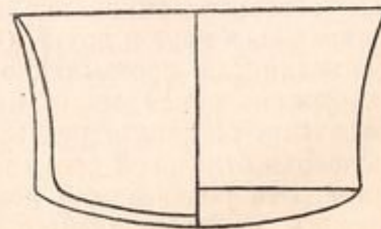
Для VIII тысячелетия характерно дивергентное развитие различных территорий и форм жизни. Наряду с земледельцами-полукочевниками и охотниками появляются кочевники-скотоводы, имевшие стада крупного рогатого скота, овец и коз, а также оседлые земледельцы в селениях и аграрных городах. Караванная торговля и, вероятно, судоходство могли привести к образованию больших общин. Обработка камня и, возможно, также размол зерна стали выполняться людьми, принадлежавшими к нижним слоям населения; намечаются первые признаки применения принудительного труда. Тысячелетия развития земледелия привели к заселению всех доступных земель и, наконец, к недостатку земли, к войнам

за источники воды и города. Рядом с небольшими селениями воздвигались мощные крепости.

В сельском хозяйстве были окультивированы чечевица, эспарцет, горох и другие полезные растения. Кроме овец и коз домашними животными стали собака, кошка и, главное, крупный рогатый скот, который позволил коренным образом преобразовать способы передвижения. Кочевники, знавшие овец, коз и крупный рогатый скот, перешли Суэцкий перешеек и продвинулись в Африку. В это время культура Сирии, Палестины и областей, примыкающих к ним с востока, начала отставать в своем развитии. С начала VII тысячелетия в некоторые области, такие, как Иерихон, вместе с рогатым скотом с севера проникает керамика. В конце VIII тысячелетия центр развития, видимо, переместился в Анатолию.

При интерпретации материалов VIII и VII тысячелетий с точки зрения общественного развития обнаруживается ряд явных противоречий. Бесспорно, в таких поселениях, как Нахал-Орен, и даже в городах, насколько нам известно, существовало социальное равенство. Над массой построек не возвышались дворцы. По размерам и способам постройки храмы не отличались от жилых помещений. Но в то же время в Сеил-Аклате встречаются следы применения принудительного труда, а разделение труда, во всяком случае в некоторых местах, привело к появлению ремесленников. Об этом свидетельствуют не только мастерские в Сеил-Аклате. Найденные во многих местах каменные чаши тонкой работы, возможно, вышли из специальных мастерских.

Первобытнообщинный строй считается гармоничным бесклассовым обществом, однако большие города — Иерихон и Угарит были окружены мощными стенами и на их территории найдены останки убитых. В наше время племена, находящиеся на стадии первобытнообщинного

Тепе-Гуран, Западный Иран
Ранняя керамика. VII (?) тысячелетие (по Мортенсену)

строю, малочисленны, древние же города объединяли в своих стенах тысячи жителей. Многие исследователи доисторического периода утверждали, что при первобытно-общинном строе города не могут существовать.

Но что такое город? «Поселение со статутом города», — отвечают европейские историки. Однако большие восточные города, такие, как Вавилон, Самарра, Дели, никогда не имели городского статута в европейском смысле этого слова. Правда, в ходе истории древневосточного общества в городах Передней Азии возникли дифференцированные правовые системы и некоторые города добились от правителей особых привилегий, например в налоговом обложении. Но мы пока не знаем ни одного древневосточного города, который имел бы письменно зафиксированный статут или конституцию. Понятие «город» невозможно передать и посредством определенного экономического термина. Ведь население многих европейских городов с кодифицированным статутом, как и обитатели больших поселений VIII и VII тысячелетий, занималось в основном земледелием, а также торговлей предметами роскоши и ремесла. Определение города нельзя также связать с господством того или иного класса; в этом убеждает опыт социалистических стран. Таким образом, определяющими для характеристики города остаются размеры поселения и, возможно, окружающие его укрепления, то есть те самые особенности, которые приняты за основу и в современной муниципальной политике.

Важная роль культа предков в Иерихоне, Хасиларе и других поселениях свидетельствует о существовании родового общества, в котором всех членов рода объединяет истинное или вымышленное происхождение от общего предка. В замечаниях к книге Моргана, цитируемых Энгельсом, Маркс писал: «Система кровного родства, соответствующая роду в его первоначальной форме, — а у греков, как и у других смертных, была когда-то такая форма, — обеспечивала знание родственных отношений всех членов родов друг к другу. Они с детских лет на практике усваивали эти чрезвычайно важные для них сведения. С возникновением моногамной семьи это забылось. Родовое имя создавало родословную, рядом с которой родословная отдельной семьи представлялась лишней значения. Это родовое имя должно было теперь свидетельствовать о факте общего происхождения его носите-

лей; но родословная рода уходила так далеко в глубь времен, что его члены не могли уже доказать действительно существовавшего между ними родства, кроме немногочисленных случаев, когда имелись более поздние общие предки» [4, 103]. Нам, естественно, не известны родовые имена тех давних времен, но почитание предков и тогда играло настолько важную роль, что позволяет сделать вывод о существовании родового общества еще в VII тысячелетии.

Но что же характерно для этого первобытного общества, в котором существовали города, ремесла, первые формы угнетения производителей, широко развитая торговля и, главное, длительные беспощадные войны? Подобную стадию, только в более позднюю эпоху, стадию перехода греков от времени героев к классовому обществу, описывает Фридрих Энгельс: «Возрастающая плотность населения вынуждает к более тесному сплочению как внутри, так и по отношению к внешнему миру. Союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре делается необходимым даже и слияние их и тем самым слияние отдельных племенных территорий в одну общую территорию всего народа. Военный вождь народа — *гех*, *basileus*, *thiudans* — становится необходимым, постоянным должностным лицом. Появляется народное собрание там, где его еще не существовало. Военачальник, совет, народное собрание образуют органы родового общества, развивающегося в военную демократию. Военную потому, что война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни. Богатства соседей возбуждают жадность народов, у которых приобретение богатства оказывается уже одной из важнейших жизненных целей. Они варвары: грабеж им кажется более легким и даже более почетным, чем созидательный труд. Война, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападения, или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом. Недаром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни достигают уже цивилизации» [4, 164].

В Эйнане мог существовать в зачаточной стадии развитый институт вождей, подобный описанному в грече-

ском эпосе. В городах VIII и VII тысячелетий должны были появиться формы совместной жизни, отличные от принятых в древнем, доклассовом обществе. Дела общины большие не решались совместно всеми членами общины, которая теперь охватывала тысячи людей. Вполне естественно, что перед военными походами выбирали предводителей. Захоронение в Эйнане доказывает, что еще в предшествовавшую эпоху среди членов общины выдвинулись выдающиеся личности. Отсутствие особой резиденции говорит против единоличного господства. В обществе с развитым почитанием предков, на которое указывают черепа предков в Иерихоне, власть, скорее всего, принадлежала старейшинам семьи или рода. Возможно, они составляли совет для решения текущих дел, возглавляемый одним из старейшин или военным предводителем. Затем проблемы общины обсуждало общее собрание взрослых членов рода или племени. Археологические раскопки не дают оснований непосредственно для таких выводов. Необходимо привлечь более поздние традиции и легенды, чтобы доказать существование трех ступеней в общественном устройстве доисторического времени. Так, согласно письмам XVIII в. до н. э. из архива Мари, сирийские кочевники с Евфрата подчинялись старейшинам. Финикийские, малоазийские и месопотамские города II и I тысячелетий до н. э. также возглавлялись «старейшинами». В эпосе о Гильгамеше есть рассказ, который свидетельствует о существовании в Шумере III тысячелетия «военной демократии». Это поэма о борьбе между Гильгамешем, правителем Урука, и Аггой, правителем Киша, которая происходила в раннем классовом обществе, еще сохранявшем явные признаки общества доклассового.

Посланники Агги, сына Энмебараггеси,
Покинули Киш, дабы явиться к Гильгамешу в Урук.
Властитель Гильгамеш перед старейшинами своего города
Изложил дело и ждет такого ответа:
«Не покоримся дому Киша! Ударим на него с оружием!»
Созванное собрание старейшин города
Ответило Гильгамешу:
«Покоримся дому Киша, не пойдем на него с оружием».
Гильгамеш, властитель Куллаба,
Совершивший много геройских подвигов в честь Инанны,
Не мог принять сердцем слова старейшин своего города.
Во второй раз Гильгамеш, властитель Куллаба,

Перед воинами своего города изложил дело и ждет
такого ответа:
«Не покоримся дому Киша! Ударим на него с оружием!»
Созванное собрание воинов города ответило Гильгамешу:
«Не покоримся дому Киша! Ударим на него с оружием!»
И Гильгамеш, властитель Куллаба,
Услышав ответ воинов своего города, возрадовался сердцем
и просветлел душой.

Перевод Ф. Л. Мендельсона

Гильгамеш, который здесь выступает в роли прежнего военного вождя, не имеет права единолично объявлять войну. Он пытается получить согласие старейшин и после их отказа апеллирует к «воинам» — древнему народному собранию. Таким образом, в шумерском государстве начала III тысячелетия народное собрание еще оставалось высшей инстанцией при решении серьезных вопросов, которые касались всего народа, например вопросов войны и мира. Правда, в отличие от VIII и VII тысячелетий женщины теперь в собрании не участвовали. В VIII—VII тысячелетиях восточное общество в наиболее развитых районах уже достигло стадии, которую мы называем «военной демократией».

Это явилось результатом успешного развития сельского хозяйства, начавшегося разделения труда в ремесле и сельском хозяйстве и возникновения торговли. Резкий рост продуктивности хозяйства (в земледелии примерно в 5 тысяч раз по сравнению с периодом охоты) вызвал быстрый прирост населения. Образовались большие города, возникли новые формы совместного существования людей. Вожди, совет старейшин и народное собрание стали основными формами общественного устройства. Главное место по-прежнему принадлежало роду, в котором потомки по прямой линии одного прародителя объединялись в общем почитании предков.

ГОРОД ХРАМОВ
ЧАТАЛ-ГУЮК

В Южной Анатолии простирается равнина Кония, житница Малой Азии. На протяжении тысячелетий это богатое водой плоскогорье было густо заселено. В раннем средневековье здесь процветало царство сельджуков Румы, государство Иконий. Византийцы, римляне, персы и многие другие народы использовали просторы равнины для земледелия. Однако до недавнего времени о древнем периоде Конии было известно очень немногое. Лишь в 1958 г. после многочисленных систематических исследований молодому английскому археологу Джеймсу Мелаарту удалось сделать сенсационное открытие. Он производил раскопки примерно в 40 км на юго-восток от Конии, на берегу быстрой полноводной реки Уаршамбачай. Крестьяне называют это место Чатал-Гуюк, то есть Двойной Холм. Тут рядом находились два необычайно больших холма из мусора и щебня, которые скрывали остатки поселений, существовавших несколько тысячелетий назад. Более древний холм имел в длину 500 м, в ширину — 300 м. Он поднимался над равниной на 17,5 м. Другой холм, западный, был лишь ненамного меньше.

Уже первый осмотр холмов позволил надеяться на многое. Находки с территории западного холма, подобные материалам других мест раскопок, относились к V тысячелетию. Однако значительная толщина слоя с остатками поселений говорила о том, что он охватывает и более древние периоды. Обследование восточного хол-

ма увенчалось еще более обнадеживающими результатами. Найденная прямо на поверхности керамика относилась к очень древнему типу, который до сих пор встречался лишь в пещерах и небольших поселениях. Раньше подобные изделия считались результатом опытов древних сельских ремесленников. Находки сделаны на холме 20-метровой высоты, слои которого образовывались в течение столетий. Как раз в это же время был открыт докерамический Иерихон, но новое место раскопок, в три-четыре раза превосходящее его по площади, обещало затмить этот город-крепость в Палестине. Очевидно, восточный холм Чатал-Гуюка скрывал самое большое из известных поселений начала VI тысячелетия, а к какому периоду восходит возникновение анатолийского «города», никто не отваживался предполагать. Металлические или каменные скульптурные произведения не могли здесь уцелеть, крупные художественные произведения при раскопках холмов этого периода прежде не были найдены.

Однако старания археологов, отлично подготовленных и хорошо оснащенных, увенчались успехом. Из-под первого же снятого слоя дерна перед Мелаартом и его коллегами появились очертания стен (рис. 26). Условия, в которых сохранились находки, оказались такими же из ряда вон выходящими, как и сами найденные предметы.

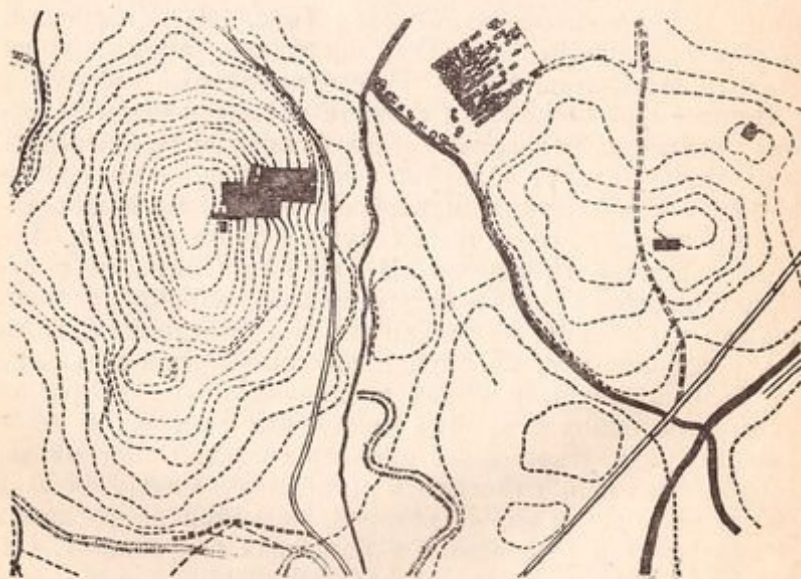
Первые фоторепортажи с места раскопок были встречены учеными с недоверием и вызвали решительные протесты. Ведь Мелаарт обнаружил храмы с фресками, рельефными и скульптурными изображениями, могилы с остатками тканей, деревянные сосуды и даже нити, на которых нанизывался жемчуг. В отдельных случаях в черепных коробках погребенных людей сохранился мозг. Уже эти сообщения, по тогдашним представлениям, казались невероятными, но опубликованные Мелаартом даты еще больше потрясли круги специалистов. Среди раскопанных им находок многие содержали углерод, и он с помощью радиоуглеродного анализа составил систему датировок. Находки относились к периоду между 6800 и 5800 гг., то есть к эпохе, которой, несмотря на раскопки в Иерихоне, мы отказывали в подобных сокровищах. Одни исследователи думали о фальсификации, другие — об ошибках, и радиоуглеродный метод стал казаться совершенно ненадежным. Однако тем временем археологи мно-

Малая Азия

1. Неа-Никомедия 2. Аргисса 3. Троя 4. Дорак 5. Иортан
6. Гюлюек 7. Аладжа 8. Алишар 9. Хасилар 10. Окюзлю 11. Чатал-Гуюк 12. Белдиби 13. Чамхасан 14. Мерсин 15. Адлер

Чатал-Гуюк, Анатолия

План холма с раскопами (по Мелаарту)

гих стран посещали Чатал-Гуюк, изучали найденные предметы и убеждались в их подлинности. Пришлось признать, что Иерихон, который раньше считался самой передовой формой развития VIII и VII тысячелетий, по крайней мере уже в начале VII тысячелетия находился на его периферии. Или же исследователей вводили в заблуждение менее благоприятные условия сохранения предметов в Телль эс-Султане?

В настоящее время датировка поселения Чатал-Гуюк получила всеобщее признание, хотя споры о той или иной частности и ее толковании то прекращаются, то по мере продвижения раскопок разгораются вновь. Археологи вскрыли уже от одной пятой до одной десятой части верхних четырех-пяти слоев и дошли до XII слоя, который лежит ниже уровня окружающих полей. К сожалению, в этой местности земледелие требует интенсивного орошения, вода из оросительных каналов просачивается в раскопы и препятствует дальнейшим работам. Наиболее древний, XII слой датирован 6800 г. Самые поздние даты получены для II слоя — 5797 ± 79 г. Между ними находится целый ряд дат; так, слой VI, имеющий важное значение для истории искусства, датирован 6000—5900 гг., а начало X слоя отнесено к 6500 ± 100 г.

Таким образом, поселения восточного холма Чатал-Гуюка процветали между 6800 и 5800 гг. Этот период примыкает ко времени существования крепости Иерихона и соответствует его второму периоду, который характеризуется портретными черепами с гипсовой облицовкой. Мы можем считать 12—13 поселений тысячелетия Чатал-Гуюка единым целым, поскольку они не обнаруживают ни временных упадков культуры, ни ее взлетов. При историческом исследовании этого места не следует забывать, что раскопки велись только на незначительной части холма и далеко не все находки опубликованы. Центр холма, где должны располагаться наиболее важные сооружения, остался нетронутым.

Однако два частично открытых комплекса строений блеском своих сокровищ затмевают все раскопанные ранее поселения той эпохи. Строения, расположенные в разных слоях, не соответствуют друг другу во всех деталях, но совпадают в основном в плане. Его особенности четко видны из плана VII слоя. Очевидно, все поселение планировалось как единое целое и строилось общими си-

лами жителей. Прямоугольные дома примыкали друг к другу стена к стене, так что не оставалось места для улиц или переулков. В дома, расположенные внутри кварталов, можно было попасть только через крыши. Жители поднимались в свои жилища по лестницам, из которых несколько сохранилось. Дома обычно состояли из главного помещения и одного или двух передних. Здания имели 8—10 м в длину и 4—6 м в ширину.

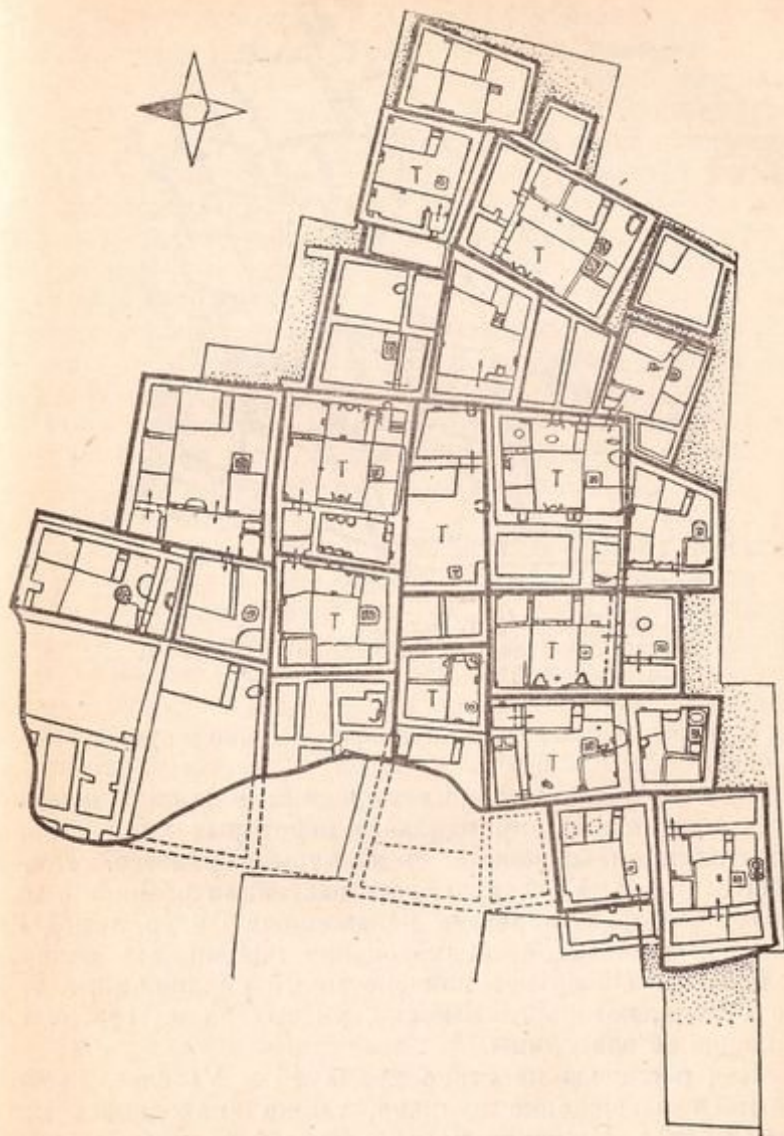
Руководитель раскопок предполагает, что жилые дома были стиснуты на таком малом пространстве из соображений обороны. При этом внешние стены жилых кварталов служили защитной стеной: подобный способ обороны обычен для многих анатолийских поселений последних столетий. Однако такое оборонительное устройство не идет ни в какое сравнение с мощными оборонительными сооружениями в Иерихоне.

Жилые дома различаются по величине и расположению помещений, но эти различия не позволяют сделать вывод о каком-либо социальном расслоении общества. Обращает на себя внимание ряд богато украшенных помещений, в которых отсутствуют признаки жилья. Каждый третий или четвертый дом украшен рельефами, скульптурами, росписью, из чего следует, что такие здания были местами отправления культа, храмами. В настоящее время обнаружено 48 храмов, отличающихся между собой только отделкой.

Мелаарт объясняет такое скопление храмов на небольшой площади тем, что он случайно сначала открыл храмовый квартал Чатал-Гуюка. За это предположение говорит отсутствие мастерских, против — тот факт, что храмы были включены в жилые комплексы (причем каждый храм, по-видимому, принадлежал к определенной группе домов).

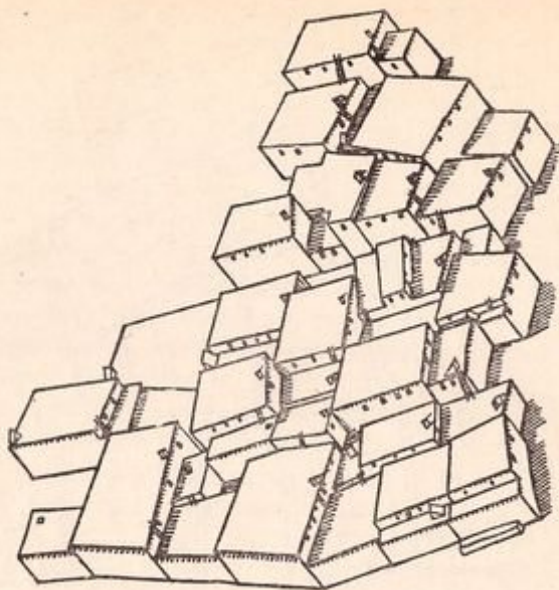
В более позднее время, в эпоху восточных классовых обществ, храм обычно был отделен от жилых кварталов и даже защищен от них. Так в архитектуре выразилось совершившееся классовое расслоение, отделение жрецов от крестьян и ремесленников. В Чатал-Гуюке этого разделения, очевидно, еще не было. Если считать, что отдельный дом занимала большая семья и объединение в группу трех или четырех жилых домов рассматривать как родовой союз, то можно заключить, что каждый храм принадлежал одному роду. Захоронения в храмах свиде-

68

Чатал-Гуюк, Анатолия
Городской квартал, план, храм (=Т). Слой VI. Ок. 5800 г.
(по Мелаарту)

Чатал-Гуюк, Анатолия
Жилой квартал (реконструкция). Ок. 5800 г.
(по Мелаарту)

тельствуют о том, что в то время уже существовали жрецы.

Как правило, умерших хоронили в жилых помещениях под лежанками, однако в некоторых храмах обнаружены могилы женщин в богатом убранстве. Так, в XIII слое храма 3 сохранилась настенная роспись с изображением фантастически искаженных фигур, а под небольшой площадкой — захоронение женщины в сидячем положении. Около нее найдено много украшений, а также булава, которая, возможно, указывала на особое положение ее владелицы.

Под росписью на стене храма 14 в VI слое, изображающей извержение вулкана, также находилась женская могила. Мужских могил в храмах до сих пор не обнаружено. Раскопано 17 женских могил в храмах и, кроме того, еще четыре женские могилы, принадлежность которых к определенным строениям не установлена. Во всех могилах погребенные посыпаны охрой, что должно было обеспечить им воскресение.

Таким образом, главную роль в культе исполняли женщины. По данным раскопок нельзя установить, были ли они служительницами какой-нибудь богини или сами считались живым воплощением божества. Этнографические параллели и исследования древневосточных религий позволяют, однако, предположить, что отделение жрецов от божеств могло произойти только в более позднее время. Сибирские шаманы, среди которых женщины считались наделенными особой чудотворной силой, были для верующих одновременно и людьми и божествами, поскольку последние завладевали шаманами, когда те находились в состоянии транса. В такой же роли могли выступать и женщины в храмах Чатал-Гуюка.

Наши познания о религии VII и VI тысячелетий не ограничиваются лишь жреческими могилами. Убранство храмов дает более полное представление о духовном мире тех тысячелетий.

В центре религиозных представлений того времени стояла обожествленная женщина как источник жизни и смерти — мало знакомая нам форма комплексных представлений. Уже при погребении жрицы из храмовой могилы VIII слоя были положены предметы, символизировавшие смерть и болезни. Между циновками, закрывавшими тело, лежали многочисленные скелеты мышей, в том числе землеройки, которую восточная традиция связывает с эпидемиями и преисподней. В некоторых рукописях древнеегипетской Книги мертвых мышеголовая богиня являет собой один из устрашающих образов преисподней, и еще в I тысячелетии до н. э. филистимляне приносили в жертву золотых мышей, чтобы предохранить свою страну от чумы (1 Кн. царств 6, 4).

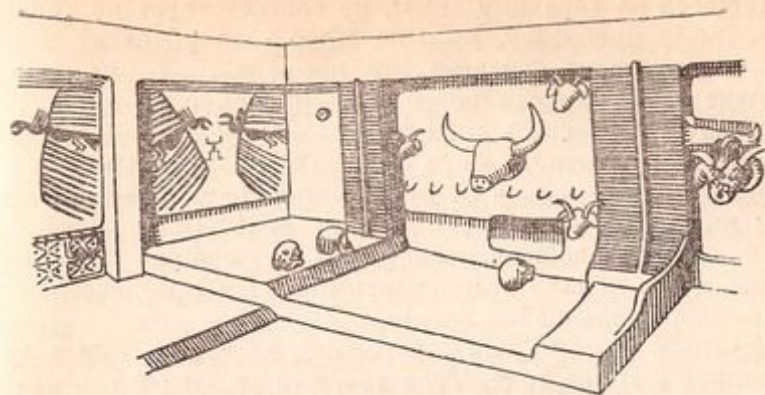
Единство жизни и смерти отчетливее всего воплощено в статуэтке из III слоя (около 5800 г.). Нагая толстая женщина с двумя животными, стоящими по бокам, восседает на троне (рис. 33). Ее ступни опираются на черепа, между ногами виднеется голова новорожденного. Роженица вбирает в себя силу из черепов предков, повелевает животными, стоящими по сторонам трона, и должна влиять на плодородность растений: это видно из того, что фигура находилась в силосной яме, содержащей семена зерновых. По-видимому, по представлениям древних, сила женской плодовитости настолько велика, что может стимулировать плодородность растений.

Представление о связи между способностью человека к деторождению и плодородностью растений было новым фактом по сравнению с представлениями каменного века и являлось духовным отражением возникшего земледелия. Изображение роженицы найдено еще раньше в пещерах на юге Франции, например на рельефе из Лоссе [202, рис. 5]. Оплодотворение животных воспроизведено на глиняном рельефе из Тю д'Одубера. На нем представлены зубры в момент спаривания. Во время обряда посвящения вокруг этого рельефа танцевали. Скорее всего, он олицетворяет попытку не только возбудить сексуальную силу животных, но и перенести ее на людей. Лишь у земледельцев женщина стала не только прародительницей и основой матрилинейного рода, но и главой семьи, так как она возделывала землю. Ей подчинялись животные и вегетационные силы растений. Как родоначальница и носитель жизненной силы, от которой зависит ежегодный расцвет и умирание растений, она воплотила в себе круг представлений о жизни и смерти, находящихся, с нашей точки зрения, в непримиримом противоречии друг с другом.

Связь между жизнью и смертью не воспринималась как нечто ужасное. Черепа, на которых стоят ноги роженицы, означали, очевидно, предков, которых почитали в образе черепов также в Палестине. О культе черепов свидетельствует и настенная роспись в различных храмах. В VII слое раскопан храм с росписью и рельефами, отображающими культ умерших. Настенная роспись изображает мощных коршунов-ягнятников над обезглавленными трупами. Перед этими картинами стояли глиняные скамьи с человеческими черепами. Основные скульптуры храма — вылепленные из глины головы крупного скота с мощными рогами, какие когда-то украшали гигантских диких животных. Некоторые из изображенных коршунов имеют человеческие ноги. Возможно, они воспроизводят одетых коршунами танцоров, которые играли большую роль в культе мертвых.

Изображение обезглавленных трупов дополняется другой росписью. На ней представлен фасад строения с остроугольным фронтоном, перед которым сложены многочисленные черепа. Судя по примерам из многих ранних культур в других частях света, это, вероятно, был «дом черепов».

Чатал-Гуюк, Анатолия
Храм предков. Слой VII (21). Ок. 6200 г. (по Мелаарту)

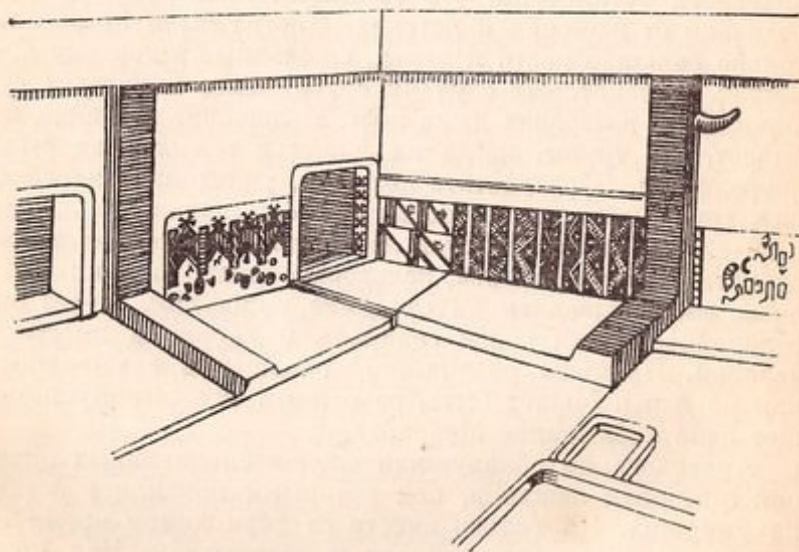
Погребальные обычаи Чатал-Гуюка отличаются от существовавших в это же время в Палестине. Останки умерших находились в разной степени сохранности. Извлекая их из могил, устроенных под лежанками жилых домов, археологи установили, что останки мужчин помещались отдельно от женских и детских. Иногда были погребены только большие кости и череп, сложенные в корзину или мешок. В некоторых случаях сохранились мышцы и сухожилия, а в черепах даже мозг. Положение костей доказывает, что трупы, когда их клали в могилы, не были повреждены. В результате пожаров, уничтожавших селение, трупы обуглились, поскольку они находились всего в 20—25 см от поверхности лежанки. В то же время, как свидетельствуют росписи, некоторые трупы, лишенные головы, выбрасывались на съедение коршунам. Через определенное время кости собирали и хоронили вместе с черепом. Причины различного обращения с умершими нам не ясны. Может быть, разрешить эту загадку поможет одно наблюдение Мелаарта.

Археологи не обнаружили следов специальных починков глиняных лежанок, под которыми покоились останки умерших. Их только вместе со всем домом время от времени заново раскрашивали и отделывали. Как можно заключить на основании других наблюдений, такие работы производились лишь один раз в году, скорее всего, весной, накануне Нового года. Наше начало года, при-

ходящееся на середину зимы, не соответствует не только античному прообразу, но и делению года у многих народов, более тесно связанных с природой. Тому виной прежде всего христианское летосчисление, которое нарушило старую связь года с циклом природы. Для народов древневосточного мира год, как законченный вегетационный цикл, длился от прорастания растений и рождения животных до их гибели и распада. Конец года сопровождали жалобные песнопения об умершей плодородности, а его начало становилось шумным празднеством в честь возрождающейся жизни.

Жители Чатал-Гуюка, вероятно, хоронили своих покойников в конце года. Тела тех, кто умирал в его начале, выбрасывали коршунам, а головы помещали в дом черепов. Скончавшихся же в конце года клали под лежанку. Таким образом, между мертвыми и живыми существовала тесная связь. Покойник, похороненный под лежанкой, принадлежал к семейному очагу, поэтому не было нужды класть в могилу продукты питания. Но его одежду, оружие и украшения хоронили вместе с ним. Так, в женских могилах находили зеркала из гладких,

Чатал-Гуюк, Анатолия
Храм Е VI В, I. Стенная роспись (частично восстановлена).
Фасад дома черепов. Ок. 5900 г. (по Мелаарту)

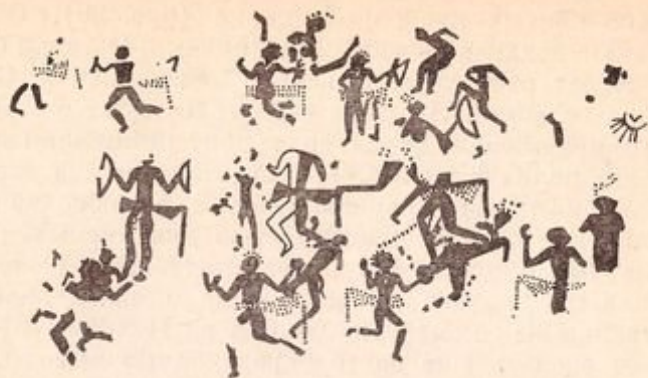
тщательно обитых кусков обсидиана (рис. 29). Тканые пояса заканчивались костяными пряжками. Остатки одежды позволяют различать несколько видов тканья. Следы краски на останках умерших свидетельствуют о том, что трупы раскрашивали. Вероятно, краску применяли в косметических целях и живые. Тела женщин богато украшены бусами из камней, раковин, костей, а также из меди и свинца, что было неожиданностью для ученых.

Тогда как упомянутая ранее статуэтка роженницы указывала на древние представления о связи дающей жизнь женщины со смертью, рельеф из II храма VI слоя позволяет сделать еще более определенные выводы. Две глиняные женские груди охватывают головы двух коршунов с выступающими вперед клювами. В полости под грудями лежат обглоданные коршунами кости — символ смерти, возникающей из жизни. Этому рельефу сродни глиняные бюсты с черепами лис и ласок, найденные в других храмах, а также часто встречающиеся изображения, на которых кабан фигурирует вместе с женщиной.

В Иране более поздней эпохи в образе кабана иногда выступает смертоносный бог войны. Уже в раннекерамических поселениях, таких, как Тепе-Сараб, относящихся примерно к тому же времени, что и Чатал-Гуюк, основными культовыми изображениями были женщина и кабан. В Чатал-Гуюке в храмовых могилах VII слоя в захоронения клали кабаньи челюсти. На многочисленных глиняных рельефах воспроизведены женские бюсты над кабаньими челюстями, а на глиняном рельефе VI слоя (храм 45) — голова кабана (больше натуральной величины) рядом со стилизованным изображением женщины.

Почитание дикого кабана, возникшее из страха перед ним, не положило конец охоте на него, и в культе, связанном с охотой, он фигурировал как добыча. Охотничий культ в тот период становится, по-видимому, единственной областью идеологии, в которой главная роль принадлежала мужчинам, и в то же время наиболее консервативной, сохранявшей древние обычаи палеолита. Прежде всего об этом говорят статуэтки некоторых животных, являвшихся главными объектами охоты: на них миниатюрным оружием нанесены «раны». Как известно по многим изображениям из пещер ледникового периода на юге Франции и в Испании, эти фигурки, представлявшие

Чатал-Гуюк, Анатолия

Сцена танцев. Люди в леопардовых шкурах прыгают и танцуют. Из храма охоты. Слой III. Ок. 5800 г. (по Мелаарту)

Стенная роспись из храма охоты. Слой V. Ок. 5800 г. (по Мелаарту)

Люди прыгают через быка и держат онагров

Люди ловят медведей

крупный рогатый скот, свиней и оленей, «забивались» перед охотой, во время культовой церемонии. После использования их закапывали в храм. Подобный обычай еще в наши дни существует у пигмеев: готовясь к охоте, они изготавливают магическое изображение животного, а после охоты уничтожают его.

Культу охоты посвящены, судя по росписям, два храма Чатал-Гуюка — из III и V слоев. Особенно интересны росписи более древнего храма. Они исполнены в характерном для Чатал-Гуюка стиле, в них много персонажей, чувствуется движение; множество людей танцуют вокруг необычайно больших животных. Животные и более простые детали выполнены минеральными красками. Для изображения людей применялись в основном органические красящие вещества, которые сохранились хуже, чем более устойчивые минеральные. Грунтом для картины служила белая глиняная штукатурка стен. Некоторые животные нарисованы в натуральную величину; так, можно видеть быков длиной 2—2,4 м. Люди же, наоборот, невысоки и стройны.

Достоинны удивления наивный реализм и подвижность человеческих фигур, которые переданы в виде единого целого. Художники того времени избегали накладывания одной фигуры на другую, но воспроизводимое ими многообразие движения не имеет параллелей в более позднем искусстве Передней Азии и Египта. Ближе всего к этой живописи стоят минойские росписи II тысячелетия до н. э. на Крите.

В храме из III слоя уже у входа были помещены сцены охоты. Мужчина — великан в повязке из шкуры леопарда натягивает лук, стоя позади стада благородных оленей — трех самцов, самок и телят, нарисованных красной краской. Двое других охотников, поменьше, бросились на упавшего оленя. Его изображение с откинутой назад головой принадлежит к числу самых удачных на фризе. За стадом стоят еще несколько охотников. В искусстве восточных высокоразвитых культур различия в положении людей выражаются размерами фигур. Вероятно, и здесь рост стоящего слева мужчины должен был показать его роль как руководителя охоты, а может быть, и вождя.

В главном помещении храма, на восточной стене, также изображены охотники в повязках из леопардовых

Люди ловят гигантского оленя

шкур с луками, стоящие между оленями. Животные, по-видимому, не пытаются убежать. Большой бык длиной 2,05 м тоже спокойно стоит в толпе вооруженных охотников. Здесь изображены культовые церемонии, в чем можно убедиться на основании другой росписи храма. На ней показаны охотники, танцующие вокруг бело-красной фигуры, значение которой остается пока не выясненным. Кроме луков некоторые танцоры держат в руках рога и барабаны. Наверху справа изображены два прыгуна, делающие сальто. Охотники танцуют в честь божества охоты. Фигуры пропорциональны и пластичны.

Эти картины отличаются реализмом, тогда как роспись храма из IV слоя почти абстрактна. Тут обращает на себя внимание голова мужчины, выполненная в белом, красном и черном тонах. К сожалению, роспись настолько повреждена, что остальную ее часть нельзя рассмотреть. Изображенное над головой разъятое на части тело позволяет считать ее — возможно, неверно — маской или скульптурным портретом умершего.

Главная роспись из храма V слоя снова возвращает к мысли о минойской эпохе на Крите. Красный бык длиной около 2 м стоит среди танцующих вокруг него людей. Один из них делает сальто на спине быка. На Крите

прыжки на спине быка были ритуальным видом спорта, который пользовался большой популярностью. Следы подобных игр прослеживаются вплоть до Индии и Китая.

Бык из Чатал-Гуюка был, кроме того, жертвой обычая, который распространялся и на других животных: мужчина держал его за вытянутый язык. Возможно, применяя этот болезненный прием, человек старался удерживать на месте животное. На другой росписи из этого храма люди при помощи такого же приема пытались повалить двух могучих благородных оленей, которых к тому же держали за хвост.

Среди изображений этого храма встречается своеобразный рогатый олень, через которого, возможно, прыгали, как и через быка.

Наряду с оленем и быком в этом ритуальном танце участвовала свинья. На двух росписях изображены безоружные люди, которые бросаются на могучих кабанов, чтобы поймать их живыми. Один из ловцов, стоящих перед кабаном, держит в руке приспособление типа корзины или сети; то же можно видеть и в руках другого человека, подбегающего к кабану сзади. Вероятно, это были прирученные животные, так как едва ли возможно голыми руками схватить дикого кабана.

Тем более не могли быть дикими бурые медведи, фигурирующие на росписях. В одной из сцен на бурого медведя нападают пять человек. Один схватил его за хвост, другой бросается на него, раскинув руки. Перед рычащим

Люди ловят кабана и держат онагров

зверем сидит третий ловец. На помощь к охотникам спешат еще двое, каждый с рогом в руке. Безусловно, это не оружие. Скорее всего, рог служил музыкальным инструментом, сигнальным горном или трещоткой, что подчеркивает культовый характер сцены. Такие рога вместе с барабанами и тамбуринами не раз встречаются на других росписях, изображающих ритуальный танец. Конечно, это никак не мог быть дикий медведь, которому не страшны пять человек. Но это и не домашнее животное, так как одомашнивание медведей нигде не удалось, да и вряд ли его пытались осуществить.

Однако в культе медведя у сибирских охотников вплоть до нашего века значительную роль играла борьба с выросшим в неволе медведем, проводившаяся перед его умерщвлением. Самые смелые в деревне молодые люди выходили с голыми руками навстречу медведю, освобожденному перед этой церемонией. Они отвлекали на себя внимание зверя, а их товарищи его связывали. Эта опасная игра без применения оружия повторялась неоднократно.

Л. Фробениус описывает эту игру, существовавшую у гиляков (нивхов) в конце XIX в., на основании сообщения очевидца.

«Когда зверь вырастает, нельзя положиться только на одну ремennую петлю, брошенную ему на шею. Поэтому один гиляк, расставив ноги, прыгает перед медведем, захватывает его за основания ушей и прижимает голову зверя к земле. Одновременно два других гиляка, вооруженные деревянными палками, делают то же самое с его передними лапами. После этого один из присутствующих прыгает зверю на спину, садится на него верхом и надевает ему ошейник» [93, 196].

Кроме этих действий, соответствующих изображениям из Чатал-Гуюка, на медведя нападали и без палок. У Фробениуса сказано об этом:

«Теперь, для малого медведя, Шусисин придумал такой способ: нападающий надевал шубу из собачьего меха наизнанку, мехом внутрь, а поверх нее оленью шубу мехом наружу и задом наперед. Затем он подвизывался кушаком так, что мех выступал вперед горбом и далеко отстоял от тела. Наряженный таким образом охотник выжидал момент, когда разозленный палками зверь оскаливал зубы. Выставив вперед грудь, охотник подходил

вплотную к зверю и давал ему вцепиться зубами во вспученный мех. Затем он бросался зверю на шею, захватывал его голову за уши и пригибал книзу. Стоящие вокруг люди были наготове связать медведю в этот момент пасть и прижать лапы» [93, 200]. Медведи не были связаны или лишены зубов. Фробениус подчеркивает:

«Здесь медведь мог пустить в ход свои конечности и челюсти» [93, 198].

Мы не ошибемся, если проведем параллель между этим описанием и росписью в Чатал-Гуюке и отнесем эти пробы сил, связанные с культом медведя, к очень давней традиции, берущей начало в каменном веке. Таким образом, и тут вплоть до начала земледельческого периода в культе сохранялись элементы жизни охотничьего периода.

Из одинаковых способов обращения с медведем, свиньей, оленем и крупным рогатым скотом можно сделать вывод, что уже тысячелетия назад люди держали в неволе наряду с медведями еще три вида животных, причем это было настолько повсеместное явление, что возникли даже охотничьи культы таких животных. Интересно, что из этих животных два вида принадлежат к травоядным, а два — к тем четвероногим, которых даже в новое время вскармливали женским молоком. В росписях отсутствуют более мелкие животные, питающиеся травой и листьями, но козы, например, появляются в дополнительных изображениях под картинами. Зато среди прирученных животных был кулан, или онагр. Шумеры и аккадцы приручили его и использовали как вьючное животное; кроме того, они скрещивали его, как позднее и римляне, с ослом или лошастью для выведения мулов. Онагр не стал домашним животным, но, судя по росписям из Чатал-Гуюка, его первым из семейства лошадиных (Equidae) держали в неволе.

На картинах неоднократно изображены лошадеподобные животные с короткими ушами и ослиными хвостами, которых можно принять за куланов. Онагры и поныне известны своей непокорностью и строптивостью. Еще шумеры запрягали их только при помощи намордника и кольца, продетого через нос. В росписях показано, что их удерживают за морду или за ногу — следовательно, это были прирученные животные. Может быть, онагров захватывали молодыми и выращивали в неволе, чтобы

иметь резерв мяса. В этой связи интересна находка швейцарского зоолога Стампfli, который (согласно его письменному сообщению) среди костного материала в ранних слоях Джармо с удивлением обнаружил многочисленные остатки онагра. Приручить онагра было, конечно, не просто, но и ненамного труднее, чем оленя или медведя.

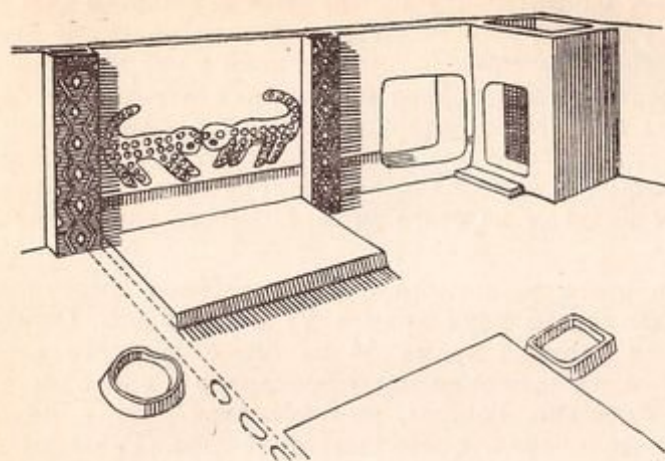
Леопард (или его шкура) встречается на картинах чаще, чем другие звери, даже чаще, чем бык, который занимает в культе первостепенное место. Леопард и в наши дни считается опаснейшим хищником. Ни тигр, ни лев не пользуются такой зловеющей славой и не внушают такое уважение к себе, как леопард. Бушмены и жители Западной Африки и сейчас боятся превратившегося в дикого леопарда колдуна больше, чем льва, которого европейцы считают самым хищным зверем. Леопарды считались королевскими животными в Бенине, и дочери королей Восточной Африки носили леопардовую шкуру как королевскую мантию. Большую роль играл мех леопарда и в Египте эпохи фараонов: жрецы заупокойного культа при ритуале «отверзания уст», который высвобождал души из их мертвой телесной оболочки*, надевали мантию из шкуры леопарда.

Фараоны Нового царства заставляли изображать себя в гробницах стоящими на черном леопарде, чтобы тем самым подчеркнуть свою божественную власть над животным, несущим смерть. Почти такое же изображение встречается в Чатал-Гуюке. Статуэтка из известняка представляет собой юношу-всадника, сидящего на леопарде; фараонов также изображали юношами, сидящими на леопардах**.

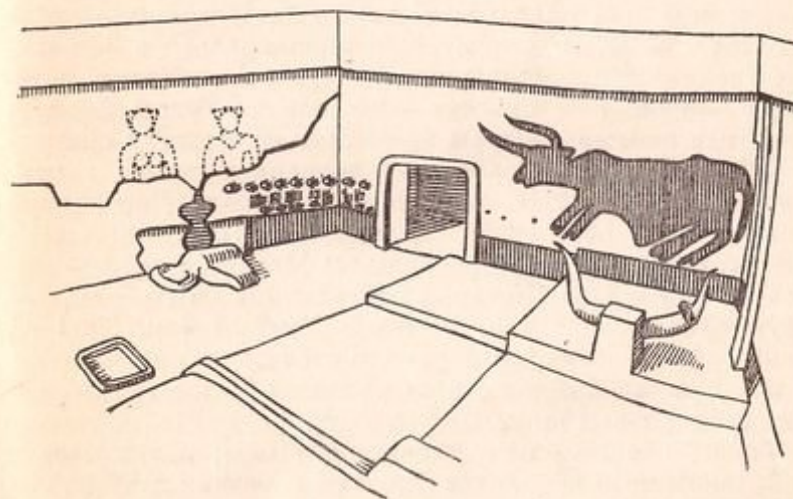
Леопардовые шкуры надеты на многих танцорах и охотниках, изображенных в Чатал-Гуюке; их головные

* Автор ошибается: обряд «отверзания уст» преследовал в первую очередь цель дать возможность усопшим принимать приносимые им жертвы и наделять их способностью владеть речью, слухом и зрением (H. Bonnet, Reallexikon der ägyptischen Religionsgeschichte, Berlin, 1952, с. 487).

** Фараонов изображали обычно не сидящими верхом на леопардах, а стоящими на их спине, как, например, на статуэтке из гробницы Тутанхамона, которая была представлена на выставках в Москве и Ленинграде.

Чатал-Гуюк, Анатолия
Храм леопардов VI A, 4. Ок. 5900 г. (по Мелаарту)

Чатал-Гуюк, Анатолия
Храм VII, 8. Два человека, выходящие из леопардов. Ок. 6200 г. (по Мелаарту)

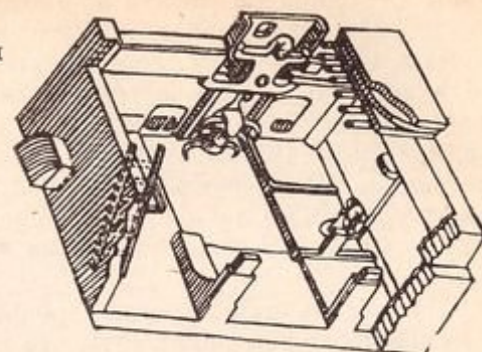
уборы сделаны из этого же меха. Вероятно, одеяние подчеркивает общее между охотниками и воинами — и те и другие убивают, как леопард, который является животным, олицетворяющим богиню в одной из ее многочисленных ипостасей. Не только известная статуэтка из силосной ямы изображает стоящего рядом с роженицей леопарда. Многие статуэтки представляют собой женщин, завернувшихся в леопардовую шкуру или с кокетливым шейным платком из этого меха, сидящих верхом на леопарде.

Роль этого животного еще отчетливее выступает в изображениях из двух храмов VI и VII слоев. Основная культовая картина храма 44 из более древнего слоя — рельефное изображение пары леопардов и еще одного леопарда отдельно. Головы, упирающиеся друг в друга и повернутые вперед, очень выразительны. Рельефы леопардов выполнены в белом цвете и расписаны черным и красным. Как и помещение, роспись ежегодно обновлялась и восстанавливалась, так что удалось открыть приблизительно сорок слоев краски, положенных один на другой.

В более позднем храме [VI, 44], находящемся непосредственно над описанным, также было открыто около 40 слоев краски. При этом изображения зверей в 20 верхних слоях — лимонно-желтые, с черными пятнами и зеленой мордой, а в нижних — черные на белом фоне, с красными лапами. Фигуры зверей имеют в длину примерно 1,2 м. Перед изображением леопардов стояла каменная фигура женщины, окруженная злаками. Дары зерна должны были обеспечить благосклонность богини, которую охраняли грозные леопарды. В Месопотамии почиталась богиня войны Иштар — воительница из Арбелы, которую сопровождал лев. В храме Укайры (ок. 3000 г.) нарисованные леопарды охраняли статую богини. Охотники и воины, изображенные на росписях Чатал-Гуюка, носили леопардовые шкуры.

Таким образом, напрашивается вывод, что храмы с изображающими леопардов фризами и богиня с леопардовым мехом (рис. 34) были посвящены культу войны и охоты, то есть культу, связанному с убийством. В одном храме IX слоя (8) в стене вырезаны одна против другой головы леопарда и быка, обе больше натуральной величины. Их соседство говорит о том, что грозный лео-

Чатал-Гуюк, Анатолия
Храм богини плодородия
Е VI, 10. Ок. 5900 г.
(по Мелаарту)

пард не отделялся в культе от быка, повелителя стад. Обломки глиняных бычьих голов в храме с леопардами VII слоя свидетельствуют о том, что и там рядом с леопардами фигурировали быки; и те и другие подчинялись главному священному образу того времени — обожествленной женщине.

Женщина, созидательница жизни, неизменно занимает центральное место в идеологии ранних земледельцев. Все явления природы и общества связаны с ней и ее таинственной силой. Статуэтка роженицы воплощала в себе почти все признаки обожествленной женщины, храмы же часто посвящались лишь отдельным сторонам ее священной сущности. Но всюду неизменно подчеркивается роль женщины в появлении домашних животных. Показателен в этом отношении храм 10 из VI слоя.

Переднюю стену храма украшает стилизованный рельеф женщины почти в натуральную величину. К сожалению, лицо и руки не сохранились. Сильно выступает вперед пупок, который уже тогда считался связующим началом между матерью и плодом; это представление и поныне отражается в верованиях восточных народов. От влагалища, только обозначенного, вниз спускается рельефная лента. Она соединяется с тремя бычьими головами, помещенными одна на другой. Головы поэтому кажутся как бы выходящими из женщины. Головы быков вылеплены из глины, и только венчающие их рога — натуральные.

Еще больше стилизованы установленные почти во всех храмах культовые столбы, по сторонам которых вде-

ланы от одной до десяти пар бычьих рогов. Возможно, эти столбы вели начало от насаженной на кол бычьей головы. Они были распространены в Анатолии и на Крите вплоть до II тысячелетия до н. э. и характерны для фасадов минойских храмов. К голове быка в различных храмах добавлялись овечьи и, возможно, козьи головы, но они не имели важного значения. Иногда тут же хранили уродливые по форме черепа. Так, боковая стена храма 10 из VI слоя украшена черепом четырехрогого барана.

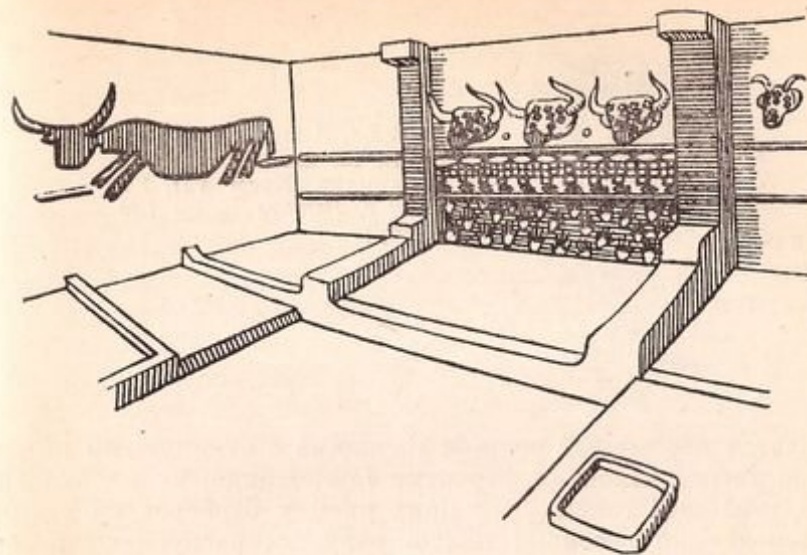
Изображающий женщину рельеф красного цвета из VI слоя позволяет заключить, что культовые изображения не выставлялись открыто для всеобщего обозрения: божество было защищено сетчатой вуалью. В этом случае сетка была нарисована, в других же храмах перед картинами висели плетеные сетки. Напротив рельефа, изображающего женщину, на стене храма выступает голова быка, типичная для заупокойного храма. Может быть, и в этом храме, посвященном возрождению жизни, бычья голова символизировала идею смерти?

В некоторых храмах отдельная голова быка или несколько бычьих голов заменены комбинированной культовой картиной. Нередко рядом с головами помещены женские груди из глины, заключенные в головы животных.

На главной культовой картине храма в VI слое нарисованы три бычьи головы, под которыми расположено два фриза. На нижнем изображены три ряда рук с разведенными пальцами: кое-где и поныне принято считать, что этот жест защищает от дурного глаза, ведьм и злых

Чатал-Гююк, Анатолия
Расписное культовое изображение из храма VII, 23. Судя по росписи, изображение находилось за «запавесом». Ок. 6200 г. (по Мелаарту)

Чатал-Гююк, Анатолия
Храм E, VI, 8 (1). Изображение пчелиных сот под головами быков. 5900 г. (по Мелаарту)

духов. Верхний фриз также посвящен великой богине. На нем показано развитие пчелы в четырех фазах: три — в сотах, четвертая — в виде взрослого насекомого. Пчелиная матка, эта как будто безгранично плодовитая девственница, не нуждающаяся в мужском партнере, по-видимому, уже тогда считалась естественным воплощением плодородия. Мелаарт по этому поводу заметил, что еще в античную эпоху на юге Малой Азии поклонялись Диане из Эфеса, плодоносящей деве, жрицы которой назывались «пчелами». Очевидно, религия пронесла и эти древние представления через тысячелетия.

Бычьи головы дополнялись высеченными в стене барельефами могучих быков. В некоторых храмах рядом с женщиной, созидающей животных, изображен остающийся пассивным мужчина. Это имеет место, например, в храме 8 из VII слоя, где обе человеческие фигуры вырастают из изображенной рельефом фигуры леопарда. В другом храме вместо леопардов рядом с людьми помещены быки. Рельефы очень редко заменены росписью, например в храме VI, 30. В соседнем храме (VI, 31) встре-

Чатал-Гуюк, Анатолия
Наездник на быке. Статуэтка
из известняка. Храм VII, 21.
Ок. 6200 г. Высота 15 см (по
Мелаарту)

чается необычный рельеф: женщина с откинутыми назад длинными волосами, вероятно танцовщица, исполняющая ритуальный танец. До наших дней у берберов во время исполнения весенних плясок девушки распускают волосы, и они развеваются на ветру.

Среди многочисленных каменных и глиняных фигур из Чатал-Гуюка преобладают изображения женщин. Две из немногих мужских статуэток свидетельствуют о существовании в то время домашних животных. Это изображения наездников на быках. Статуэтки из Чатал-Гуюка — наиболее древние известные изображения всадников. Они подтверждают старую гипотезу о том, что верховой езде на лошадях предшествовала езда на крупном рогатом скоте. В пользу этой гипотезы говорит и то, что лошадиная упряжь и седло произошли от сбруи для рогатого скота.

Таким образом, находки Мелаарта говорят о том, что на быках ездили верхом, причем изображение всадника стало культовым. Отсюда следует, что езда на животных к этому времени уже давно была явлением повседневным. Езда на быках могла послужить прообразом и для изображения персонажей, восседающих верхом на леопардах. В восточном культе более позднего времени на быке стоит или едет бог грома: Адад в Сирии, Тешуб у хеттов, Аддад в Месопотамии. Он неизменно держит в руках двойной топор — символ молнии. Точно так же у северных германцев бог грома и плодородия Тор держит в руках молот. Вряд ли это случайность, что на одной из росписей Чатал-Гуюка под остатками изображения солнца виднеется двойной топор.

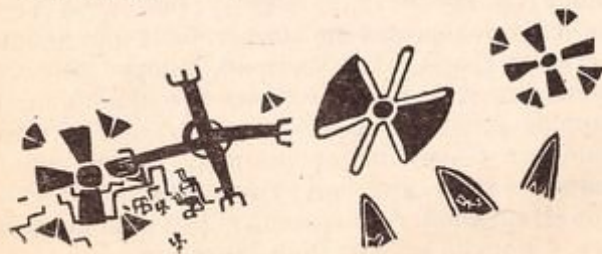
Двойные секиры — один из самых частых мотивов в культовых изображениях Передней Азии, Ирана и Крита. Они находятся в определенной связи с «великой матерью» и с культом мертвых, как на знаменитом саркофаге из Агия Триады. В Кноссе они наряду с крестом стояли в часовне богини-матери. На изображении из Чатал-Гуюка рядом с двойной секирой помимо женских фигур помещены три креста, составленные два из наложенных друг на друга двойных секир и один — из четырех женских фигур.

Расположение женских статуэток крестом было известно в кипрском неолите и бесспорно пришло из Малой Азии. Крест на цепочке носили в знак благочестия ассирийские цари и касситские князья. Критские и кипрские жрицы почитали крест как символ плодородия и весеннего возрождения. Это древнейшее представление о Новом годе, о смерти бога старого года и его воскресении объясняет, почему христианство, желая доказать воскресение своего вероучителя, вложило в руки верующих крест, на котором он умер.

По-видимому, другая статуэтка позволяет сделать вывод о дальнейшем развитии культа плодородия. Подавляющее большинство статуэток представляет собой одну фигуру, но некоторые состоят из нескольких. В одной такой статуэтке (может быть, незавершенной?) слитные бюсты двух женщин покоятся на единой нижней части туловища в виде цельного куска. Другая статуэтка представляет собой две тесно сплетенные пары; в одной из них Мелаарт усмотрел мать и ребенка. Тут, однако, сле-

Чатал-Гуюк, Анатолия

Стенная роспись с изображением солнца, креста, двойной секиры, креста из женских фигур, креста и символа. Дом A VI, 6. Ок. 5900 г. (по Мелаарту)

дует вспомнить о пристрастии к юношам богинь любви более позднего времени (например, о влечении Иштар к Таммузу или Венеры к Адонису), а также о скульптурной группе из поздних слоев Хасилара, которая изображает женщину и юношу в совершенно недвусмысленной позе. В этой связи можно напомнить и о паре из Айн-Сакри (натуфийская культура). Очевидно, отношения между полами играли в культе значительную роль, хотя и подчиненную культу матери, олицетворявшей плодородие.

Тот, кто знает древнюю историю Востока, вспомнит при этом о культовом обряде священного бракосочетания, который существовал в Месопотамии вплоть до I тысячелетия до н. э. Раз в год царь как представитель бога вступал в половые сношения с главной жрицей. Этот акт дополняла религиозная проституция наподобие той, которую описывает Лукриан и которая была связана в Сирии с новогодним празднеством в честь умирающего и воскресающего Адониса. За 600 лет до этого Геродот сообщил, что в Вавилоне все женщины, еще не вступившие в брак, были обязаны заниматься религиозной проституцией: «Каждая туземная женщина обязана раз в жизни иметь сообщение с иноземцем в храме Афродиты... После сообщения и, следовательно, выполнения священного долга относительно богини женщина возвращается домой, и с этого времени нельзя иметь ее ни за какие деньги...» (1, 199).

Вполне естественно, что в этом обычае видели остаток древних групповых форм брака. Лукриан также подтверждает связь такого жертвоприношения с Иштар-Афродитой, богиней плодородия. Он сообщает, что в определенный день женщины отдавались чужеземцам и вознаграждение за это в виде жертвоприношения шло в пользу Афродиты [47, 8].

Священное бракосочетание между богом, то есть царем, и жрицей плодородия не может быть объяснено исходя из брачных форм того времени. Скорее всего, в его основе лежит представление о том, что жизнь людей и жизнь природы идентичны и что пробуждение плодотворности у человека стимулирует природу. Такие представления наряду со многими другими проявлениями древних культов Передней Азии вплоть до нашего времени сохранились у йоруба в Западной Нигерии.

Лео Фробениус описывает ежегодный культовый праздник в честь бога земледелия Око и по случаю рождения бога грома Шанго: «За несколько дней до начала сезона дождей в буше устраивается праздник, который называется Одо-Ошу-Аругу (лучше Аругу). За проведением церемонии наблюдают жрец Оло и жрица Йемо. В семь часов вечера все женщины и девушки, которые хотят принять участие в празднике, собираются идти в буш. Каждая из них prepares превосходную еду и надевает свое лучшее платье. Она берет с собой в буш пищу и, кроме того, циновку. Йемо возглавляет шествие женщин на площадь, где происходит праздник. За ней следуют только женщины, которые хотят иметь ребенка. Увидев, что женщины отправились в путь, те из мужчин, кто любит подобные дикие забавы, идут туда же. Их ведет жрец Оло.

Сначала в буше разводят огонь, а затем приступают к еде и питью. Когда все насыщаются, каждый парень может окольным путем, через Оло, испросить у Йемо разрешение на половое сношение с женщиной, которая ему приглянулась. И если эта женщина еще не дала согласия другому, то эти двое ложатся вместе на циновку. Затем все погружается во мрак. Праздник продолжается в абсолютной темноте. Но люди не довольствуются этим однократным наслаждением: по мере сил и возможностей они совокупляются до самого утра, но, видимо, всегда так, что об этом знают жрецы.

Этот в высшей степени своеобразный праздник, существующий в Судане отнюдь не в одном только месте, очевидно, каким-то образом связан с культом Око. Время года, в которое он происходит, показывает совершенно ясно, что он имеет отношение к земледелию и к стимулированию плодородия. Праздник стал казаться мне еще более важным после того, как незадолго до отъезда из Йорубаленда я получил новые данные. В частности, один старик сказал мне: „Праздник устраивается в память бракосочетания Оранья с Ямайя, от связи которых произошел бог Шанго“. Это объяснение может рассматриваться как народно-этимологическое толкование сходства имен Оранья и Аругу, с одной стороны, Йемо и Яма (Яма) — с другой.

Подобное толкование становится более понятным, если добавить к нему слова одной старой жрицы Йемо:

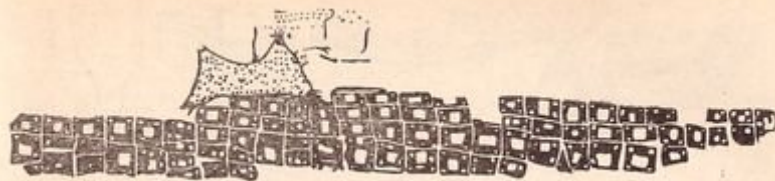

„Если не устраивать праздник Аругу, погибнет урожай, потому что не будет дождя“. Я возразил, что, вероятно, осуществляется достаточно много брачных половых актов, чтобы удовлетворить притязания Ориши. На это она быстро ответила: „Богиня Йемайя вне брака совокуплялась в буше, так родился Шанго“. Больше ничего я не узнал. Но на юге существует поверье, что Оранья, или Орунган, изнасиловал свою сестру Йемойя, или Йамайя, в результате чего родились Шанго и другие боги» [94, 149].

Коллективный акт в буше должен обеспечить дождь и оплодотворить природу. Эта церемония еще не ограничивается, как в Шумере и Аккаде, сношениями между царем и жрицей, олицетворявшими всю общину. Упомянутая выше групповая статуэтка из храма 30 слоя VI позволяет сделать вывод о том, что в рассматриваемое время церемонии, связанные с праздником пробуждения природы, носили коллективный характер.

Среди храмовых росписей, геометрические знаки-символы которых мы в большинстве случаев до сих пор не можем истолковать, особенно выделяется упомянутое ранее изображение вулкана, помещенное над могилой женщины в храме 14 из VII слоя. На фризе длиной 2,7 м воспроизведены в два-четыре яруса дома — очевидно, они располагались террасами, — а за ними извергающийся вулкан с двумя конусообразными вершинами. Мелаарт справедливо считает, что это — поселение Чатал-Гуюк и вулкан Карача-Даг, возможно еще действовавший 8 тысяч лет назад. Вулканы являлись источником ценного сырья — обсидиана, но иногда без всякой видимой причины начинали издавать гром и сотрясать землю, что вызывало у людей удивление и заставляло их поклоняться неведомой силе. В Иерихонском храме был культовый столб, связанный с вулканической деятельностью. На жителей Чатал-Гуюка она также производила сильное впечатление — это ясно из фриза. Но какие именно их представления были с ней связаны — можно только догадываться. Из Библии мы узнаем, какое фантастическое объяснение извержению вулкана дали евреи, 5 тысяч лет спустя под предводительством Моисея прошедшие через Синай:

«На третий день, при наступлении утра, были громы, и молнии, и густое облако над горою (Синайскою), и

Чатал-Гуюк, Анатолия

Вулкан за городом. Настенная роспись из храма VI, 14. Ок. 5900 г. (по Мелаарту)

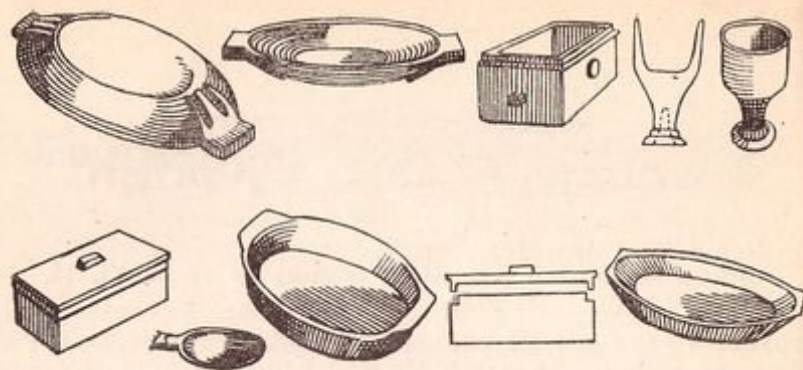
трубный звук весьма сильный; и вострепетал весь народ, бывший в стане. И вывел Моисей народ из стана в сретение богу, и стали у подошвы горы. Гора же Синай вся дымилась оттого, что господь сошел на нее в огне; и восходил от нее дым, как дым из печи, и вся гора сильно колебалась. И звук трубный становился все сильнее и сильнее» (Исход 19, 16—19).

Здесь, несомненно, описывается извержение вулкана, которое Моисей, возможно, предсказал на основании каких-либо признаков и выдал за явление своего бога. Мы не знаем, пытался ли какой-нибудь предшественник Моисея в Чатал-Гуюке поступить так же. По всей видимости нет, тем более что к этому не было предпосылок. Страх перед высшим существом — характерная черта всех религий классового общества — был, очевидно, чужд религии VI и VII тысячелетий. Гармоничной уравновешенности первобытного общества соответствовала гармоничная жизнеутверждающая религия, для которой сама смерть была условием жизни. В религии отражались силы природы, человек еще не стал врагом человека.

«...Ведь всякая религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни, — отражением, в котором земные силы принимают форму неземных. В начале истории объектами этого отражения являются прежде всего силы природы, которые при дальнейшей эволюции проходят у различных народов через самые разнообразные и пестрые олицетворения», — писал Энгельс, полемизируя с Дюрингом [2, 328].

Безусловно, раскопки в Чатал-Гуюке обогащают наши знания о возникновении религии и ее структуре в доклас-

Чатал-Гуьок, Анатолия
Деревянная утварь. В основном из захоронений слоя VI.
Ок. 5900 г. (по Мелаарту)

совом обществе, а также о служившем ей искусстве. Однако раскопки выявляют наряду с позитивными элементами развития культуры уже и первые негативные проявления религии в древневосточном обществе. От четверти до трети всех строительных работ производилось в храмах, сюда же отдавалась большая часть урожая и охотничьей добычи, то есть они были бесполезны для развития экономики. Правда, храмы были в то время и помещениями для собраний, «клубами», художественными галереями и, может быть, также складами общины. Они являлись духовными центрами родов, которые тут объединяла религия.

Однако Чатал-Гуьок интересен не только как храмовой город. В результате раскопок стало известно, что уже современники IX слоя, то есть люди середины VII тысячелетия, умели выплавлять из руды свинец и медь, а также ковать необработанную медь. Чатал-Гуьок нельзя относить к каменному веку. Здесь начинается век металла, который в крайнем случае можно назвать «медно-каменным». Для выплавки меди требуется температура выше 1000° , и шлаки свидетельствуют о том, что такая температура была достигнута. Исследования австрийских металлургов [192] позволяют предположить, что медь выплавлялась из малахита при сжигании древесного угля. Анализ остатков золы еще не произведен, но, судя по найденным бусам из угля, уголь добывали из близлежа-

щего месторождения. Были обнаружены также остатки печей для обжига. Для выплавки меди имелось все необходимое, так как окружающие горы изобиловали богатыми месторождениями медной руды. Безусловно, яркая медная руда привлекала внимание собирателей и земледельцев, а экспериментировали тогда много.

Вероятно, также в начале VII тысячелетия в Анатолии была изобретена керамика. До VI тысячелетия она оставалась простой по форме и была мало распространена. Ее прообразами служили корзины и деревянные сосуды, найденные в большом количестве. Наряду с медью они были одним из многих сюрпризов, ожидавших археологов. За три сезона раскопок было найдено всего около дюжины каменных чаш. Зато только в храме 10 из VI слоя скрывалось 20 деревянных сосудов. Они, а также многочисленные деревянные миски, кубки, коробочки и т. д. сохранились в VI слое благодаря большому пожару, который их обуглил. Это позволяет предположить, что и в других слоях наряду с найденными чашами находились другие деревянные предметы. Их могли изготавливать и переносить из одной местности в другую охотники периода палеолита. Когда их начали изготавливать — сказать трудно.

Наряду с каменными и деревянными сосудами найдены многочисленные сосуды из кости и рога, в основном небольшие чаши и кубки. Поражает богатство форм деревянных изделий, представленных 15 видами чаш с крышками, кубков, коробочек, ложек, горшков, мисок. Некоторые сосуды расписаны.

Каменные орудия сделаны из кремня или обсидиана. Среди них множество колющих инструментов: клинки, скребки, черенки ножей и оружие, превосходно обработанные кинжалы из кремня с костяной ручкой в виде извивающейся змеи. Эти кинжалы слишком непрочны, чтобы служить оружием. Что же явилось их прообразом?

Отлично обработаны также наконечники копий и стрел из обсидиана (рис. 32). Бросается в глаза отсутствие ударных орудий, топоров или секир. Лопаты делали из лопаточных костей крупного рогатого скота или онагров.

Однако валка деревьев, необходимых для постройки домов, их обработка, а также изготовление деревянных сосудов требовали большого количества медных орудий, которые до сих пор не найдены. Вероятно, орудия из ме-

ди, которая в то время еще представляла собой большую ценность, снова перерабатывали, а в могилы клали только украшения из нее. Они сделаны в основном из кованой необработанной меди. О том, что металл умели перерабатывать, свидетельствуют найденные бусы, иглы, кольца и т. д., а также шлак из VI слоя. Поэтому археологам вряд ли когда-нибудь удастся найти много медных орудий. Остается надеяться только на случайность, на то, что будет обнаружен затерявшийся инструмент. Так, Р. Д. Брейдвуд уже сообщил, что он откопал на юго-востоке Анатолии медные инструменты начала VII тысячелетия.

В ходе раскопок кроме метательных копий, пик, луков и стрел были найдены метательные снаряды, метательные камни и глиняные шары от приспособлений типа лассо. В качестве охотничьего и военного оружия использовались каменные дубинки, а также упомянутые выше кинжалы.

Орудия для обработки земли, ткацкие станки и ткацкие челноки делались, вероятно, из дерева. Они не пережили тысячелетий, так как их не клали в могилы и не хранили в храмах. Найденные остатки текстильных изделий свидетельствуют о ткачестве на ткацких станках, а также о работе на малых челноках для изготовления лент, как это еще и теперь делается в Восточной Анатолии.

В VI слое обнаружены остатки меха и меховых изделий. По-видимому, растительные волокна в большинстве случаев были спрядены. Наличие шерсти не подтверждено надежными данными. Узоры текстильных изделий, изображенных на стенной росписи, в частности в X и III слоях, встречаются и в наше время на турецких коврах, то есть используются уже в течение 10 тысяч лет. На некоторых картинах изображены тонкие ткани, натянутые между колоннами. Может быть, здесь висели плетеные сети, как и перед изображениями женщин. Циновки сплетены из болотной травы. Для окрашивания изделий служили растительные краски, изготовлявшиеся, в частности, из марены, которая и в наше время встречается в диком виде на равнине Конии.

При раскопках установлено, что возделывались такие сорта пшеницы, как двухрядная и полба, ячмень шестирядный и двухрядный дикий ячмень, сначала бывший

сорняком, а также полевой горох и вика. Нет никаких данных о том, что собирали или сеяли масличные растения. Масло получали из диких орехов, желудей и фисташек. Косточки крапивного дерева (*Celtis*), обнаруженные в большом количестве, позволяют предположить, что уже в то далекое время началось производство фруктовых вин, известных в Южной Анатолии еще в римское время. Судя по стенным росписям, рельефам и найденным костям, из домашних животных были известны крупный рогатый скот, овцы и собаки.

Однотипность домов не позволяет пока говорить об отделении ремесла от земледелия, хотя совершенство многих каменных изделий, многообразие деревянных сосудов и прежде всего добыча и обработка металла указывают на такую возможность. В ходе дальнейших раскопок, может быть, будут обнаружены мастерские или дома ремесленников; однако уверенности в этом нет.

Как можно судить по танцевальным сценам на картинах из Чатал-Гуюка, в культе при общем равенстве выделялись отдельные лица. Так, в изображении охоты на оленей фигура одного охотника в два раза больше остальных. Возможно, она представляет вождя, как и фигурка из известняка: старик с браслетами, в головном уборе из меха леопарда. В больших танцевальных сценах женщины помещены в центре и одеты иначе, чем охотники. Об особой роли женщины свидетельствует не только существование жриц. Еще отчетливее ее выявляют женские могилы. В храмах обнаружены только они. Из 480 захороненных тел 21 окрашено охрой; это все группы женщин. Три тела окрашены зеленой краской, десять — медной лазурью. У одного женского черепа брови нарисованы зеленой краской.

Эта находка говорит о существовании матрилинейной родовой организации, которой соответствует важная роль женщины в культе.

Особый комплекс находок свидетельствует о том, что жители каждого дома принадлежали к одной семье: это — около 20 глиняных печатей, обнаруженных по одной в каждом доме (рис. 31). При сходстве узоров на них они легко различимы. Печати имеют круглую, овальную, удлиненную и прямоугольную формы. Особняком стоят две печати: в виде креста и руки. Примененный здесь термин «печать» относится к более поздним вос-

Чатал-Гуюк, Анатолия
Глиняные печати. Слой IV. До 5800 г. (по Мелаарту)

точным культурам, когда подобные предметы действительно служили для обозначения собственности. Оттиски более поздних печатей известны нам в большом количестве, тогда как оттиски глиняных штемпелей из Чатал-Гуюка полностью отсутствуют среди находок. Можно только предположить, что они относились к принадлежностям туалета членов семьи: такими штемпелями, намазанными краской, наносили семейный или родовой знак. Эта гипотеза подтверждается женской статуэткой с подобной меткой.

Глиняные штемпеля связывают Чатал-Гуюк, с одной стороны, с Иерихоном и Джармо, где найдено по одной такой печати, с другой — с Грецией. Там в Неа-Никомедии английские археологи открыли поселение земледельцев конца VII тысячелетия. Керамика и печати соответствуют находкам в Чатал-Гуюке. Следовательно, уже в конце VII тысячелетия докерамическая культура сменилась новой культурой, для которой характерны керамика, крупный рогатый скот и т. д. Докерамическую культуру открыл Милойчич [181, 208 и сл.] при раскопках в Магуле (жилой холм) около Аргиссы в Фессалии. В нижних слоях залежали остатки докерамического земледельческого поселения, где одна треть каменных орудий была сделана из обсидиана. Плоды стручковых растений и зерна злаков, а также кости овец и коз свидетельствуют о земледелии и скотоводстве. Свиной и крупный рогатый скот добывали еще охотой — их кости попадаются редко. 83% найденных костей принадлежат овцам и козам.

Трудно установить, какие археологические материалы относятся к этой докерамической земледельческой культуре. Возможно, к ней принадлежат зачатки земледелия

в Федерзее-Моор, в Коммернер-Зее около Брюкса и из Кертнер-Моорен, которые датируются VI—V тысячелетиями [182]. Во всяком случае, существование докерамического земледелия доказано только на Балканах, а именно в Герцеговине и в районе пещер в Румынии. Как раз на Балканах, в Лепенски Вир у Железных Ворот, сделал свои сенсационные открытия Срейович. Он нашел под раннепалеолитическими слоями V тысячелетия два докерамических слоя земледельческого поселения, относящихся, следовательно, к VI тысячелетию. Уже в I слое он обнаружил 59 домов своеобразного стиля. Еще более своеобразны скульптуры из осадочных пород, в основном это головы людей величиной 20—50 см [257].

Уже через несколько столетий докерамические земледельцы, по-видимому, были захвачены, прежде всего на юго-востоке Балканского полуострова, новой керамической культурой анатолийского происхождения. Пока последняя достигла Юго-Восточной Европы, она утратила свои познания о металле, видимо потому, что удалась от известных месторождений. Ее носители или те племена, которые переняли развившееся земледелие, постепенно продвинулись на север, восток и запад. Они сохранили многие древние достояния этой культуры на Балканах, на Украине и в долине Дуная, тогда как в Передней Азии те давно были преданы забвению. Так, на Балканах еще в III тысячелетии изготавливались такие же глиняные печати, как в Чатал-Гуюке, хотя последний перестал существовать более чем 3 тысячи лет назад. В скульптуре также сохранялись древние традиции. Статуэткам из Хасилара, например, очень близки по своей выразительности скульптуры из Чернаводы в Добрудже [104]. Они восходят к расписной керамике IV тысячелетия.

Отныне техническое и социальное развитие в переднеазиатском центре продвигалось вперед так быстро, что вокруг него возникли различные «зоны», где древние элементы культуры частично сохранялись, а частично оказывались погребенными под более поздними напластованиями. Картина культурного и технического развития становилась все более многогранной, раздробленной и противоречивой.

**ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ,
РЕМЕСЛЕННИКИ И ПРАВИТЕЛИ
ГОРНОЙ СТРАНЫ**

VI тысячелетие было в Передней Азии периодом постоянной борьбы и междоусобиц. В областях, ушедших вперед в своем развитии, первоначально единое общество распадалось и территория первых земледельческих общин непрерывно расширялась. Заселяя дальние субтропические районы и зоны с умеренным климатом, отдельные земледельческие племена и народы все больше отдалялись друг от друга. Хотя, по существу, в основе их хозяйства лежал одинаковый базис, их искусство принимало новые формы или варьировало старые. Глина позволяла создавать фигурки или сосуды любой формы. Так в разных областях возникли свои местные стили, не похожие один на другой.

При классификации раскопанных материалов исследователь называет территории с одинаковыми или сходными керамическими изделиями, статуэтками, типами жилищ и орудий археологическими культурами. Благодаря этим обозначениям он отделяет предметы, принадлежащие к одной группе, от инородных, поскольку он не в состоянии выяснить название создавшего их народа или племени. Мы также не знаем, были ли археологические культуры едины в этническом отношении. Материал позволяет лишь констатировать длительное общее развитие техники и искусства у носителей этих культур.

Для Передней Азии VI тысячелетия характерно наличие многих культур, которые сосуществовали, вытесняли одна другую или сливались, распространялись или

гибли. В этих изменениях отражаются исторические процессы, которые можно выяснить лишь частично, взяв за основу их связь с перемещениями народов и войнами.

В центральной области культурного мира древней Передней Азии — в горах Анатолии, Западного Ирана и на прилегающих территориях — раньше, чем где бы то ни было, происходили социальные процессы, которые с появлением расписной керамики воплотились в искусстве. Под расписной керамикой мы подразумеваем множество культур, к которым относятся искусно сделанные и богато разрисованные глиняные сосуды. Мотивы росписи глиняных изделий еще более разнообразны, чем их формы, поэтому нет ничего удивительного в том, что в отдельных областях почти для каждого раскопанного поселения VI тысячелетия характерен свой стиль. Обычай украшать глиняные сосуды, сначала предназначавшиеся для торжественных случаев, а затем и повседневную утварь во второй половине VI тысячелетия и особенно в V тысячелетии распространился на восток — до Средней Азии и на запад — до Дуная. Однако во многих областях по-прежнему следовали древней традиции и украшали сосуды не росписью, а резным или лепным орнаментом. В культурах расписной керамики глиняные сосуды стали главными произведениями изобразительного искусства; их форма и роспись настолько усложнились, что они уже не могли быть продуктом натурального хозяйства. Их, скорее всего, изготавливали постепенно выделившиеся в отдельную прослойку мастера, которых вряд ли можно назвать гончарами. Таким образом, в обществе земледельцев и пастухов образовался слой ремесленников и разделение труда зашло так далеко, что они заняли привилегированное положение.

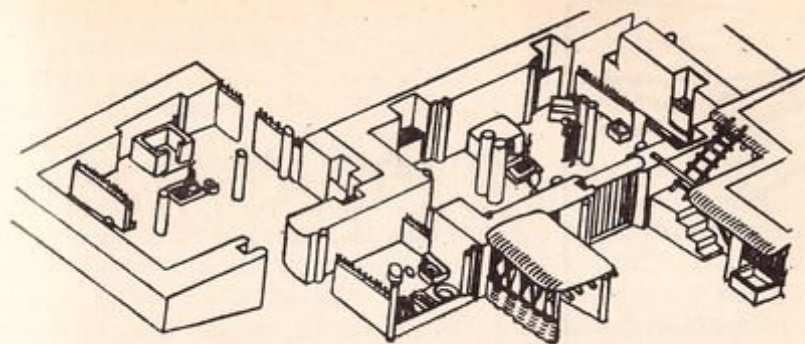
Следовательно, в VI тысячелетии сельское хозяйство должно было достигнуть столь высокого уровня развития, что оно уже не поглощало всю рабочую силу. Труд большинства населения в поле и на пастбище давал достаточно продуктов питания и пряжи, чтобы высвободить меньшинство для занятия ремеслами. Земледельцы и пастухи не только удовлетворяли свои собственные потребности, но и производили сверх того прибавочный продукт, которого было достаточно для возникновения слоя ремесленников, но который также способствовал обогащению отдельных лиц.

В результате раскопок поселений VI тысячелетия стало ясно, что к этому времени выделился слой богатой знати, который изменил структуру общества и подчинил себе слой ремесленников. Период внутренней гармонии древнего общества близился к концу. Этот процесс хорошо прослеживается по материалам раскопок в Хасиларе (Западная Анатолия). Раскопками в Хасиларе, как и в Чатал-Гуюке, руководил Джеймс Мелаарт.

В 1957—1961 гг., то есть как раз перед раскопками Чатал-Гуюка, сообщения о производимых грабителями раскопках побудили его исследовать холм в 25 км от современного города Бурдур, имевший около 5 м в высоту и 150 м в ширину. Холм расположен на хорошо обводненной возвышенности, примерно на высоте 1000 м над уровнем моря (рис. 36). Зимой здесь часто выпадают сильные дожди, летом зной смягчается близостью Средиземного моря. На территории поселения пересекались два древних торговых пути, которые использовались уже в те времена.

Археологи открыли два культурных комплекса, разделенных многовековым интервалом. Древнейшее, докерамическое поселение датируется VIII тысячелетием (о нем уже шла речь выше). Девять более поздних слоев относятся к VI тысячелетию (их принято обозначать римскими цифрами сверху вниз). В самых ранних слоях (IX—VI) обнаружена в основном лишь нерасписная керамика (рис. 37). При помощи исследования на C_{14} они датируются временем между 5800 и 5600 гг., а следовательно, примыкают к Чатал-Гуюку. Лучшее всего исследован VI слой, содержащий следы сильного пожара, происшедшего около 5600 г. Правда, раскопки велись только в одной части поселения. Были открыты девять домов, сгруппированных вокруг площади. Строения оказались намного больше, чем стоявшие вплотную друг к другу дома Чатал-Гуюка. Фундаменты в плане были одинаковые, хотя дома различались в деталях. Судя по лестницам и опорным столбам, они имели два этажа. Верхний этаж, естественно, нигде не сохранился. Нижний этаж состоит из жилых помещений длиной 10,5 м, шириной 6 м, к которым примыкают кухни и кладовые. Стены, возведенные из квадратных кирпичей, опирались на каменный фундамент; их толщина приближалась к 1 м. Через широкую дверь, выходящую наружу, можно было

Хасилар, Западная Анатолия

Часть поселения VI (дополнено изометрически). Ок. 5600 г.
(по Мелаарту)

видеть массивную печь, перед которой находился очаг. Следовательно, домашний очаг играл, очевидно, важную роль в жизни обитателей Хасилара.

Часть главного помещения, отделенная деревянными стенами с глиняным покрытием, вероятно, служила спальней. В стенных нишах или на глиняных скамьях стояла посуда. В кухнях находились печи, хранилища для зерна и зернотерки. Во дворе за домом был вырыт колодец. Жилые постройки производят впечатление удобных, вместительных крестьянских домов. Оборонительные сооружения, которые, безусловно, были здесь необходимы, раскопками не обнаружены. Не найдено также каких-либо следов обособленных мастерских и храмов. Очевидно, в каждом доме еще обитала большая семья, в хозяйственном отношении не отличавшаяся от окружающих. Охота все больше теряла свое значение. Все население занималось скотоводством и земледелием. Находки костей говорят о том, что жители селения держали крупный рогатый скот, свиней, овец, собак и коз. Из земледельческих культур преобладали пшеница-двузернянка, пшеница-однозернянка, ячмень, горох, вика.

Среди находок множество костяных серпов с кремневыми лезвиями. Очень развита была резьба по кости: ложки, шпатели и другие орудия украшены звериными головками. Долота, топоры и секиры выточены из камня. Маленькие ступки, в которых растирали краски, прежде всего охра, служили для косметических целей. Найдены

Хасилар, Западная Анатолия
Каменная пластина с резным изображением «домашнего духа». Слой VI. Ок. 5600 г. (по Мелаарту)

многочисленные бусы из камня и подвески из перламутра. Каменные и костяные фигурки позволяют сделать вывод о наличии игр на досках. Глина сохранила отпечатки тканей и корзинного плетения; раскопаны веретена. В то время уже была известна медь. Морские раковины, охра, обсидиан и сера, не встречающиеся в районе Хасилара, свидетельствуют о торговле с дальними странами. Сера, вероятно, употреблялась для окуливания домов, так как в каждом доме найдены кусочки серы, лежащие на глиняных подставках. Керамика одноцветная, видимо домашнего производства. Только отдельные сосуды в форме свиней, быков и оленей отличаются высоким художественным мастерством. Очевидно, к ним восходит восточная традиция придавать культовым и парадным сосудам очертания животных. Кубок в виде человеческой головы напоминает о древнем культе черепов. Остальные глиняные и каменные сосуды украшены звериными головами и другими скульптурными изображениями.

Проявления культа свидетельствуют еще о единстве древнего общества. В каждом доме хранились женские статуэтки различной формы. Своеобразны найденные в нишах всех домов каменные пластины или сделанные из них подобия статуэток, на которых можно различить по крайней мере глаза и подбородок. Мелаарт полагает, что это изображения «домашнего духа». Вероятно, они сменили черепа, которые раньше клали в угол дома. В основе этого древнего обычая, как известно, лежала

вера в то, что таким образом предки охраняют домашний очаг.

В художественном отношении более значительны многочисленные глиняные статуэтки. Для них в отличие от статичных фигурок из Чатал-Гуюка характерны непринужденные, естественные позы. Это исключительно женские изображения из необожженной глины. 20 фигурок сохранились хорошо, 35 можно восстановить, а от 25 остались только обломки. Многие статуэтки воспроизводят нагих женщин. Высота фигурок от 12 до 30 см. Хотя среди них едва ли можно найти две одинаковые, они явно распадаются на две группы: изображение молодой женщины с узкой головой, мощными бедрами и маленькой грудью и круглоголовой большегрудой женщины, чаще всего нагой. Воспроизведены они в самых различных позах и положениях.

Скупое намеченные детали одежды (большей частью отсутствующей) представлены:

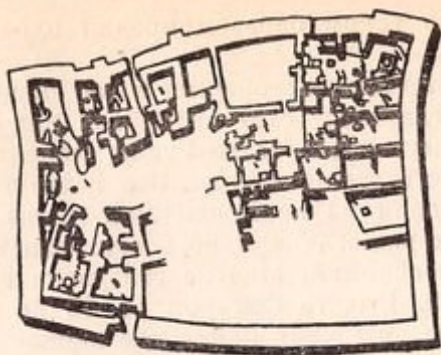
- 1) передником, прикрывающим ягодицы;
- 2) двумя передниками и поясом;
- 3) длинным ниспадающим белым одеянием;
- 4) набедренной повязкой на поясе, которую носили только юные девушки;
- 5) черной рубахой крупного плетения.

Различия в прическах Мелаарт считает признаками семейного положения. По его мнению, длинные косы — отличительная черта девушек, а подколота коса — признака замужних женщин.

Хасилар, Западная Анатолия
Статуэтки женщин. Слой VI. Ок. 5600 г. (по Мелаарту)

Хасилар. Западная Анатолия
Укрепленное поселение II. В центре — гончарные мастерские. 5400—5300 гг. (по Мелаарту)

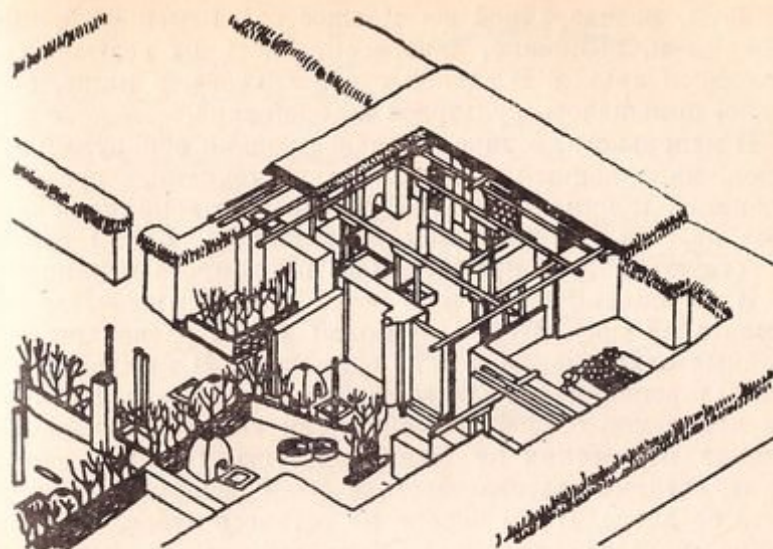
Наряду с фигурками отдельных женщин — лежащих, стоящих, сидящих или присевших на корточки — среди находок встречаются и скульптурные группы, например мать с ребенком, молодая женщина с кошкой на руках.

Последняя фигурка уже говорит о связи с культом леопардовой богини, но остальные статуэтки еще тесно связаны с находками в Чатал-Гуюке.

На троне, которому придано сходство с леопардом, восседает нагая женщина; обеими руками она держит свою грудь — в одном варианте, или кошку — в другом. Изображение обнимающейся пары — юноши и пышнотелой женщины — позволяет сделать вывод о том, что оно в простейшей форме олицетворяло легенду об Афродите и Адонисе.

После раскопок VI слоя появился новый элемент — расписная керамика. Почти половина всех сосудов, найденных в V—III слоях, расписана с большой выдумкой (рис. 38).

Преобладает геометрический рисунок, часто встречаются человеческие руки, «лестницы», волны и т. д. — все это свидетельствует о богатстве мотивов древнего гончарного искусства (рис. 39). Стенки сосудов толщиной около 4 мм превосходно обожжены. Чаще всего рисунок нанесен на белый фон желтой краской разных оттенков, вплоть до очень яркого. Сосуды отполированы. Варианты

Хасилар, Западная Анатолия
Храм из слоя IIa с примыкающими кухонными печами. 5400—5300 гг. (по Мелаарту)

цветов зависят от интенсивности огня в обжигательных печах.

Культура Хасилара достигла наивысшего расцвета во II слое (рис. 40, 41), то есть около 5300 г. Здесь раскопано укрепленное поселение, структура которого существенно отличается от поселений равноправных земледельцев VI слоя. В центре холма находилось прямоугольное сооружение размером 7×36 м, обнесенное кирпичной стеной толщиной 1,5—3 м. Мы не знаем, окружала стена все поселение или она защищала только центр большого города. Три входа вели в крепость, в которой стояло около 15 домов. Жилые дома состояли из основного помещения и помещения при входе. Возможно, в домах был и второй этаж. Здание в северо-восточной части оказалось храмом, в который вели пять входов. Один проход через крепостную стену связывал внутреннюю часть храма с территорией вне укрепления. Главное помещение, где находилось несколько открытых очагов, имело размеры 6×6 м, и лишь часть его была под крышей. Открытая, восточная часть отделялась от остальной

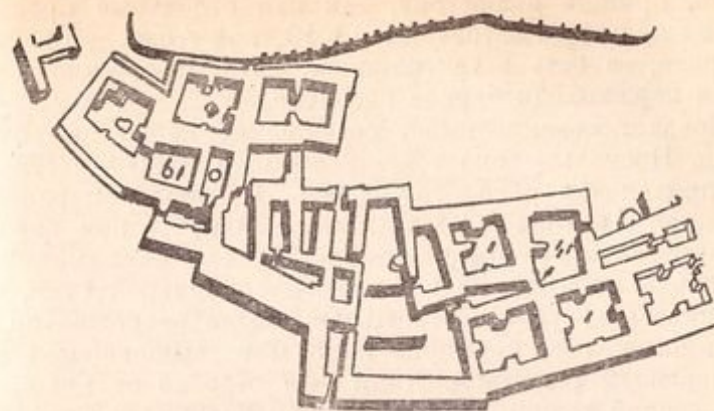
комнаты, расчлененной на множество помещений, колоннами и, возможно, занавесом. Здесь на возвышении находился альков. В задней стене алькова, в нише, очевидно, помещалось культовое изображение.

В маленьком дворике восточнее колонн обнаружен колодец, наполненный сливовыми косточками, орехами, пшеницей и ячменем. Были ли это жертвоприношения? Едва ли, так как колодцем пользовались, о чем свидетельствуют остатки примитивного подъемного механизма.

В помещении храма и во дворе лежало множество керамических предметов. Под полом храма раскопаны два двойных захоронения и одно одиночное. В каждом двойном захоронении лежала женщина с ребенком. Находки эти привлекли особое внимание, так как в Хасиларе домашние погребения не были известны. Кроме могил в храме, останки старого человека были обнаружены около очага во дворе. В его черепе не осталось зубов. К сожалению, нельзя определить, принадлежит он мужчине или женщине. Может быть, это останки жреца или жрицы, нашедшей смерть в храме при падении города. Вокруг храма в открытых дворах находились многочисленные печи и очаги. Они были вынесены из домов и сосредоточены здесь во избежание пожаров. Возможно, богиня должна была не только благословлять пищу, которая приготавливалась около нее, но и защищать поселение от пожара. Но она обманула возлагавшиеся на нее надежды: следы говорят о многочисленных разрушительных пожарах, жертвой которых в конце концов стал и храм. К концу существования II слоя на его месте было построено другое здание.

Интересен уже тот факт, что храм находился вне жилого квартала и занимал особое положение. Но еще интереснее — в социально-историческом аспекте — захоронение в центре храма.

В середине поселения II слоя располагались рядом три гончарные мастерские, довольно хорошо сохранившиеся. Они состояли, как и другие дома, из двух помещений — основного и переднего. Их окружали дворы с большими печами, очевидно для обжига керамики. Поселение погибло в результате какой-то катастрофы, и почти все имущество жителей оказалось погребенным под развалинами домов. Судя по домашней утвари, здесь жили и работали гончары. Вокруг очагов найдены подстав-

Хасилар, Западная Анатолия

Раскопанная часть крепости из слоя I. 5200—5500 гг.
(по Мелаарту)

ки для сосудов. На полу стояли расписанные и нерасписанные сосуды. Они свидетельствуют даже о зачатках некоторой специализации. В одних домах найдены кубки, в других — миски и кувшины. Сосуды еще не были в употреблении, их изготовили перед самой гибелью поселения. Между сосудами находились рабочие места гончаров с каменными терками и ступками, хранившими следы приготавливаемых красок. Рядом лежали большие куски охры — необработанное сырье. Кроме посуды жители изготавливали женские статуэтки, также расписные (рис. 42). В домах обнаружены каменные топоры, глиняные ложки, костяные иглы, бусы и лезвия. Расположение мастерских в центре поселения и их относительное богатство позволяют сделать вывод о том, что ремесленники занимали привилегированное положение. Отсутствие силосных ям, которые часто встречаются в других домах, говорит о том, что эти люди уже не обрабатывали землю сами, а целиком посвятили себя ремеслу.

Пожары во время существования II слоя не повлекли за собой изменений в строительстве и искусстве, но после разрушения II слоя все изменилось. Ни построек, ни расписная керамика I слоя не имеют аналогов в более ранних слоях. Вероятно, враги захватили укрепленное поселение и около 5250 г. уничтожили. Они, оче-

видно, пришли с Востока, так как отдельные проявления их культуры встречаются в Южной Анатолии и даже в Ираке, то есть в тех районах, которые именно в это время переживали бурное развитие.

Новое поселение имеет совершенно необычные очертания. Поскольку оно тоже раскопано лишь частично, его приходится реконструировать. Но явные параллели с Южной Анатолией позволяют составить о нем довольно определенное представление. Поселение изменилось не только по виду, но и по своей социальной сути, что выразилось в стиле построек. Оно было расположено на насыпном холме, примерно на 3 м возвышавшемся над окружающей равниной. Холм был отделен от внешнего мира стеной толщиной 4 м. Внутри находился открытый двор диаметром около 100 м. К стене примыкали смежные двухэтажные строения. Привлекает внимание изощренная система входов, которые вели не прямо во внутренний двор, а сначала в боковые дворы и помещения. Несмотря на эти совершенные оборонительные сооружения, Хасилар I был захвачен и сожжен, о чем говорит кроме всего прочего множество найденных в развалинах обожженных детских костей.

Археологи раскопали тут керамические изделия превосходного качества, которые в основном были расписаны линейным орнаментом — красным по белому или красным по кремовому фону (рис. 43). Среди них бросается в глаза сосуд в виде сидящей женщины. Пробраз этой женщины, как и плана крепости, можно найти на Востоке (рис. 44).

Мелаарт полагает, что все это сооружение могло быть дворцом правителя, но, скорее всего, он переоценивает степень общественного развития. Вообще по раскопанной части поселения трудно судить о жилом комплексе в целом. Это легче сделать по материалам несколько более позднего сооружения аналогичного стиля в Мерсине (Юмук-Тене) в Южной Анатолии. Этот холм расположен в 3 км к северу от местечка Мерсин, именем которого его обычно называют. Холм раскапывал в 1936—1939 и 1946—1947 гг. Джон Герстенг. Он вскрыл 33 слоя — вплоть до раннекерамического периода. Конать глубже не позволили грунтовые воды.

Самый нижний слой (XXXIII) по времени можно приравнять к Чатал-Гуюку IV или V, но он значительно

беднее или, возможно, хуже сохранился. Здесь также наблюдается переход от однотонных изделий к ранней расписной керамике VI тысячелетия, хотя, конечно, появляются другие формы сосудов и другие способы росписи. То же самое было обнаружено при раскопках анатолийских поселений Чанхасан и западного холма Чатал-Гуюка, которые также относятся к VI тысячелетию.

В Мерсине приблизительно ко времени падения крепости Мерсин появляется расписная керамика, происходящая из Северо-Западной Сирии. Принесшие ее люди взяли штурмом старое поселение. В этом слое находится большое скопление обгоревших человеческих костей — останки бывших защитников. Наряду с привнесенной керамикой были употребительны местные формы. Их, по мнению археологов, создавали обращенные в рабство женщины и дети побежденных. В этом же слое впервые обнаружено орудие, которое и поныне используется в Передней Азии: молотильные сани — плита из досок с укрепленными на нижней стороне кремневыми лезвиями. На нее клали груз и волокли по колосьям, разложенным на террасе, пока зерна не вываливались. В XVII слое сохранилось орудие для добычи соли.

Интересное в социально-историческом аспекте крепостное сооружение относится к XVI слою, то есть к

Хасилар, Западная Анатолия
Расписная керамика слоя I, красным по
кремовому фону. 5200—5000 гг. (по Мелаарту)

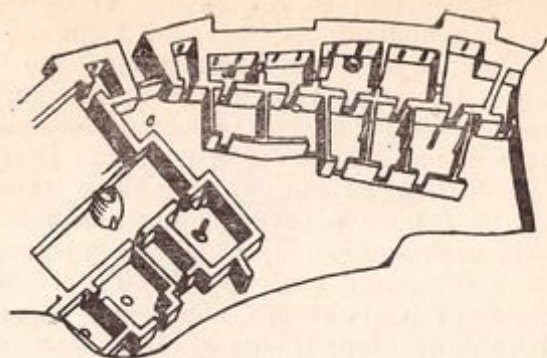
Хасилар, Западная Анатолия
Сосуд в виде женской фигуры. Расписная керамика.
5200—5000 гг. (по Мелаарту)

V тысячелетию. Оно возвышалось на террасообразном каменном фундаменте. Толщина внешней стены достигала 1,5 м. Укрепленная каменными плитами отвесная стена террасы имела в высоту не меньше 2 м. К крепостной стене примыкали два одинаковых сооружения с бойницами, пробитыми в крепостной стене. В помещениях при входе и в основных помещениях сохранились кухонная утварь, сосуды, медные и каменные орудия, зернотерки, зернохранилища и останки погибших защитников. Дома по своему единообразию напоминают казармы. Выделяется лишь один комплекс, расположенный непосредственно около хорошо укрепленных ворот: несколько больших помещений сгруппированы вокруг одного двора. Сообщество, построившее это поселение, должно было состоять из множества равноправных семей, руководимых одной, более богатой. Возможно, существовало домашнее рабство военнопленных, как предполагает Д. Герстенг на основании найденной керамики. Рабы не имели собственного жилья. Они принадлежали к семье своего господина.

Завоеватели селения из XX слоя и строители крепости из XVI слоя пришли из Северной Сирии. Мы называем их расписную керамику халафской, по селению Телль-Халаф в Северной Сирии, где ее нашли. Это второй тип расписной керамики Северной Месопотамии и Сирии, который, как хасиларская и другие анатолийские культуры расписной керамики, возник в середине VI тысячелетия на основе нераскрашенных глиняных изделий. Монохромная керамика, вероятно, происходила из Юго-Западной Анаголии и между 5800 и 5500 гг. распространилась от Сирийского побережья Средиземного моря до Юго-Западного Ирана и Персидского залива. Другая волна устремилась через Сирию и Палестину на юг. Первые пришедшие сюда носители этой культуры около 5800 г. разрушили докерамическую крепость Иерихона. Месопотамская монохромная керамика называется хассунской (рис. 45). Поселение, давшее ей название, Телль-Хассуна, лежит приблизительно в 25 км к югу от Мосула в Северном Ираке. В 1942 г. здесь начал раскопки иракский археолог Фуад Зафар, в следующем году к нему присоединился Сетон Ллойд. 12 культурных слоев, которые нумеруются снизу вверх, доходят до времени падения крепости Чатал-Гуюк, то есть примерно до 5800 г.

Древнейшее поселение (Ia) представляло собой интересную стоянку пастухов, пасших стада коз. Жили они в шалашах и занимались сезонным земледелием, но уже знали керамику. При раскопках подобной стоянки, возникшей на развалинах докерамического поселения Иерихон, была обнаружена древнейшая керамика. Образ жизни первых поселенцев Хассуны делает понятным, почему их культура быстро распространилась на сотни километров. Вероятно, в результате многовековой обработки почва в горах истощилась или население увеличилось настолько, что люди были вынуждены покинуть свою страну и отправиться на поиски новых земель. Там, где им нравились пастбища и пахотные земли и где не было врагов, они оставались жить. В противном случае, собрав урожай, двигались дальше, к новым землям. Люди Хассуны кочевали не только по степям и джунглям в равнинной части страны, но уходили также далеко на запад и север. Так хассунская керамика появилась в XXIII слое Мерсина; недавно изделия

Мерсин, Юго-Восточная Анатолия
Крепость (реконструкция). Слой XVII.
V тысячелетие (по Герстенгу)

Хассуны обнаружены на Черноморском побережье — в Абхазии, около Адлера.

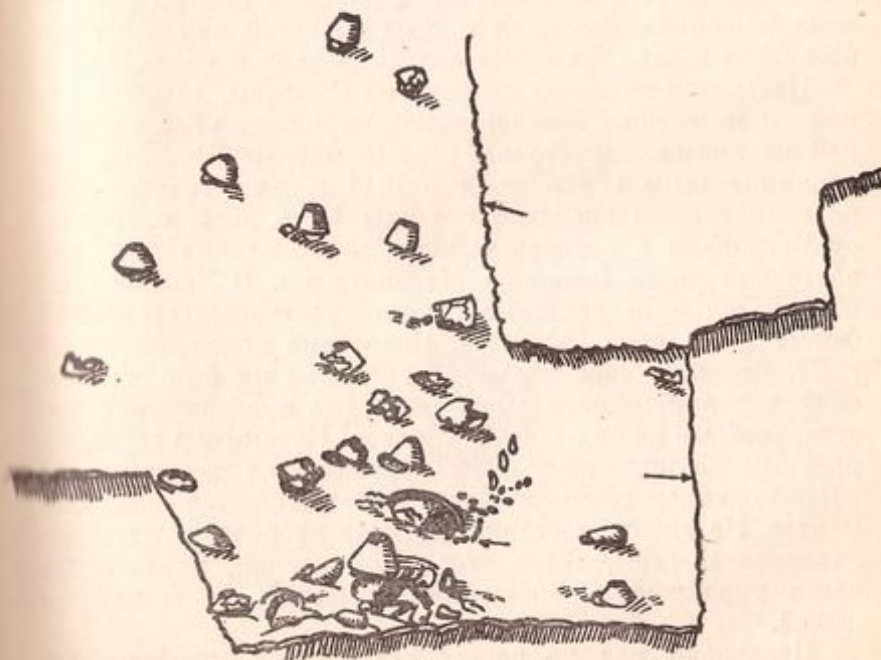
Однако затем центром хассунской культуры стала Месопотамская низменность — точнее, Северо-Западная Месопотамия, которая около VI тысячелетия в результате борьбы людей с природой превратилась в самый развитой район тогдашнего мира. Переднеазиатская низменность на Евфрате и Тигре делится на две больших области: равнинную южную — к юго-востоку от Багдада и холмистую — северо-западную. Теперь обе эти зоны превратились в сухие степи, во многих местах переходящие в пустыни. На сотни километров тянутся они вдоль обеих рек, дающих жизнь Ираку и Восточной Сирии. Но эти реки, особенно на юге, часто обладают смертоносной силой. Воды Тигра еще и поныне в некоторые годы поднимаются за сутки на 12 м. Кроме того, они постоянно несут с собой тысячи тонн ила, который оседает в русле. Из-за этого в древности их течение часто меняло направление, все сметая на своем пути. Так, еще и теперь Карун каждый год приносит миллион кубических метров ила. В Тигре около Багдада 1 куб. м воды содержит 787 г ила, и каждую секунду через контрольную отметку проходит 1240 куб. м воды. Постоянно Тигр и Евфрат несут к устью до 3 млн. т наносной земли [156].

Поэтому до недавнего времени полагали, что Южная Месопотамия — это морской залив, заполненный речным

илом. Однако теперь доказано [146], что все гораздо сложнее: под влиянием сжатия Загроса Южномесопотамская равнина опускается все ниже. Если бы не речные наносы, она бы уже погрузилась в море. Поэтому в Южной Месопотамии, вероятно, уже не удастся обнаружить поселения VII и VI тысячелетий, так как они могли быть покрыты постоянно поднимающимися грунтовыми водами, которые были причиной исчезновения в озерах, южноиракских городов II и I тысячелетий до н. э. Эти озера также представляют собой не изолированные морские лагуны, а заполненные водой впадины, которые оседают все ниже и ниже.

Но не только вода мешала заселению этих земель. Берега рек были покрыты джунглями, а на юге раскинулись заросли тростника и кустарника. В травянистых степях и речных долинах Сирии хозяйничали слоны. В степях паслись зубры и львы охотились за стадами

Хассуна, Северная Месопотамия
Стоянка кочевников. Ок. 5800 г. (по Ллойд и Сафару)

газелей, антилоп и онагров, которые здесь водились десятками тысяч. В озерах Палестины обитали бегемоты, а в реках на побережье — крокодилы. По Иранской возвышенности бродили зубры и леопарды, многочисленные стада газелей, куланов, оленей и других животных. В джунглях на берегах рек господствовали огромные вараны — грозные драконы позднейших шумеров и вавилонян.

В этих районах, страдающих от наводнений, было трудно найти пригодную для обработки землю, и некоторые кочевые группы гибли во время неожиданных половодий. Но тот, кто обосновывался в этой низменной стране, вскоре начинал понимать, что поля, удобряемые и орошаемые при наводнениях, дают более высокие урожаи, чем бедные горные участки. Однако в то же время возросла потребность в меди и обсидиане, так как в недрах наносной земли отсутствовали каменные породы; только по краям равнины имелся известняк. Между тем возникла нужда в орудиях для резания и дробления, причем люди скоро познали особенность «камня» меди — его можно было переплавлять — и широко ею пользовались. Богатства накапливались в долинах рек, но еще велика была зависимость от горных областей, так как только оттуда можно было доставлять металл и обсидиан.

Поэтому уже для керамики из Самарры, самой древней из известных северомесопотамских культур расписной керамики, характерны горные мотивы. Впервые эта керамика была обнаружена в 1911 г. Херцфельдом при раскопках руин арабской столицы IX в. н. э. в 100 км от Багдада и с тех пор найдена в нескольких местах в восточной части Северной Месопотамии. В Хассуне она появляется в относительно более усовершенствованной форме в III слое (5500 г.). Некоторые археологи полагают, что подобная керамика возникла на базе хассунских изделий, однако установить это с абсолютной достоверностью до сих пор не удалось. Керамика расписана красным по кремовому фону и отличается продуманным расположением геометрических и натуралистических элементов. На внешних стенках сосудов преобладают геометрические мотивы, тогда как внутренняя поверхность часто украшена изображениями зверей, растений и людей.

Несколько раз на чашах встречается изображение

Хассуна, Северная Месопотамия
Керамика из Хассуны и Самарры, статуэтка, мотыги, строения, цинковка и т. д. VI тысячелетие (по Брейдвуду)

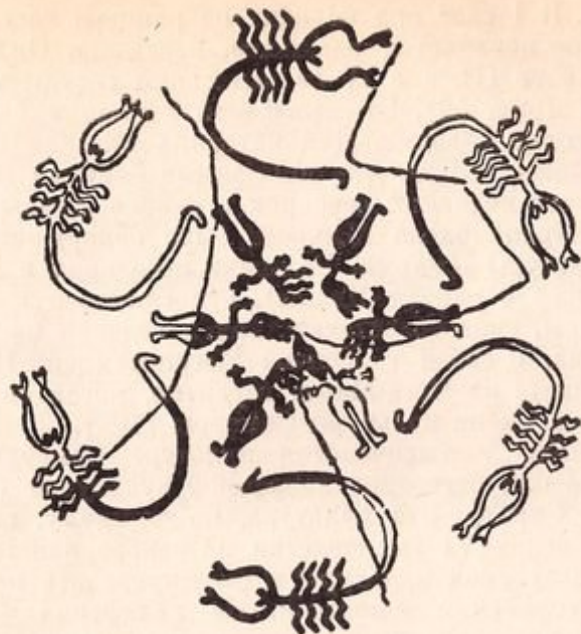

танцовщицы с распущенными волосами, которое уже известно из Чатал-Гуюка. Единственная статуэтка, найденная в Хассуне, тоже напоминает керамику из Чатал-Гуюка. В Хассуне обнаружен большой горшок, на горловине которого воспроизведено человеческое лицо. Горшок напоминает сосуд в виде женской фигурки из Хасилара (рис. 46).

Среди хассунских орудий выделяются каменные мотыги с широким лезвием, на которых иногда видны следы битума на месте скрепления с деревянной рукояткой. Особенно поразительна форма мисок с ярко выраженными, как у терки, рифлеными углублениями, служившими, вероятно, для обдирания шелухи с зерен. Каждое место, где обнаружены памятники культуры Самарры, наряду с ее общими признаками имеет свои характерные черты. Так, в Самарре преобладают натуралистические изображения на чашах, в Багоузе на Евфрате, наоборот, — геометрические замкнутые фигуры, а во время последних раскопок в Телль эс-Савване найдено множество статуэток из алебаstra, ранее вообще неизвестных (рис. 47). Здесь также сохранилась примечательная архитектура культуры Самарры, тогда как раньше были открыты в основном кладбища, например в Самарре и Багоузе. Поэтому можно предположить, что изделия собственно из Самарры были лишь позднейшим вариантом хассунской керамики, предназначавшимся для торжественных случаев и ритуальных целей.

Телль эс-Савван, «Кремневый Холм» (рис. 48), расположен на восточном берегу Тигра в 11 км к югу от Самарры. На этом холме (площадь 230×110 м) различаются пять слоев [269], нумеруемых снизу вверх. Слой I датируется 5600 г. Самые поздние отложения (V) относятся к V тысячелетию. В одной части холма (B) все пять слоев ясно прослеживаются. Древнейшее поселение было окружено рвом глубиной 3 м, шириной 2,5 м, который был связан с ручьем, а следовательно, наполнялся водой. За рвом высилась мощная крепостная стена в форме квадрата, придававшая сооружению сходство с докерамической крепостью Иерихона. Во рву и за стеной найдены многочисленные метательные шары из глины.

В раскопанной части I слоя расчищены два здания, которые принадлежат к самым большим сооружениям VI тысячелетия. В доме 1 было по крайней мере 14 ком-

Самарра, Северо-Восточная Месопотамия
Чаша с изображением танцовщиц. VI тысячелетие
(по Франкфурту)

нат, а во втором — еще больше. Сохранившаяся лестница свидетельствует о наличии второго этажа. Восточная часть дома 1 представляла собой храм, состоявший из четырех помещений, причем в последнем уже имелась культовая ниша. Перед ней стояла алебастровая статуэтка богини-матери. В одном из помещений у входа археологи обнаружили две глиняные женские статуэтки. Во многих могилах, обнаруженных под храмами и другими помещениями, сохранились многочисленные женские фигурки и несколько мужских. В большинстве случаев они были сделаны из желтоватого алебаstra, который здесь обрабатывали. В могилах лежали также медные бусы и один медный нож. Было найдено много каменных чаш и мисок из того же материала, что и статуэтки. Орудия труда и зернотерки сделаны из черного камня (рис. 49).

В обоих нижних слоях керамика встречалась доволь-

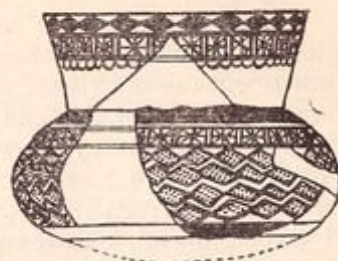
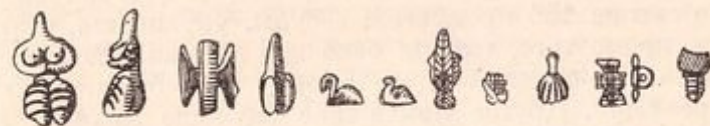
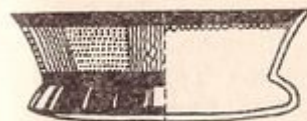
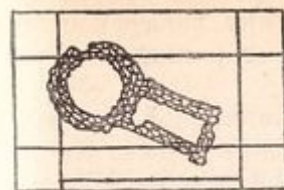
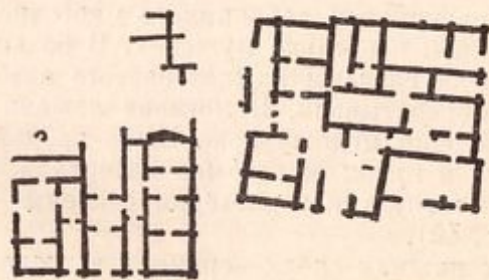

но редко. В I слое она походит на раннюю хассунскую. Во II слое появляется расписная керамика. Она преобладает в слое III, а в IV ее вытесняют сосуды типа самаррских (рис. 50). От халафской керамики сохранился лишь один обломок. Для историка техники большой интерес представляют две обмазанные битумом корзины.

Во время недавних раскопок в районе Диялы (Центральный Ирак) около Мандалы было обнаружено поселение культуры Джармо. Раскопки поселения в Тамеркхане (также в районе Диялы), относящегося к культуре Самарры, свидетельствуют, как и изделия из Хаджи-Мухаммеда, о связи с Южной Месопотамией. Прекрасная терракота из Чога-Мами, вероятно, могла еще относиться ко времени культуры Самарры [196].

К началу V тысячелетия культура Самарры была поглощена или оттеснена халафской культурой (Северо-Западная Сирия). Эта культура, по-видимому, возникла в первых веках VI тысячелетия на основе какого-то варианта хассунской культуры и формировалась под сильным анатолийским влиянием. На халафских сосудах снова появляются многие элементы настенной живописи из Чатал-Гуюка, например двойная секира, крест, леопардовая шкура, бык и др. В V тысячелетии, в период халафской культуры, роспись на керамике достигла высшей точки развития, которая едва ли была превзойдена впоследствии. Керамика расписывалась тремя и даже четырьмя цветами. Неудивительно, что при широком распространении халафской культуры — от Угарита на Средиземном море до Тильки-Тене на оз. Ван и до Тепе-Гав-

Телль эс-Савван, Ирак
Слой I. В здании 1 — храм из четырех помещений. Ок. 5600 г. (по Уайли)

Халафская культура, Северная Месопотамия — Сирия
Толос из Арпачая, образец росписи, сосуды, печати и подвески, статуэтка. VI—V тысячелетия (по Брейвуду)

ры у Мосула — появились местные формы. Вероятно, лучшие халафские керамические изделия, на которых сказались влияние чаш из Самарры, происходят из восточной мосульской группы, из Арпачая (рис. 51, 52) и Тепе-Гавры. Эта керамика относится к ранним работам халафских гончаров конца VI тысячелетия.

Халафская архитектура довольно своеобразна. Прямоугольное удлиненное помещение ведет к круглому строению. Глиняные стены возведены на каменном фундаменте. Главное помещение было покрыто сводом. При раскопках в Телль-Турлу в таких строениях — толосах — обнаружены печи, зернохранилища и очаги. Следовательно, это были жилые помещения, а не храмы, как полагали раньше. Некоторые дома, возведенные по обеим сторонам мощеных улиц, достигали значительных размеров. В Телль-Арпачае самый большой из известных толосов включает передний зал длиной 19 м и главное помещение диаметром 10 м; толщина стен составляет 2—2,5 м. Однако остальные строения были намного меньше. Толосы располагались главным образом в восточной части района Халафа, тогда как на западе и севере преоблада-

ли прямоугольные дома. Подобные строения сейчас широко распространены в Судане. К концу халафской эпохи они исчезли в Передней Азии и сохранились только на Крите.

Хотя в восточной части ареала халафской культуры прямоугольные строения являются исключением, именно они представляют особый интерес для историка. При раскопках в Телль-Асваде у Балика в Сирии в подобном сооружении обнаружены рога быка, помещенные так, как это характерно для храма. Видимо, дворцом-храмом было и прямоугольное здание из VI слоя Телль-Арпачая. В этом здании, сложенном из глиняных кирпичей, находилась также гончарная мастерская, в которой обнаружено свыше 150 предметов: сосуды, украшения, статуэтки, и, кроме того, тысячи осколков кремня. Сюда же относятся несколько сосудов, которые явно были предметами роскоши. Другое помещение служило храмом. Найденная там утварь представляет собой интерес для истории религии. В чаше из стеатита сохранились остатки своеобразных жертвоприношений: фаланга человеческого пальца и пять таких же фаланг из камня. Жертвоприношения в виде частей пальцев практиковались еще в ледниковом периоде и в наше время распространены среди примитивных народов Юго-Восточной Азии как выражение скорби. Мать, скорбящая по своему ребенку, отрубает себе фалангу пальца.

В Арпачае части пальцев или их изображения принесены в жертву богине-матери, древней властительнице жизни и смерти. Олицетворяющим ее культовым изображением служит статуэтка из известняка размером около 5—6 см в виде женщины, перед которой стоит на коленях маленькая мужская фигурка (1,7 см), протягивающая правой рукой жертвенный дар. Очевидно, в культе мужчины все еще играл подчиненную женщине роль, но тут он впервые выступает как единственный служитель божества.

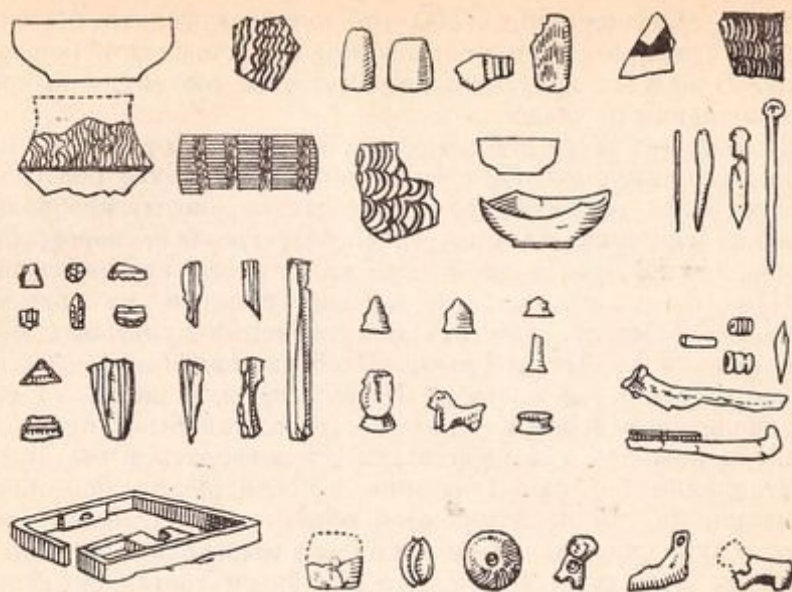
Точно так же спустя тысячелетия шумерские и аккадские цари позволяли изображать себя приносящими жертву или молящимися перед культовым изображением. Они были избранниками богов. Только изображения их самих и их близких могли быть помещены перед божеством, которое они монополизировали. Это относится и к хозяину большого дома в Арпачае. Он был уже доста-

точно могуществен, чтобы не только поселить в своем доме гончаров, но и претендовать на близость к божеству. В бедных лачугах живших рядом людей культовых помещений не было.

В домах и могилах можно обнаружить орудия из меди и камня. Был известен и свинец. Наряду с богатыми находками керамики обнаружены терракоты, изображающие сидящих женщин (рис. 44), голубей, коров, быков, свиней, коз и ежей. Эти находки также ставят ряд вопросов, относящихся к истории религии, на которые частично можно ответить при изучении культовых изображений из Чатал-Гуюка. Изображения ежей и голубей встречаются впервые. По-видимому, в конце VI тысячелетия в Южной Анатолии горлинка были приручены человеком и вскоре стали олицетворять в его представлении богиню. Горлинка, древнейшая домашняя птица, по сей день является объектом религиозного почитания, например у христиан она выступает как воплощение бога-духа. В том, что голубь считается символом мира, проявляются пережитки древнего культа. Еж издавна почитался как полезное животное, истребляющее мышей и насекомых, и уважительное отношение к нему отразилось в зороастризме.

Понять духовный мир людей того времени помогают подвески и амулеты, изображающие руки, фаллосы, двойные секиры, фигурки животных, серпы, модели дома и другие предметы. «Печати» в виде руки встречались еще в Чатал-Гуюке, однако подлинными печатями были, вероятно, лишь те подвески, многочисленные отпечатки которых сохранились на кусочках глины, служивших для закупоривания сосудов. На некоторых оттисках еще можно различить следы веревки, которой завязывали мешки, тюки, корзины. Концы веревки вкладывали в кусочки глины, и, не повредив его, а значит, и оттиск печати на нем, нельзя было открыть тару. Таким образом, уже существовало имущество, которое его владелец хотел оградить от посягательств других людей. Возникла частная собственность. С расслоением общества и начавшимся разделением труда появилась сила, которая должна была взорвать прежний образ жизни: собственность на продукты и средства производства. Об этом помимо всего прочего свидетельствуют следы подчинения ремесленников хозяину большого дома в Телль-Арпачай VI.

Джейтун, Южная Туркмения
Керамика и утварь. Внизу — план дома. V тысячелетие
(по Массону)

Сиалк (I), Центральный Иран
Керамика и утварь. Начало VI тысячелетия (по Массону)

Носители ранней расписной керамики продвинулись далеко на юг и восток Ирана. Их культура возникла на основе расписной керамики Тепе-Гурана и Джармо. В середине VI тысячелетия ее развитие стимулировала расписная керамика Анатолии. В поселении этого периода, продвинувшемся дальше всех на северо-восток — на территорию Южной Туркмении, в район Ашхабада, вел раскопки советский археолог В. М. Массон. Здесь находится селение Джейтун, которое до сих пор датируется только на основании сопоставлений керамического материала. Бесспорно, однако, что оно возникло еще до 5000 г. Жители этого селения возделывали ячмень и пшеницу, держали коз и овец. Около 300 костяных рукояток серпов и множество микролитов говорят о том, что здесь собирали урожай. Формы керамических изделий простые, глина смешана с соломой. Роспись краснокоричневая на кремовом фоне. Фигурки животных и женщин сделаны из терракоты. Обнаруженные на территории раскопок дома, очевидно, составляли только часть поселения. Эти дома площадью 20—35 кв. м стояли по одному во дворах, обнесенных изгородью. Они были расположены без какой-либо системы и находились так далеко один от другого, что вряд ли могли выполнять роль защитного вала вокруг поселения.

Это поселение относится к началу периода богатой расписной керамики в Средней Азии, длившегося до II тысячелетия до н. э. Поскольку до сих пор отсутствуют данные, необходимые для анализа на C_{14} , отдельные находки можно датировать лишь приблизительно, на основании сопоставлений с аналогичными материалами из Ирана. Вероятно, слишком занижена датировка самого раннего слоя Анау (I), где в начале XX в. производили раскопки американцы. Этот слой, скорее всего, примерно соответствует халафскому периоду в Северной Месопотамии (около 5000 г.).

Несколько старше, но все-таки моложе, чем Джейтун, древнейшее поселение на Иранской возвышенности — Тепе-Сиалк. С 1933 по 1939 г. здесь вел раскопки по заданию Лувра Гиршман. Это скромное поселение состояло из тростниковых хижин. Его жителям, однако, уже были известны многие формы простой расписной керамики и медной утвари. Мотивы росписи чисто геометрические. Среди каменных орудий встречаются мотыги

Хаджи-Фируз-Тепе, Иранский Азербайджан
Роспись на сосуде. Ок. 5200 г. (по Янгу)

и топоры, которые напоминают находки из Телль-Хасуны. Широко известна резная рукоятка серпа из этого слоя, которая изображает стоящего мужчину в короткой юбке. Во II слое бросаются в глаза изящные зооморфные орнаменты, изображающие коз и леопардов.

В горах Загроса, где долины отделены друг от друга высокими гребнями, сложились местные стили росписи. На смену ранним расписным монохромным изделиям из Тепе-Сараба и Гурана в VI тысячелетии пришла расписная керамика своеобразного типа. Такие предметы найдены, например, в Хаджи-Фируз-Тепе, южнее оз. Урмия. В этом поселении прямоугольные глиняные дома сгруппированы вокруг открытого двора. Датировка по методу C_{14} предпоследнего слоя относит его примерно к 5200 г. (5226 ± 86 г.). В Северном Иране в конце VI тысячелетия происходили ожесточенные сражения. В этом слое обнаружены три общие могилы с 28 трупами убитых. Они явились жертвами вражеского нападения, после которого от поселения остались только зола и щебень. Состояние костных останков позволяет сделать вывод о том, что мертвые в течение долгого времени оставались непогребенными. Однако в конце концов уцелевшие жители селения вернулись и похоронили останки погибших. Простая, четкая по форме керамика расписана красными треугольниками.

В Южном Иране на основе местных монохромных изделий возникла под восточным влиянием местная разновидность расписной керамики (например, в Тал-и-Бакун В), в которой еще можно различить подражание халафским образцам. В долине р. Карун и в нижнем течении Евфрата и Тигра в конце VI тысячелетия, очевидно на основе керамики, напоминавшей хассунскую, выделился свой центр расписной керамики. В Сузиане древнейшая расписная керамика найдена в Джаффарабаде (I) (рис. 53). Кубки, чаши и горшки можно сравнить с изделиями из Самарры и Халафа. Еще больше на-

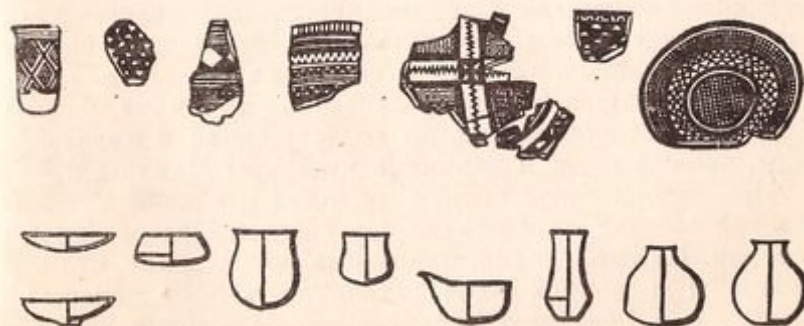
поминают халафскую керамику изделия из Тепе-Мусиана, которые отличаются искусной стилизацией (в виде геометрических фигур) людей и животных. Эта особенность характеризует и иранскую расписную керамику позднего времени.

Влияние Самарры и Халафа можно проследить на глиняных сосудах, найденных в южномесопотамском селении Эриду (в слоях XVII—XV). Роспись сделана красной или черной краской по светлому фону (рис. 54). Сохраняются четкие геометрические мотивы, традиционные для древней Северной Месопотамии. Они могли возникнуть около 5000 г. Архитектура представлена очень скудно. Только в центре XVI слоя находится небогатый квадратный домик площадью 4×4 м, который явился прообразом широко известных впоследствии храмов Эриду. В следующем слое обнаружен храм с культовой нишей, перед которой возвышался маленький алтарь. Храм в слое XV уже имел площадь 6×8 м, что говорит о его возросшей роли в поселении. В этом слое появляется керамика, в которой еще более четко выражены халафские элементы. Ее создатели, очевидно, пришли из Ирана. Найдена она в Хаджи-Мухаммеде около Урука-Варки. Эту керамику можно сравнить с керамикой Джови и Мусианы в Сузиане. В Эриду она прослеживается вплоть до VII слоя, однако с XIII слоя ее все больше вытесняет новая керамика — убейдская, утвердившаяся между 4800 и 4300 гг.

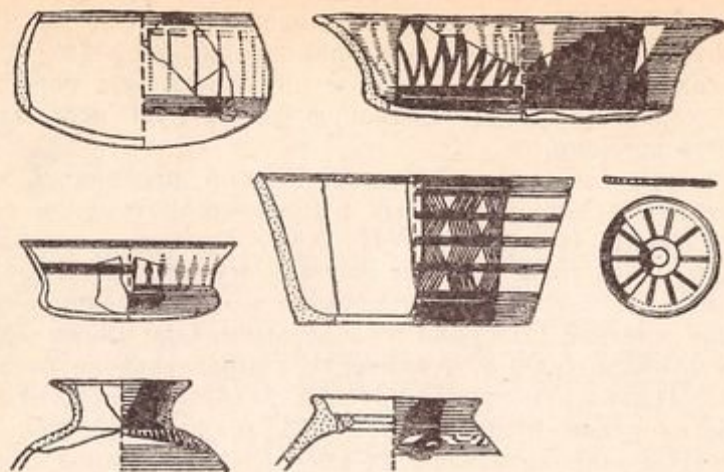
Керамика из Убейда стоит у начала новой эпохи,

Эриду, Южный Ирак

Керамика. VI тысячелетие (по Нагелю)

Хаджи-Мухаммед, Южный Ирак
Сосуды. Ок. 5000 г. (по Нагелю)

когда ведущая роль перешла к Месопотамской низменности и пришли в действие новые процессы. В Северо-Западной Анатолии и на Балканах монокромная керамика использовалась до конца VI тысячелетия. Она достигла Нижнего Дуная к середине этого тысячелетия, а на Крите появилась еще в его начале.

На территории современной Болгарии расписная керамика впервые появилась в 5200 г. Вероятно, она возникла на основе монокромных изделий и лишь частично испытала малоазийское влияние. Наряду с керамикой из Слатины, Кремиковчи и других мест в окрестностях Софии особого внимания заслуживает скульптура той эпохи, найденная на территории Румынии и свидетельствующая о богатой фантазии ее исполнителей. Хотя Балканы еще в течение тысячелетий оставались на периферии развития, отсюда, с верховьев Дуная, в V тысячелетии пришла в Европу ленточная керамика, формы и мотивы которой во многом возвращаются к малоазийским, прежде всего к керамике культуры Чамхасан.

При исторической оценке эпохи VI и начала V тысячелетий следует исходить из происшедших за это время перемен. Нужно, однако, принимать во внимание, что эти перемены в полной мере затронули только центры — Анатолию и Северную Месопотамию. В пограничных об-

ластях появились лишь некоторые их элементы, например расписная керамика или обработка металла, но эти области в своем развитии отставали от центров.

В Хасиларе (II) можно обнаружить обособление ремесла. В Арпачае оно уже было сосредоточено в главном доме поселения и подчинено племенным вождям. В Мерсине архитектура домов позволяет сделать вывод о том, что существовало различие между свободными людьми, носившими оружие, и более богатым слоем населения. Повсюду встречаются следы военных походов, разрушений и побоев. Имеются отдельные указания на обращение военнопленных в рабство. В религии отражается возникновение привилегированного слоя общества, о чем свидетельствует отделение храма от жилых построек, как, например, в Хасиларе. Оттиски печатей на глиняных пробках из Арпачая доказывают, что благодаря развитию земледелия и ремесла возникла частная собственность. «Дворец» в Мерсине свидетельствует об имущественных и сословных различиях. Но это еще не были классовые различия, и в обществе не существовало антагонистических противоречий. «Дворец» не был укреплен. Его владелец не нуждался в защите от своих соплеменников. Оборонительные сооружения строились только для того, чтобы преградить путь общим внешним врагам.

Первобытное общество оказалось на грани распада. В политическом плане оно еще существовало, но в социальном переживало агонию. Эту стадию общественного развития можно сопоставить с последней стадией первобытного общества, которую при помощи стихов Гомера гениально реконструировал Ф. Энгельс: «В поэмах Гомера мы находим греческие племена в большинстве случаев уже объединенными в небольшие народности, внутри которых роды, фратрии и племена все же еще

Эриду, Южный Ирак
Древнейший храм (XVI). Ок. 5100 г.
(по Нагелю)

вполне сохраняли свою самостоятельность. Они жили уже в городах, укрепленных стенами; численность населения увеличивалась вместе с ростом стад, распространением земледелия и зачатков ремесла; вместе с тем росли имущественные различия, а с ними и аристократический элемент внутри древней, первобытной демократии. Отдельные мелкие народности вели непрерывные войны за обладание лучшими землями, а также, разумеется, и ради военной добычи: рабство военнопленных было уже признанным институтом» [4, 104—105].

В качестве политических элементов конституции того переходного периода Энгельс называет совет вождей, народное собрание и военного предводителя — базилевса. Одинаковые дома у членов племени, раскопанные в Хасиларе и Мерсине, говорят о том, что в народном собрании жители, по крайней мере главы семей, были равны. Увеличение численности населения требовало, чтобы в интересах развивающейся торговли правящий орган был уменьшен и был создан совет старейшин. Возвышение «дворца» в крепости свидетельствует о том, что его хозяин, военный предводитель, которого греки через 5 тысяч лет называли базилевсом, в пределах своих владений был военным вождем, но не выступал в роли полновластного господина. Карл Маркс писал по этому поводу: «... слово „basileia“, которое греческие писатели употребляют для обозначения гомеровской так называемой царской власти (потому что главный отличительный признак ее — военное предводительство), при наличии наряду с ней совета вождей и народного собрания означает только военную демократию» [4, 107].

Следовательно, мы не ошибемся, если скажем, что в результате экономического и социального развития в VI и V тысячелетиях общество Передней Азии достигло поздней ступени «военной демократии».

ЖРЕЦЫ ЭРИДУ И ГАВРЫ

В период между 4500 и 3500 гг. в долинах рек образовались значительные культурные комплексы. Различные племена и народности сливались в более крупные объединения, которые впоследствии явились основой для складывавшихся государств. Мы не знаем, как назывались эти образования, — их наименования не дошла до нас ни одна письменность. Лишь из более поздних сообщений, часть которых появилась несколько тысячелетий спустя, можно заключить, что эти народы считали себя пришельцами с гор. Так, например, в мифе, записанном в середине XVIII в. до н. э. на шумерском языке, рассказано о том, что небесный бог Ану принес с неба пшеницу, коноплю и ячмень. Бог Энлиль, Владыка Бури, сложил все эти сокровища в горной стране и «запер горы, словно дверью». Но две строптивые богини, Ниназу и Нинмада, решили «дать зерно Шумеру, не знающему зерна».

В легендах обитателей долин также сохранились воспоминания о том, что в начале их истории произошло слияние многих племен. Вавилонский историк Берос, написавший историю своего народа на закате его культуры (около 280 г. до н. э.), начал свой труд такими словами: «В Вавилонии находилось огромное множество людей разных племен, населявших Халдею (Южный Ирак. — Авт.). Они жили, как звери, без всякого порядка». Равенство, еще сохранившееся в распадавшемся первобытном обществе, напомнило историку, человеку

более высокой цивилизации, жизнь животных. По сообщению Бероса, порядок и культуру принесло людям легендарное существо, мудрец Оан. Он — олицетворение исторического развития, тогда как богини потустороннего мира Ниназу и Нинмада ассоциируются с переселениями в долину Междуречья. «И вот в первый год из Эритрейского моря (Персидский залив.— Авт.), там, где оно подступает к Вавилонии, появилось разумное существо по имени Оан. Это существо... днем общалось с людьми, обходясь без пищи. Оно передало людям письменность, науки, искусства всякого рода, научило их селиться городами, возводить храмы, устанавливать законы и измерять землю, научило их сажать и собирать различные плоды, передало людям познания о том, как выращивать все необходимое для жизни... Оан... написал также о возникновении и развитии государств и передал эти сведения людям».

В этом рассказе, сохранившем, к сожалению, только греческими историками, в качестве движущей силы развития выступает сверхъестественное существо. Но в остальном перед нами правдивое описание событий, происходивших в V и IV тысячелетиях в Южной Месопотамии. Из смешения людей «разных племен» возникли большие народы, жившие в городах и строившие храмы; среди них выделились ремесленники, жрецы и земледельцы; они положили начало науке и искусству и даже письменности, а может быть, и государственности, хотя последние два элемента сложились полностью лишь в конце IV тысячелетия.

Сегодня мы с большой долей вероятности можем утверждать, что цивилизацию того периода создали не шумеры, которые были творцами первой в истории письменной культуры. Шумеры, очевидно, лишь в середине или в начале IV тысячелетия вторглись на эту территорию с северо-востока и основали в нижнем течении Тигра и Евфрата первые города-государства. Однако возникновение этих городов нельзя считать результатом шумерского завоевания. Оно, скорее, завершило далеко идущее социальное развитие в Южной Месопотамии. Бесспорным доказательством высокого уровня культуры дошумерского населения являются шумерские тексты и язык. Они содержат множество слов, заимствованных у дошумерских обитателей долины Междуречья:

аппи	— плут	шид/тум	— каменщик
аппин	— борода	нагар	— плотник
эгар	— пахарь	симуг	— кузнец
синад	— пастух	[т]ибира	— жестянщик
нахар	— гончар	ашнан	— полба
ушнар	— ткач	улушин	— пиво из полбы
анлаг	— валяльщик	нимбар	— финиковая пальма
ангаб	— дубильщик	ухин	— финиковый початок
утуль	— пастух	суламп	— финик
капар	— подпасок	уруд	— медь
мухалдим	— повар		

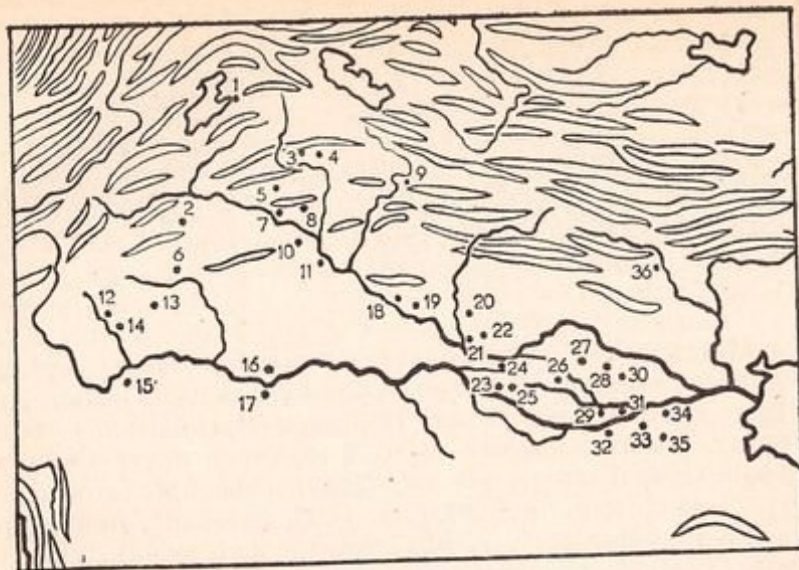
[191, 219]

Многие боги шумеров также носили дошумерские имена, например Ураш — Земля, Ашнан — Полба, Иннин — Богиня плодородия, Нергал и Эрешкигаль — боги смерти. Среди названий городов шумеров почти нет шумерских: чуть ли не все они ведут свое происхождение от дошумерской цивилизации. Следовательно, при вторжении шумеры обнаружили земледельческую цивилизацию, знавшую обработку меди, с ярко выраженным уже разделением труда. Они завоевали города, подчинили себе ремесленников и земледельцев и пользовались урожаями с полей, которых они не засевали.

Археологи назвали убейдской культуру слоев, залегающих под остатками Шумера. С помощью анализа на C_{14} они датируют ее истоки 4400—4300 гг. В ее следах, найденных в Урук-Варке (Южная Месопотамия), прослеживаются влияния культур Хаджи-Мухаммеда, населения Халафа и Самарры и многих местных форм цивилизаций материка. Уже в конце V тысячелетия убейдская культура господствовала от северо-восточной окраины Средиземноморья до Персидского залива, почти не затрагивая глубинные районы. К северу и востоку от нее в это время по-прежнему процветала сельская культура, для которой характерна расписная керамика; кое-где она только тогда и достигла своего наивысшего развития. В Сирии и Палестине продолжали употреблять монохромные глиняные изделия, которые с середины V тысячелетия все больше проникают в долину Нила. Малая Азия после расцвета расписной керамики также сделала шаг назад в своем развитии и отстала от Двуречья.

Постепенно в Месопотамии керамика утратила ведущее положение в искусстве. Изображения на ней стали

Месопотамия

1. Тилки-Тепе 2. Халаф 3. Шанидар 4. Зави-Чемп-Шанидар 5. Гавра 6. Брак 7. Ниневия 8. Арпачай 9. Карим-Шахир 10. Хассуна 11. Ассур 12. Юнус 13. Чагар-Базар 14. Асвад 15. Букра 16. Багоуз 17. Мари 18. Самарра 19. Савван 20. Ас-мара 21. Чафаджи 22. Агра 23. Вавилон 24. Уквайр 25. Киш 26. Нингур 27. Умма 28. Телло 29. Фара 30. Ларса 31. Урук 32. Хаджи-Мухаммед 33. Убейд 34. Ур 35. Эриду 36. Сузы

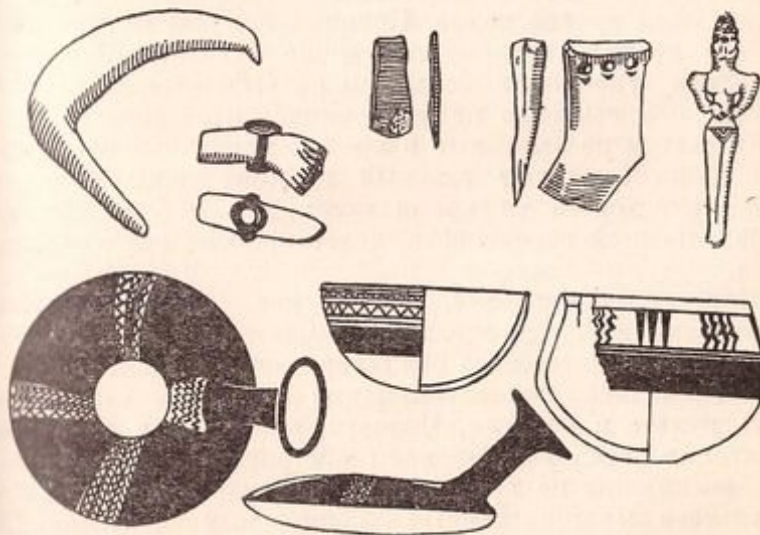
проще, исполнение — менее тщательным. Многообразие форм уступило место стандартным шаблонам. Но эта тенденция возобладавала не всюду, не одновременно и не в одной и той же форме. Там, где сельские культуры с расписной керамикой были вовлечены в сферу влияния Убейда, во многих местах сохранилось прежнее искусство.

Прекрасные произведения расписной керамики, относящиеся к периоду Убейда, создавались прежде всего в Северной Месопотамии, а временами — в Тепе-Гавре близ Мосула. В общем преобладали, однако, скудно расписанные стандартные изделия зависимых ремесленников, давно утративших привилегированное положение в обществе. Керамика Убейда отображает не столько определенную художественную тенденцию, определенное течение в искусстве, сколько усиление социальной диффе-

ренциации, разделения труда и общественного неравенства.

В слоях Убейда значительно чаще, чем прежде, встречаются следы металлических изделий, вернее, их копий. Дело в том, что медь ценилась очень высоко, ибо в глубине материка ее не добывали. Чтобы выменять металл на зерно, приходилось подыматься по течению Евфрата — Урутту (Медной реки) в горы. Металл, добытый с таким трудом, был слишком дорог, чтобы изделия из него можно было класть в могилы. Но мертвым нужны были в потустороннем мире не только сосуды, но и орудия, а в Южном Ираке, лишенном камня, их делали из меди. И тут на помощь мертвым приходили гончары. Они делали из глины серпы, молоты, топоры и клали эти имитации в могилы. Благодаря им до нас дошли важнейшие формы металлических изделий того времени, оригиналы которых утрачены: после употребления их снова переплавляли, чтобы металл служил как можно дольше.

Обычай класть в могилы глиняные копии вещей сохранил для нас не только формы орудий из металла: мо-

Культура Убейд, Месопотамия

Сосуды, глиняные имитации предметов утвари (серп, топор), статуэтка и орудия труда. V тысячелетие (по Брейвуду)

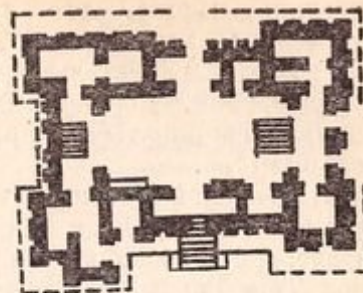

дели лодок (рис. 55) свидетельствуют о том, что в то время умели строить кроме весельных лодок и парусные суда, которые, очевидно, спускали на воду не в реках, а на море. Строили их, по-видимому, *нагар* — дошумерские плотники — для нужд рыболовства и морской торговли. О ее развитии говорит то обстоятельство, что, по шумерской традиции, в Двуречье еще до шумеров с островов Персидского залива завезли финиковую пальму.

Огромное количество и сходство найденных образцов утвари позволяет предположить, что их, очевидно, изготавливали в массовых масштабах специальные гончары. Керамика также производит впечатление серийного производства. Глиняные сосуды изготавливались не только вручную, но и на медленно вращающемся гончарном круге. Между росписями отдельных сосудов сходство не меньшее, чем между глиняными статуэтками убейдской культуры. Как это ни странно, они напоминают по форме фигурки самаррской цивилизации из Телль-эс-Саввана, что свидетельствует о преемственности культур населения этих местностей на протяжении тысячелетий. Это почти исключительно изображение нагой женщины во весь рост. Изображения мужчин, как и в Савване, встречаются крайне редко. Крупные фигуры не найдены даже в храмах, которые в отличие от Чатад-Гуюка и Иерихона украшены большими рельефами из глины или росписью. Здесь явно не поклонялись изображению, поэтому статуи не занимают в храмах центрального места. Они лишь заменяют главный предмет поклонения, в качестве которого во время культовых церемоний выступал, по всей вероятности, человек, чаще всего — женщина.

Поклонение человеку, неизвестное более древним культурам, является, очевидно, характерной чертой формирующегося классового общества, когда разделение труда и социальная дифференциация затронули также область культа и религии. Человек, являвшийся объектом почитания, стал воплощением абстрактных представлений, возникших на протяжении десятков тысячелетий в результате многочисленных конкретных наблюдений. Еще люди ледникового периода поклонялись способности женщины к деторождению, изображаемой в виде абстрактной статуэтки. Стилизованное изображение женщины было объектом всеобщего почитания и в начале

Культура Убейд, Месопотамия
Храм Эриду. Слой VII.
V тысячелетие (по Брейдвуду)

земледельческого периода. В конце VI тысячелетия общество утратило свое равноправие. Немногие избранные возвысились над большинством крестьян и ремесленников, как это видно во «дворцах» Мерсина и Хасилара.

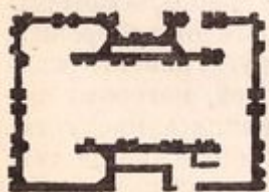
Уже в период расцвета культур Эриду и Хаджи-Мухаммеда месопотамские храмы несомненно стали носителями прогресса. Во времена Убейда эта тенденция получила еще более яркое выражение. В этом убеждают раскопки Эриду. Наидревнейшие храмы здесь имеют размеры 4×4 м (XVI слой), самое большее — 6×8 м (XV слой), и состоят из одного зала. Храмы периода Убейда представляют собой разделенные на множество комнат сооружения, воздвигнутые на террасах. Они напоминают крепости и на несколько метров возвышаются над окружающими жилыми домами. В храме из VII слоя, относящемся к концу убейдской культуры, уже прослеживаются все признаки классового общества. Храм имел 15 м в ширину и около 20 м в длину. Стоял он на террасе высотой 2 м, господствовавшей над большинством хижин. Лестница, подымавшаяся между двумя башнями, вела в главный зал размером 20×4 м. Наружные стены были расчленены многочисленными выступами. Около одной из узких стен стоял алтарь, усеянный рыбными костями, остатками жертвенных даров, которые жители Убейда, находившегося поблизости от побережья, приносили почитаемому объекту. Вокруг главного зала размещались помещения, где жил человек, которому поклонялись, и его жрецы; здесь же хранились продукты. Сходство храма с крепостью, вероятно, объясняется тем, что во время войны он действительно служил цитаделью.

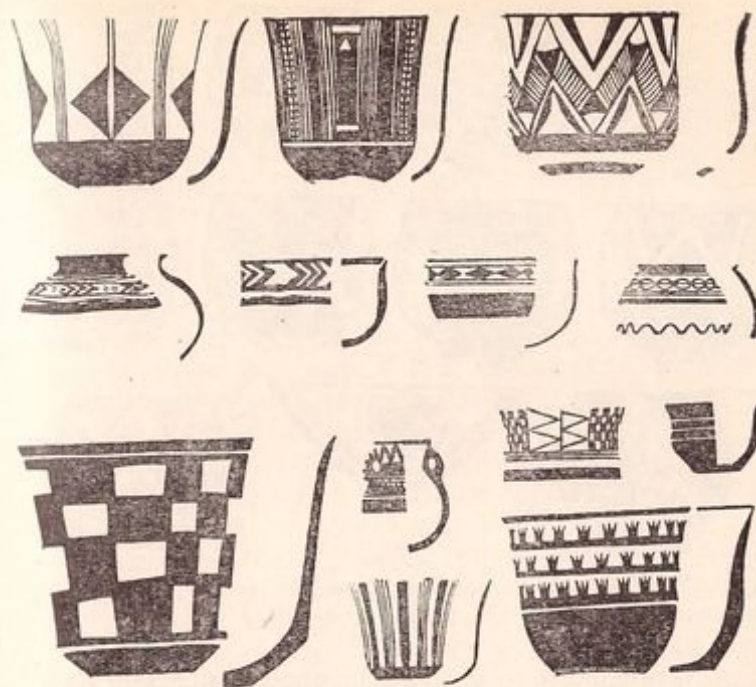
Но и в мирные периоды архитектура крепости надежно отделяла «бога», его приближенных и имущество от массы верующих. Таким образом, сооружения той поры свидетельствуют о наличии классовых противоречий, побуждавших незначительную часть общества защищаться при помощи укреплений от большинства.

В Северной Месопотамии также можно проследить по храмовым постройкам процесс возникновения правящей жреческой прослойки. Так, например, храм из XVIII слоя Теге-Гавры, датируемый началом IV тысячелетия, имеет примерно размеры 7×11 м. Во второй половине IV тысячелетия его заменили найденные в XIII слое три сообщавшихся между собой храма площадью 9×12 м, 18×15 м и 20×17 м. Их богато украшенные пилястрами фасады окружали двор площадью 18×15 м. К сожалению, стены фундамента уцелели только от северного храма, остальные два строения частично разрушены. Во всех трех храмах главное помещение служило местом отправления культа, а вход располагался на более широкой стене, так что со двора нельзя было увидеть алтарь, находившийся на узкой стене.

Больше всего пилястр было в так называемом центральном храме. В его внутренних помещениях сохранились остатки росписи, сделанной пурпуром. Восточный храм снаружи, очевидно, был покрашен в красный цвет. На территории этого храма найдены многочисленные печати с изображениями зверей, а часто и людей с головами животных (?). Эти изображения, найденные на юге, напоминают фигурки женщин с головами рептилий. По-видимому, это воспроизведение варана, которого обитатели древнего Шумера боялись, но ассоциировали с плодотворностью. Думузи, шумерский бог стад, в III тысячелетии имел второе имя — Ама-Ушумгал, что означает: «Его мать дракон». Между тем в Месопотамии драконом называли полутораметрового варана, который стал ма-

Культура Убейд, Месопотамия
«Центральный храм» Гавры.
Слой XIII. V тысячелетие (по Брейдвуду)

Теге-Гавра, Северный Ирак
Расписная керамика. Слой XIII. Конец IV тысячелетия
(по Тоблеру)

терью Думузи, а в представлении людей цивилизации Убейда превратился в женщину с головой варана.

В Гавре, очевидно, почитали мужчину с козлиными рогами и звериными ушами, бога охоты, который в Западном Иране еще долго оставался предметом поклонения. Его культ мог проникнуть из Северного Ирана. Отсюда носители поздней культуры Убейд, жившие в Теге-Гавре, могли позаимствовать расписную керамику, снова появляющуюся в это время. По мотивам росписи различные сосуды стоят очень близко к малоизвестной до сих пор расписной керамике из Далма-Теге в Иранском Азербайджане [281]. Эти глиняные изделия, датируемые серединой V тысячелетия, относятся к числу прекраснейших образцов цветной керамики древности. Почти на каждом сосуде своеобразно сочетаются зигзагообразные полосы, треугольники, ромбы и другие мотивы, на-

Далма-Тепе, Северо-Восточный Иран
Расписная керамика. Ок. 4400 г. (по Янгу)

несенные черной или темно-коричневой краской на светлый фон. Совершенно необычны сосуды, роспись которых разделена по вертикали на две несхожие половины.

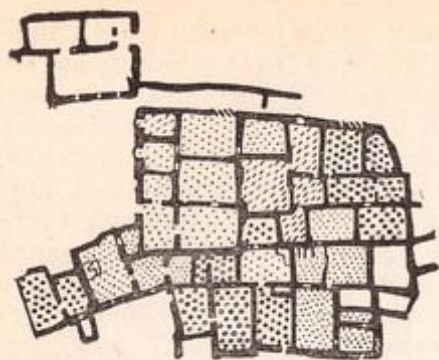
В поселении прослеживаются два периода строительства. Нижний слой датируется по C_{14} 4428 ± 80 г. Под жилыми домами найдено 14 могил новорожденных, из чего можно заключить, что в то время была сравнительно высокая детская смертность [280]. Пряслица и колечки от веретен, найденные на месте поселения, свидетельствуют о том, что его жители умели делать ткани. Не меньшее, а может и большее, значение имело производство сосудов в маленьком селении Юго-Западного Ирана, расположенном поблизости от культового города более позднего периода — Персеполя. Тал-и-Бакуи — так называлось это селение — существовал, очевидно, еще во времена Хассуны и Самарры, но его культура А (рис. 56) относится к месопотамской цивилизации Убейд. Четыре слоя холма, на котором расположено селение, были раскопаны Лангсдорфом [145]. III слой сохранился хорошо. Его раскопанные части напоминают значительно более древнее поселение Чатал-Гуюка. Один из

обнаруженных при раскопках домов состоял из 12 пристроек, которые, однако, в отличие от зданий древнего анатолийского города имели разные размеры и насчитывали от одного до семи помещений. На разделение труда в этот период указывает и гончарная мастерская, из которой, очевидно, вышла часть найденной здесь прекрасной керамики. Судя по следам полихромной стеной росписи и расписному глиняному покрытию одной деревянной колонны, помещения внутри были богато украшены. С точки зрения технического исполнения керамика не выдерживает сравнения с превосходными изделиями Междуречья, но по причудливости росписи, которая украшает каждый сосуд, вышедший из мастерских этой культуры, стоит намного выше продукции Убейда. В Тал-и-Бакуе еще работали свободные гончары, как это было почти 2 тысячи лет назад в Хасиларе II. На их изделиях геометрические и фигурные орнаменты составляют единое целое. Может быть, источником вдохновения гончарам служили разрисованные ткани. Недаром ткацкое искусство достигло тогда высокого развития. Стилизованные женские фигурки сменяются в росписях животными: собаками, овцами, коровами, козами, гепардами, медведями, птицами. Связующим звеном между этой цивилизацией и Северным Междуречьем служат простые печати.

Очень интересные данные получены при раскопках в Тал-и-Иблисе, в иранской провинции Керман [69, 984]. В медеплавильные конца V тысячелетия (по C_{14} — 4091 ± 74 г.) были обнаружены глиняные тигли с накипью медной руды. В тиглях сульфиды меди не плавилась, а обжигались. Очевидно, медеплавильщики умели регулировать температуру плавки. Они плавил руду при 990° по Цельсию, но избегали нагревать ее еще на 100° , ибо иначе тигли превратились бы в стекло. Такие температуры могут быть созданы только в закрытых печах, применяемых, например, современными гончарами.

Влияние Убейда достигало Южной Туркмении. Роспись сосудов из Анау I и Намазга I напоминают скромный орнамент, встречающийся в современной Месопотамии. Стенная живопись Намазга-Тепе мало чем отличается от росписи керамики. Культура Намазга II, соответствующая позднему Убейду, как это ни странно, по мотивам росписи родственна изделиям из Хаджи-Му-

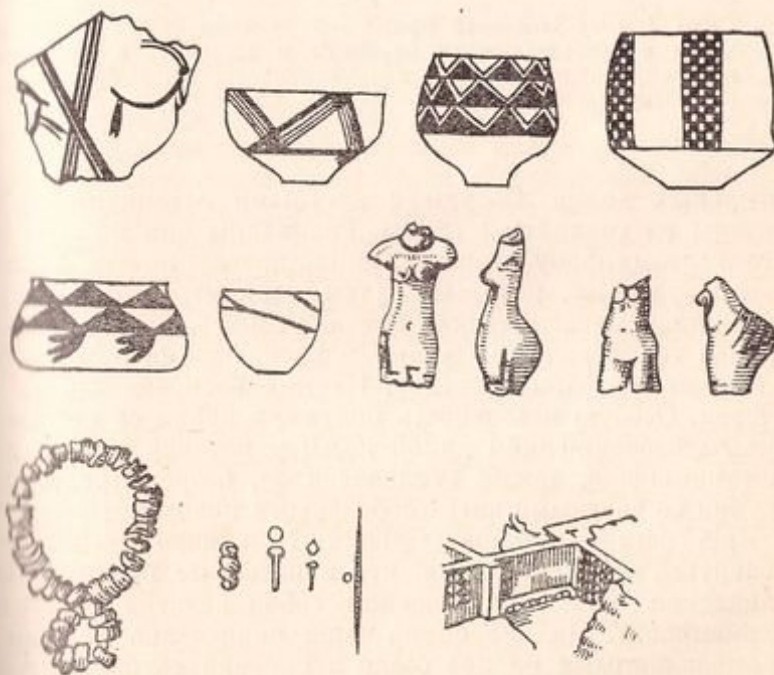

Тал-и-Бакун А, близ Персеполья, Иран
План селения. Начало IV тысячелетия (по Нагелю)

хаммеда. И здесь и там, например, встречаются «лестницы» и «крылья ветряных мельниц», которые фигурируют также в находках из Тал-и-Бакуна. Культура Ялангач в Юго-Восточной Туркмении, датируемая почти тем же самым временем, создала статуэтки, в которых возрождаются фигуры сидящих на корточках людей, характерные для Халафа. Очень своеобразны поселения носителей этой культуры. Их дома обнесены стенами, которые соединяют круглые строения, разделенные определенными интервалами. Не исключено, что это были зернохранилища.

Несколько более простая роспись найдена в селениях Иранского нагорья, из которых прежде всего следует назвать Тепе-Сялук. Здесь Убейду соответствует третий период (рис. 57). Для него характерны кирпичные дома, искусно сложенные печи и первые медленно вращающиеся гончарные круги. Керамические изделия расписаны черным по светлому фону (рис. 59). Изображения животных помещены в метопы (четырехугольные обрамления), образованные геометрическими мотивами, или между горизонтальными полосами. Это олени, рогатый скот, водяные птицы, все в несколько скованных позах. Они стоят неподвижно, друг за другом, или же пьют воду, принесенную человеком. На этих сосудах встречаются так же изображения леопардов и лошадей. Наряду с каменной утварью употреблялись и орудия из медного литья: крючки, иголки, кинжалы, топоры... В отличие от жителей Месопотамии обитателям этих горных селений не нужно было класть в могилы глиняные копии железных предметов, в их распоряжении были залежи меди. Кроме нее в горах добывали и серебро.

Среди керамических изделий Северо-Восточного Ирана преобладают чаши на высоких ножках. Росписью они напоминают изделия из Сялка. Но в некоторых мотивах (рис. 58) на находках из этой местности, носящей название Тепе-Гисар (I слой), ощущается близость Средней Азии. Гисар и в еще большей мере Сялук связаны с одной из самых известных культур расписной керамики — с Сузами А (рис. 60) из долины р. Карун. Сузы, знаменитая резиденция Дария I, известны в Европе с 1808 г. Раскопки здесь, на месте гигантского комплекса захоронений, ведутся с 1884 г. В числе многочисленных находок наибольшую известность получил некрополь, находившийся на целине: в его погребениях лежали прекрасные глиняные изделия с яркой росписью. Здесь находились вторичные захоронения. Черепа, а иногда и кости хранились в сосудах. Д. Морган раскопал 2 тысячи могил. Рядом с ними Меккенем обнаружил два больших

Намазга I, Южная Туркмения
Керамика, статуэтки, мелкие предметы,
настенные росписи. V тысячелетие (по Массону)

Сузы А, Юго-Западный Иран

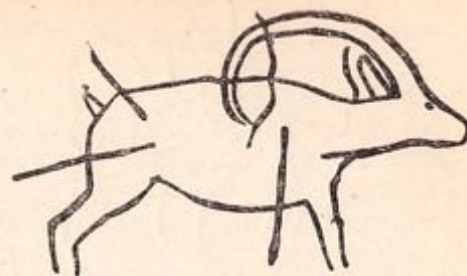
Чаша с изображениями черепахи и «дождя» в виде гребней, найденная в хальколитическом погребении. IV тысячелетие.

могильных холма. Сосуды с костными останками изготовлены из тончайшей глины. Расписаны они по зеленовато-желтому фону черными, винно-красными или фиолетовыми узорами, которым путем равномерного обжига был придан металлический блеск. Роспись, искусно сочетающая геометрические узоры и изображения животных, подчеркивает форму сосудов. На них воспроизводится и человек. Особую известность получили кубки со стилизованным изображением дикой козы, у которой между рогами помещено, также стилизованное, озеро. Прелестны и кубки со светлыми зигзагообразными полосами.

Еще богаче украшены чаши. При виде их трудно избавиться от впечатления, что нанесенные на них символические знаки представляют собой зачатки какой-то письменности. На дне одной чаши нарисована черепаха с направленными на нее сзади и спереди «зубцами гребешка». Черепаха по сей день считается в Восточной Азии символом плодородия и воды и в то же время — подземного мира и смерти. «Гребень» в древнем китай-

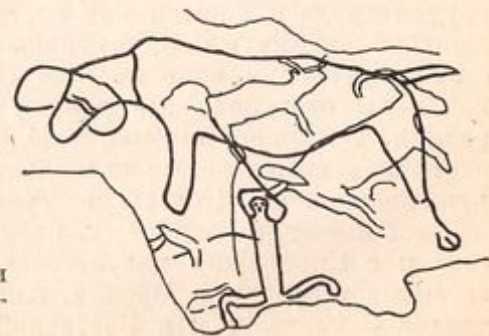
Кильва, Иордания

Горный козел с пририсованными копытами. Наскальное изображение (по Ротерту)

ском письме обозначал дождь. Положенный в такую чашу череп покоился на животном, олицетворявшем подземный мир и возрождение, которому способствовал падавший с двух сторон дождь. «Гребень» постоянно повторяется на чашах из Суз, причем часто в их центре изображались фигуры — кресты, круги и др., — считавшиеся символом воды. На одной чаше воспроизведен онагр на берегу пруда; на другой — человек, стоящий между двумя мотыгами, повернутыми рукоятками вниз; мотыги, как известно, вплоть до эллинистического периода были в Передней Азии неперемнной принадлежностью богов, приносящих плодородие.

Изображенные на кубках змеи и водяные птицы также связаны с водой, смертью и возрождением. Эта расписная керамика предназначалась, очевидно, только для культовых целей, ибо наряду с ней было раскопано большое количество простых глиняных изделий. Тем же периодом датируются довольно большие печати с изображением дикой козы, напоминающим предметы из Телле-Гавры. Из медных вещей заслуживают упоминания

Кильва, Иордания

Охотник на быка (или пастух). Наскальное изображение (по Ротерту)

Кильва, Иордания
Обнимающиеся влюбленные.
Наскальное изображение.
VII—IV тысячелетия (по
Анати)

плоское зеркало и завернутый в полотно плоский топор; предметы такой же формы найдены на месте поселений поздней культуры Убейд в Месопотамии.

Поселение Сузы А знаменовало собой начало устойчивого и длительного заселения этой местности. В то же время им заканчивается период деревенских поселений в Сузиане с характерной для них расписной керамикой, которые процветали со времен Самарры и породили множество локальных форм. Сузы А стоит в конце периода Убейда, и многие исследователи [191] относят эту культуру уже к следующему периоду, так как типичные для него монохромные изделия Урук-Варки обнаружены только в следующем слое, называемом Сузы В.

В Сирии и Палестине земледельческое население, изготовлявшее глиняную утварь типа хассунской, медленно откатывалось на юг. Его передовые группы в конце VI тысячелетия достигли Суэцкого перешейка. Они заселили берега Средиземного моря и долины рек. Прежние насельники этих мест переняли у пришельцев их орудия труда и навыки или отступили в горы, где продолжали заниматься примитивным земледелием, либо в степи; здесь они вели кочевой образ жизни и в поисках воды отступали все дальше в глубь травянистых равнин. Очевидно, им или еще более древним группам охотников принадлежат наскальные изображения, обнаруженные около Кильвы в Трансиордании. Такой же возраст имеют, по-видимому, наскальные рисунки из Негева и с Синайского полуострова, распространившиеся затем на территории Африки. Аналогичная роспись найдена в Закавказье и в Восточной Анатолии, близ Ады-

Ямана. Кильвская живопись не оставляет сомнений в том, что она обязана своим происхождением охотничьему культу. На рисунках неоднократно фигурируют каменные горные козлы, проткнутые копьями, весьма напоминающие фрески из пещер на юге Франции. И тут и там изображения собак отсутствуют, но зато кошки воспроизводятся очень часто. Животные изображены почти в натуральную величину; так, рисунок дикого быка имеет в длину больше 3 м.

Обнимающаяся пара из Кильвы напоминает скульптуры из Айн-Сахри, но по стилю — широкие головы напоминают масок — их можно сравнить и с древним наскальным групповым изображением из Северной Африки. На нем фигурируют «круглоголовые» из Ливии и Алжира, явно уже пастухи крупного рогатого скота, населявшие эти территории в V и IV тысячелетиях. Фрески Кильвы, наверное, нарисованы людьми, которые жили раньше, чем жрецы-охотники. Эти художники пасли здесь свои стада в V и IV тысячелетиях. Наскальная живопись из Хеджаса изображает домашний скот. Преобладающий стиль оставленных пастухами изображений напоминает иранскую цветную керамику слоя Сузы А (I). Охотники травят собаками каменных козлов, ухаживают за козами и крупным рогатым скотом. Подобные изображения найдены в Иордании и Хеджаса на Синайском полуострове, в Негеве, в Нубии и в Восточной Сахаре [10].

Пропитание легче было добыть на берегу моря; благодаря этому возникло каботажное плавание. Цветущая по сей день гавань Библа уже в VI и V тысячелетиях привлекала поселенцев. Вокруг нее на одной-единственной дюне возвышалось несколько сотен домов. Те, кто в них жил, занимались земледелием, скотоводством, рыболовством. Их прямоугольные дома стояли на каменных фундаментах. Эти люди изготовляли монохромную керамику, которую украшали отпечатками пальцев или процарапывали раковинной. Глиняные печати, терракотовые сосуды и форма некоторых захоронений роднят Библ с севером, где сложились многочисленные формы более или менее своеобразных земледельческих культур с примитивной керамикой. Одним из наиболее примечательных является обычай возводить огромные каменные надгробия, так называемые мегалиты, которые в Иорда-

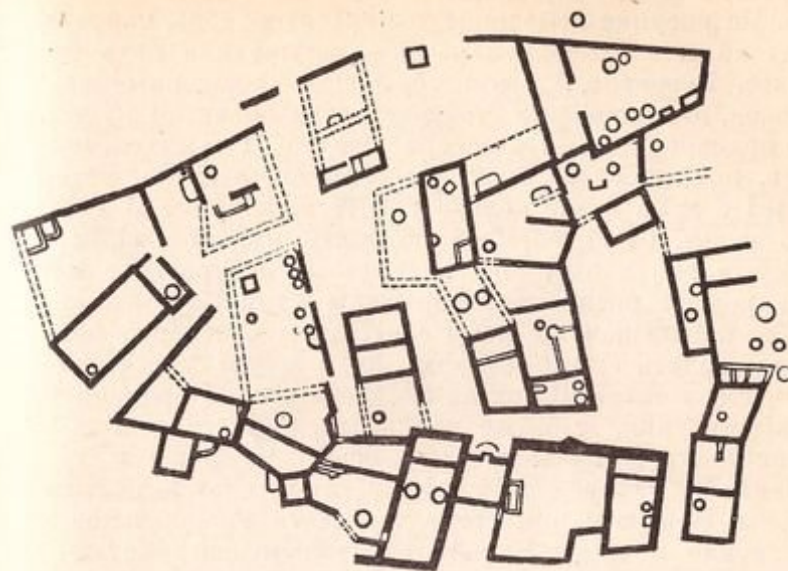

нии и в Палестине по обеим сторонам Иордана строили еще в V и IV тысячелетиях. Самые древние мегалиты в Вади-Добаи содержали кремневую утварь докерамического периода.

В наиболее поздних погребениях из крупных плит в пустыне Негев найдена керамика III тысячелетия. В Северной Иордании около 100 подобных каменных надгробий стоят кругом друг подле друга, образуя сплошной коридор. На крышках гробниц сделаны чашеобразные углубления, очевидно для жертвенных даров. В районе Шаар-ха-Голана и Башана найдено около 4 тысяч таких дольменов. В Южной Иордании археологи раскопали несколько тысяч маленьких каменных ящиков; в Южной Палестине найдены и каменные обелиски (менгиры), и круглые каменные ящики. Аналогичные участки с захоронениями из крупных каменных плит тянутся через всю Аравийскую пустыню до самого Моската. Они еще недостаточно изучены. Можно только предполагать, что многие из них восходят к V или IV тысячелетиям.

Связи между Анатолией и Сирией особенно отчетливо проявляются в одном поселении близ Ярмука в Палестине. В Шаар-ха-Голане раскопаны статуэтки (рис. 61), напоминающие фигурки из Хасилара VI (около 5600 г.). Особенно выразительны и пластичны их головы. Ярмукская керамика украшена резным орнаментом. Рядом найдены кости животных, свидетельствующие о том, что насельники тех мест уже имели домашних животных: коз, овец, крупный рогатый скот, собак. Верблюжьи кости могли с равным успехом принадлежать и убитым диким, и только что прирученным животным. Верхние слои Мунхата относятся к позднему неолиту: обнаруженные здесь постройки следуют более древним образцам (рис. 62). Керамика монохромная (рис. 63), статуэтки сильно стилизованы.

В Северной Сирии, в районах, граничащих с Анатолией, явно ощущается влияние горных областей. Керамика напоминает глиняные изделия, преобладающие в Мерсине. По-видимому, утварь из обсидиана и кремня, а также каменные сосуды, по крайней мере частично, попали на равнину Амур с гор. Типично местными были, очевидно, печати с геометрическим орнаментом. Распространившаяся в конце VI тысячелетия расписная керамика в Сирии найдена только на севере. Из области

Гассул, Палестина
Часть поселения из IV слоя, IV тысячелетие
(по Маллон-Кеннелю)

халафской культуры лишь незначительные ответвления отходят на юг. Носители халафской культуры жили в цветущем поселении близ естественной гавани Угарит в Северной Сирии. Их торговые экспедиции и завоевательные походы достигали не только прибрежных, но и глубинных районов страны.

В конце V тысячелетия в Палестине сформировалась гассулская культура, оказавшая влияние на цивилизации следующего тысячелетия. Талеилат-Гассул — небольшое поселение на возвышенности к северо-востоку от Мертвого моря, близ Иордана. 44 дольмена — надгробия из крупных плит — и многочисленные каменные ящики на протяжении веков привлекали внимание археологов к местности вокруг этой возвышенности. Раскопки выявили поселение, от которого осталось несколько культурных слоев. В его больших прямоугольных домах найдены остатки прекрасной росписи. Особую известность получило большое изображение солнца с восьмью лучами, окруженное геометрическим орнаментом и фантастическими рисунками. Среди них особенно выделяются загадочные

черные маски, взирающие на зрителя белыми глазницами. На рисунке помещены два красных зубца, направленных вниз, а в верхней части — четыре или пять белых полос. Вероятно, здесь изображены украшенные черепа слонов, являвшихся в этой местности объектом культового поклонения. В Палестине еще во II тысячелетии до н. э. почитали как божество сирийского слона, который исчез с лица земли только в VIII в. до н. э. В Гассуле его культ, очевидно, был подчинен культу Солнца, потому-то оно и занимает на картине центральное место. На других росписях изображены птица, возможно голубь, и большая кошка. Не исключено, что она должна представлять собой леопарда, хотя шкура у нее полосатая, как у тигра. В других поселениях того времени найдены рисунки, выбитые на скалах. В Мегиддо они воспроизводят музыканта, играющего на лире, и газель Гранта, в Гезере — крупный рогатый скот и охотничьи сцены. Близко к ним стоит двухчастное наскальное изображение из Вади-Кудейрат. На нем фигурируют два игрока на лире, танцующие перед животным, может быть леопардом, а ниже — четыре танцора, направляющиеся к человеку, который восседает на троне.

Керамика гассулской культуры носит следы северного влияния. Скупая роспись напоминает изделия Убейда и некоторые мотивы на глиняных сосудах из юго-восточной части Малой Азии. Среди палестинской керамики бросается в глаза вытянутый в длину глиняный сосуд с двумя ушками, явно повторяющий в глине форму сосуда из кожи. Арабские кочевники еще и сейчас сбивают масло из овечьего и козьего молока в козлиной шкуре, которую подвязывают за концы и трясут. Глиняные сосуды аналогичной формы убедительно свидетельствуют о том, что в Палестине того времени умели сбивать масло.

Привлекают внимание также «кубки» на высоких ножках. Возможно, что их обтягивали звериными шкурами, и тогда они служили барабанами. Обнаруженная в Гассуле медная утварь заставила исследователей назвать одноименную культуру палестинским медным веком. Правда, в последние годы эту находку затмил найденный в Нахал-Мишмаре клад самых красивых из известных до сих пор металлических изделий догосударственного периода. Нахал-Мишмар — одна из долин рек, врезаю-

Гассула, Палестина

«Солнце». Стенная роспись. IV тысячелетие. По-видимому, свидетельствует о существовании культа Солнца (или звезд) (по Маллоп-Кенпелю)

Гассул, Палестина
Череп «слона» (?). Стенная роспись.
IV тысячелетие (по Маллон-Кешпелю)

щихся глубоко в скалы к западу от Мертвого моря. Поблизости находится древняя крепость Масада, где во II в. н. э. трагически закончилось последнее героическое восстание иудеев против римского владычества. Борьба людей, собравшихся вокруг Симона Бар-Кохбы, Сына Звезды, используется современными сионистами для оправдания их политических акций. Поэтому правительство, армия и университеты Израиля тратят огромные средства на изучение древнееврейской истории. При раскопках в Масаде выяснилось, что неприступные пещеры, расположенные в ближних долинах на крутых, высотой до 300 м, обрывистых склонах, служили повстанцам последним прибежищем и смертным ложем. Хорошо подготовленные экспедиции исследовали в 1960 и 1961 гг. все соседние вадии и нашли следы пребывания здесь еврейских повстанцев и их семей, которые предпочли погибнуть, чем сдаться.

При раскопках в одной из пещер Нахал-Мишмара нашли соломенный матрац, в котором были спрятаны 413 медных предметов, шесть каменных зубил и шесть резных изделий из слоновой кости. Сначала исследователи решили, что перед ними сокровища иудейского храма, но затем выяснилось, что пещеры еще раньше, в середине IV тысячелетия, служили беглецам пристанищем. Здесь жители деревень периода гассулской культуры, располагавшихся на берегах вадии и морском побережье, прятали от врагов свое имущество. Оно состояло из 240 медных зубил, 20 топоров и долот. Еще большее удивление вызывают 80 медных предметов, напоминающих штан-

дарты или скипетры (рис. 64). Среди них нет двух одинаковых. Это полые медные палки с набалдашниками, украшенные резными узорами и полосами. Очень своеобразны жезлы, увенчанные четырьмя головами баранов, окружающими овечью голову. Один скипетр украшен изображением лица с сильно выдающимся крючковатым носом. Пока трудно сказать, были ли это знаки достоинства вождей или символы культа, принадлежавшие жрецам.

Так же непонятно назначение 10 двухкилограммовых «корон» (рис. 65), то есть медных обручей высотой 9—20 см с резными узорами и объемными изображениями: то ли это действительно головной убор, то ли часть модели дома, состоявшей в остальном из непрочных материалов. В одном случае последнее предположение кажется правдоподобным: на краю «короны» сделаны два отверстия наподобие дверных проемов, над которыми помещены две козьи головы. Рядом видны две птицы и подставка, напоминающая барабан. Возможно, когда-то это была модель дома или храма, вроде тех, что найдены в оссуариях — глиняных сосудах для костей из захоронений периода гассулской культуры. Некоторые из сосудов имеют форму тела животного, но чаще уподобляются домику (рис. 66). В них помещали для погребения нечеловеческих, которых здесь сжигали, впервые в истории. Урны типа домов имеют двускатные крыши и одинаковые элементы украшения [208].

В пещерах Нахал-Мишмара наряду с этим сокровищем найдены также следы обитания человека, например остатки деревянной прялки, зерна ячменя и пшеницы, обломки сосуда из-под масла и довольно хорошо со-

Негев, Южная Палестина
Двое танцующих с лирами в руках
перед животными. Часть наскального
изображения. III тысячелетие (по Анати)

хранившееся соломенное сито для муки. Обнаруженные здесь клыки принадлежали бегемотам, которые водились в палестинских водах вплоть до I тысячелетия до н. э., но впоследствии были истреблены. В пещерном кладе было пять клыков длиной 30—40 см. По непонятным причинам все они были просверлены: в клыках сделано около 75 отверстий. В других пещерах близ Мертвого моря найдены украшения — подвески и бусы — из кости бегемота.

Израильские археологи раскопали в долинах поселения, имевшие, очевидно, прямое отношение к кладу, и обнаружили при этом заградительные приспособления для обводнения дна пересохших горных речушек. Однако повышение уровня воды в период дождей уже тогда чрезвычайно затрудняло жизнь в долинах. Паводками смыло большую часть древнего поселения, так что мы сейчас даже не в состоянии установить, стали ли эти деревни добычей врагов, от которых их жители бежали в пещеры. В пользу этого предположения говорит то обстоятельство, что клад остался неоткрытым.

Возможно, таково же происхождение клада медных и серебряных вещей, найденного недавно на дороге из Тель-Авива в Хайфу, около Кфар-Монаша. При вспахивании земли были обнаружены сотни медных пластинок, 35 предметов утвари, а также серебряные пластины и жемчуг [118]. Наряду с ножами, кинжалами, копьями, зубилами, долотами и пилой наибольший интерес представляют примерно 800 кованых медных листиков размером 11×4,5 и 9,5×6 см. По-видимому, это остатки металлического панциря, одного из наиболее древних из известным нам. Он был закопан в землю в конце IV тысячелетия. Эта находка также свидетельствует о войнах и перемещениях населения в конце IV тысячелетия. Их следы найдены в этом районе повсюду до пустыни Негев на юге Палестины.

Между Газой и Мертвым морем, в вادي долины р. Беер-Шебы, крестьяне нашли в 1951 г. черепки древних сосудов. Археологические исследования показали, что в почти пустынной ныне области, где сельское хозяйство можно вести только с помощью эффективных оросительных устройств, некогда находилось свыше 50 поселений. Раскопки в Бир Абу-Матар и в Бир эс-Сафади засвидетельствовали, что здесь во второй половине IV тысяче-

летия существовали богатые поселения. Древнейшие жилища были вырыты в склонах холмов, где они были защищены от жары и песчаных бурь (рис. 67). Жилые помещения, соединявшиеся с галереями, находились на глубине около 7 м. Лампы и очаги, сосуды и каменные миски (рис. 68) говорят о том, что эти подземные дома были заселены людьми. По сосудам для хранения масла поселения датируются периодом гассулской культуры. В зернохранилищах сохранились следы ячменя, пшеницы и бобовых. Находки костей доказывают, что в то время уже существовали домашние овцы, козы, собаки, свиньи и другой мелкий домашний скот. Появление костей осла говорит о связях с Северной Африкой, где было приручено это животное.

Медеплавильня в Абу-Матаре перерабатывала малахит, добывавшийся в 80 км отсюда, в Вади-Фейнана. Для выплавки меди были необходимы меха. Плавка производилась в ямах шириной 30—60 см, стенки которых благодаря высокой температуре были словно покрыты глазурью. Горнорудные мастерские того периода находились также к северу от гавани Элат, в Вади-Тимне (рис. 70). Штольня и примитивная плавильная печь служат доказательством того, что добыча и обработка руды производились здесь в одном месте. Шлаки содержат отходы меди с вкраплением мышьяка, серы и свинца. Руда плавилась в углублениях в земле, высокая температура достигалась благодаря сжиганию древесного угля. Металл отделялся от шлаков гранитными молотками (рис. 71). Тяжелые каменные молоты использовались также для отбивки руды [232]. Утварь из Тимны походит на орудия из Абу-Матара. Жилища горняков сообщают очень скудные сведения об их обитателях. Зато из погребений, отрытых в Беер-Шебе, мы узнаем очень много о культовых представлениях людей гассулской культуры. Дно пещер, служивших жилым помещением, было выложено булыжником. Число узоров неизменно кратно 7: очевидно, число 7 считалось священным. Нередко булыжники разрисованы красными символическими знаками, крестами и рисунками, скорее всего связанными с культом предков. Наряду с утварью и оружием из чистой меди на этом месте были найдены изделия из бронзы, содержащей 7% олова. Следовательно, в IV тысячелетии уже знали сплавы меди. В одном пещерном

помещении археологи обнаружили мастерскую резчика по кости, где находились бивень бегемота, станок и медные орудия. Были тут и готовые изделия: очаровательные мужские и женские статуэтки (рис. 69, 73), а также стилизованные изображения птиц. Борода на одной мужской фигурке и волосы женских статуэток были намечены просверленными отверстиями. У одной женской статуэтки был гипертрофированный пупок, уже встречавшийся в Чатал-Гуюке.

Остатки костей бегемота и осла сближают селения Беер-Шебы со складывавшимися в то время культурами Египта. Северная Африка, очевидно, еще в конце VIII тысячелетия была заселена полукочевниками и пастухами. Кочевники, разводившие овец и крупный рогатый скот, бродили со своими стадами по травянистым саваннам и нагорьям Северной и Западной Африки. Они оставили на скалах Египта, Ливии, Алжира и Марокко десятки тысяч прекрасных изображений домашних животных, пастухов и диких зверей. Кочевники знали уже крупный рогатый скот, овец, собак, а может быть, и ослов. Жили они в палатках и в пещерах, не только естественных, но и специально для этой цели вырытых ими. Мертвых они заворачивали в звериные шкуры и хоронили у стен, покрытых рисунками, как в Ван-Мухутгаге в Феццане. Найденная там детская мумия на много веков старше, чем аналогичные погребения Египта: по анализу на C_{14} ее возраст — 3405 ± 180 лет.

В Сахаре, относящейся ныне к наиболее пустынным областям земного шара, в то время был более благоприятный климат, и она была заселена. Даже и сейчас в 200—300 км к северу от нынешней южной границы Сахары можно увидеть мертвые стволы акаций, которые, очевидно, пережили древних кочевников. В конце V и в IV тысячелетиях пустыня расширилась и вытеснила полукочевых скотоводов в нагорья и долины рек, более богатые водой.

На берегах Нила благодаря сильным наводнениям естественно орошаемые земли занимали значительный район. В V и IV тысячелетиях вода подымалась намного выше, чем сейчас. При половодьях ее верхняя отметка на 20 м превосходила уровень последних столетий нашего времени. Нильский ил осел на песок пустыни и превратил его в плодороднейшую почву. Кочевники, отступав-

Файюм А, Северный Египет
Серп. IV тысячелетие (по Брейдвуду)

шие из постепенно высыхавших степей, оседали на берегах Нила. В Дельте и у Файюмского озера в V тысячелетии поселились земледельцы из Передней Азии, знавшие керамику. В V тысячелетии уровень Файюмского озера был метров на десять выше, чем сейчас. На месте его прежнего берега английские археологи раскопали остатки поселения земледельцев, где была найдена керамика. Здесь раскопаны зернохранилища и мусорные кучи, которые по радиоуглеродному анализу датируются второй половиной V тысячелетия. Ученые нашли зерна ячменя, пшеницы, семена льна, а также серп длиной 0,5 м. Ручка его вырезана из тамариска. Убранство домов, формы керамики и предметов утвари говорят о том, что предки этих земледельческих групп пришли из Южной Палестины. Во всяком случае, они возникли значительно позже, чем соответствующие им по культуре поселения Сирии и Палестины. По анализу на C_{14} Файюм А и Меримде — Бени-Саламе должны быть отнесены к периоду между 4500 и 3800 гг. Следовательно, они ровесники месопотамской цивилизации Убейд.

К началу IV тысячелетия относятся и знавшие керамику древнейшие земледельческие культуры Верхнего Египта. Селения в Судане, около Шахейнаба и Хартума, производившие изделия из глины, возникли на много веков позднее. Керамика местной формы была распространена до самого Феццана. Особый интерес европейских исследователей, занимающихся доисторическим периодом, вызывает в Верхнем Египте керамика из Деир-Тасы. Она появилась на свет, очевидно, до середины IV тысячелетия. Серые и черные сосуды, вышедшие из рук жителей Верхнего Египта, аналогичны формам, которые в III тысячелетии существовали в Западной Европе. Это прежде всего «тюльпанообразные кубки» Тасы, которые много веков спустя возродила в Европе михельсбергская культура. Они не представляют собой изолированного яв-

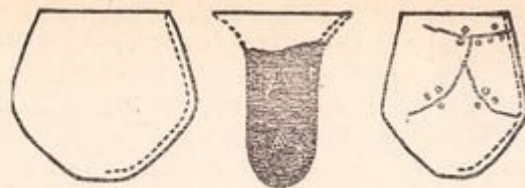

ления. Можно предположить, что около 3000 г. земледельческое население несколькими волнами пересекло Северную Африку и Гибралтарский пролив и докатилось до Европы. Здесь оно столкнулось с ленточной керамикой, двигавшейся с Балканского полуострова, и с занимавшими ее коренными жителями.

Носители египетской культуры Тасы, как и кочевники эпохи наскальных рисунков, хоронили покойников в шкурах за пределами селений и клали в могилы необходимые им предметы. Этот обычай постепенно проник в Северный Египет, где за культурой Меримде последовала цивилизация Омари. Люди этой культуры, как и их южные соседи, выращивали пшеницу, ячмень, лен, финики, лук. Они знали крупный рогатый скот, овец, коз, собак. Свиней держали только жители Северного Египта.

Но в двух ремеслах люди Омари превосходили южан. По древней традиции Передней Азии они изготавливали великолепные каменные сосуды и ножи и кинжалы из кремня, поражающие искусной работой. Их формы настолько не соответствуют материалу, из которого они сделаны, песчаник так мало подходит для этой цели, что, по мнению автора, сделавшие их люди, очевидно, подражали более древним металлическим образцам. Население, жившее в то же время в ареале гассулской культуры в Палестине, в совершенстве владело техникой изготовления предметов из меди. Предки насельников Дельты также, очевидно, знали на своей азиатской родине медь. Можно предположить, что они лишились возможности пополнять свои запасы металла и поэтому заменили металлическую утварь и оружие искусными изделиями из камня. Судя по материалам раскопок, медь появилась в долине Нила только в середине IV тысячелетия.

На юге наряду с черными сосудами с резными узорами появились изделия с красно-коричневыми и черными краями, которые по наименованию селения получили название Бадари. Люди, делавшие эти сосуды, жили в хижинах овальной формы, спали на деревянных кроватях и кожаных подушках. У них впервые появились глазурованные бусы. Возможно, в этот же период древние египтяне научились изготавливать стекло. Для Бадари характерны также простые шиферные палетки и резные ложки из кости. Из этого же материала, а также из глины были сделаны весьма натуралистические женские ста-

Tasa, Esuner
Керамика. Ок. 3800 г. (по Брентону)

туэтки. Следы культуры бадари обнаружены на огромной территории вплоть до Нубии. Ее широкое распространение — возможно результат первого политического объединения Верхнего Египта. Югу противостояли объединившиеся Дельта и долина Файюма, куда переселилась часть жителей из нынешней Североливийской пустыни. К этому времени возобладала культура, известная под названием Файюм Б. Все отчетливее выявляется различие между Верхним и Нижним Египтом, которое впоследствии наложило отпечаток на культуру эпохи фараонов.

На юге из наследия Бадари и Тасы сложилась культура Амра, которую раньше называли Негаде I. Для нее характерна первая в Северной Африке расписная керамика со своеобразными белыми узорами на светло-коричневом или красном фоне. Образцом для нее послужила, очевидно, родственная ей по манере исполнения керамика Южной Анатолии, известная по Мерсину. Но одновременно продолжали украшать керамику резными узорами по черному фону, причем, по древней традиции, линии узоров заполнялись белой краской. Темой рисунков служили геометрические узоры и фигурные сцены: охотники с собаками, крокодилы и бегемоты в речных зарослях тростника и на мелководье, охота на бегемотов и т. д. Охота на могучее млекопитающее была, очевидно, ритуальной обязанностью вождей и старейшин: выполняя ее, они совершали геройский подвиг и в то же время защищали урожай от посягательств животных. Среди находок — шиферные палетки, служившие украшениями, с нанесенными на них символическими знаками, предвосхищавшими своей формой иероглифы. Эти знаки, равно как и обсидиановые клинки прекрасной работы,

Культура бадари, Египет
Статуэтка из слоновой кости.
Ок. 3200 г. (по Олдреду)

указывают на связь с Азией, где носители культур Убейда и Суз также наносили на глиняные изделия иероглифические знаки.

Многие наскальные изображения долины Нила следуют, очевидно, отнести к культуре Амра. В них фигурируют слоны, носороги, жирафы, дикие быки и различные виды антилоп, которые с тех пор исчезли с территории Египта. Очевидно, в то время они обитали на обоих берегах Нила, где ныне простираются пустыни. Форма утвари, которой пользовались жители Амры, свидетельствует о ее происхождении из Передней Азии. Так, например, относимое к этой культуре каменное зубило сделано, очевидно, по образцу медного оружия, распространенного в числе прочих видов вооружения в Нахал-Мишмаре. Ареал цивилизации Амры ограничивается центральной частью Верхнего Египта.

В Месопотамии еще в период ее расцвета происходил процесс образования классового общества и государства; завершился он около 3000 г. Благодаря этому Месопотамия получила преимущества по сравнению с другими культурными областями того времени, и только в середине III тысячелетия ее догнал Египет.

С точки зрения социально-исторического развития в эпоху с 4500 по 3500 г. первое место в тогдашнем мире занимала страна в Междуречье. Здесь сложились пер-

вые формы господства человека над человеком, которое особенно ясно проявилось во все усиливавшейся руководящей и правящей роли храмов. Храмы стали в Месопотамии центрами развития и крепостями, возвышавшимися над земледельцами и ремесленниками и обращенными против них. Здесь возникли зародышевые формы классового общества. Далеко продвинувшееся разделение труда в ремесле, высокая продуктивность земледелия и концентрация населения в долинах рек приносили все больший прибавочный продукт, который все энергичнее присваивали руководители общества, военачальники, жрецы и судьи. Они заставляли ремесленников жить на территории «дворцов» и посылали дальние торговые экспедиции, приносящие огромные доходы. Все больше отделяясь от народа, они уже были вынуждены защищать от него свое имущество. С этой целью они возводили храмы, больше походившие на крепости, которые становились объектом религиозного почитания со стороны населения. Эту форму общества еще нельзя назвать военной демократией хотя бы потому, что она продолжала сохранять многие особенности общинно-родового строя. Но уже можно говорить о зарождении классового общества, развивавшегося благодаря возвышению храмов, но еще не знавшего государства. Это период возникновения «господства храмов».

Иран, Сирия, Палестина и даже Египет остались далеко позади Месопотамии, хотя и они развивались быстро, правда различными темпами. Поэтому Передняя Азия этого периода представляла собой пеструю картину областей, достигших различных ступеней развития и создавших своеобразные местные культуры.

В IV тысячелетии южная часть Балканского полуострова, Средняя Азия и Египет также принадлежали к сфере распространения культуры Передней Азии. Ее влияние затронуло, кроме того, страны Атлантического бассейна, Северного и Балтийского морей. К ленточной керамике, проникшей в долину Дуная, и формам культуры Тасы, достигшим территории Северной Африки и Испании, добавилась культура мегалитов, которая началась с дольменов Гассула и дошла до берегов Северной Африки, Испании и Франции. Она утвердилась в Англии, а в III тысячелетии через Северную Германию и Данию продвинулась с севера в Центральную Европу.

Здесь она столкнулась с культурами, которые последовали с юго-востока за изготовителями ленточной керамики, и, объединившись с ними, образовала «бронзовую эру» Европы. Как и оба предыдущих потока, она увлекла за собой местные, а также чужеземные этнические и культурные элементы, впитывала их в себя, но, все больше распространяясь вширь, в конце концов снова распадалась на локальные формы, в которых действовали различные факторы.

В V и IV тысячелетиях эти три волны различных культур создали в Центральной и Западной Европе предпосылки к проникновению на эту территорию окраинной формы переднеазиатской цивилизации в виде так называемого европейского неолита, для которого характерны земледелие, скотоводство, изготовление керамики и каменной утвари. На юго-востоке Европы, а затем и в некоторых окраинных областях возникновению этой новой цивилизации предшествовало земледельческое общество, еще не знавшее керамики. На основе заимствованных на Востоке методов и видов производства, а также орудий труда европейский неолит создал собственные формы устройства древнего общества, в принципе весьма походившие на восточные, но имевшие и местные особенности. К ним прежде всего относятся замедленные темпы развития; недаром в Центральной и Северной Европе классовое общество образовалось лишь спустя несколько тысячелетий. Но некоторые формы более высокого развития привились в Европе, сочетались здесь с прежними формами и довольно рано породили возникновение различных элементов «военной демократии».

ВЛАСТИТЕЛИ УРУКА

Во второй половине IV тысячелетия Передняя Азия переживала беспокойное время. В недрах родового общества возникли новые силы, подорвавшие его основы, и переднеазиатское земледельческое общество потряс глубокий кризис. В непрестанно разраставшихся городах и храмах, расположенных в долинах рек и на удобных нагорьях, увеличивалось могущество богатых семей, вождей и жрецов. Они вели войны, вытесняли более слабых, разрушали города и селения, а это влекло за собой большие переселения народов. Более устойчивые, чем в центрах, родовые группы варваров со свойственной новым образованиям напористостью устремлялись к богатствам городов и равнин.

Первыми провозвестниками этого процесса были жители области Далма-Тепе, знавшие расписную керамику, которую мы относим к северомесопотамской культуре позднего Убейда. Еще до 3500 г. они продвинулись на запад. На развалинах же селений Далма-Тепе в Азербайджане поселились люди, знавшие лишь монохромную керамику и украшавшие свои изделия отпечатками пальцев или резьбой, наносимой гребнем или костью. Откуда явились эти пришельцы, мы не знаем. Их керамика появилась в Киликии, Анатолии и даже на Балканах. Возможно, это были еще мало развитые племена, которые со всей силой нерастратченной энергии обрушились на цивилизации расписной керамики, сотрясаемые кризисами. Внутренние противоречия обществ, изготавливавших расписную керамику, борьба жрецов и племенных вож-

дей за подчинение своей власти ремесленников и земледельцев ослабили силу сопротивления этих народов. К середине IV тысячелетия производители расписной керамики отступили из обширных горных районов.

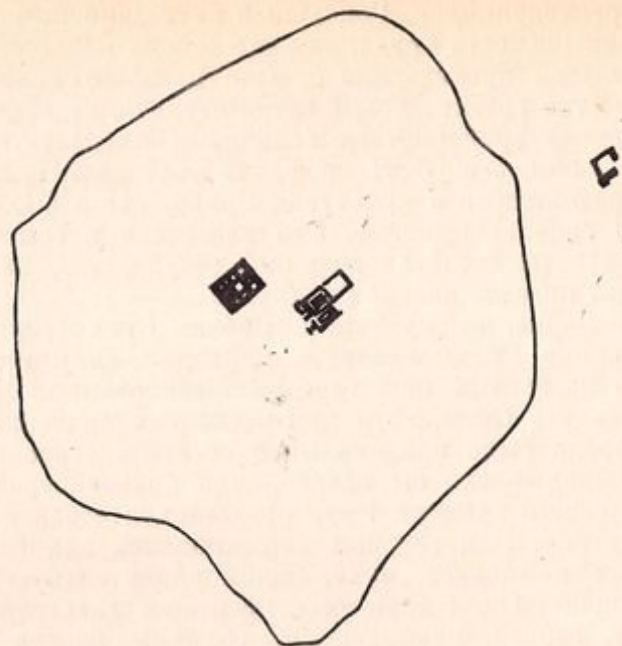
Может быть, с этим процессом было связано и проникновение изделий культуры Хаджи-Мухаммеда в Месопотамию. Переселение шумеров также, очевидно, произошло в тот период, когда слабеющая убейдская культура переживала упадок. Некоторые археологи, например Нагель [191], склонны считать серую керамику Шах-Тепе и Тепе-Гисара, появившуюся в Северо-Восточном Иране, изделиями шумеров, нахлынувших из Средней Азии. Доказательством этому может служить сходство некоторых керамических форм Месопотамии с керамикой Шах-Тепе. Будь это так, был бы наконец решен вопрос о таинственной прародине шумеров. Но еще очень многие вопросы остались невыясненными. Нам, например, неизвестна ни одна культура V или IV тысячелетия в Средней и Центральной Азии, которую можно было бы считать предшественницей серой керамики Шах-Тепе. Насколько нам известно, такой культуры и нет. Кроме того, принятая сейчас датировка слоя Гисар II и соответствующего селения Шах-Тепе представляется неверной и правильнее относить их, как это и делали раньше, к III тысячелетию. Но самое главное то, что серые и красные изделия Урука, появившиеся, по мнению Нагеля, в результате проникновения культуры Шах-Тепе, прослеживаются в Южной Месопотамии еще в начале IV тысячелетия. Если допустить, что эту керамику изготавливали шумеры, — а ее широкое распространение в период господства шумеров дает на это право, — то логично предположить, что шумеры находились в Месопотамии еще в эпоху позднего Убейда. Скорее всего, они жили бок о бок с племенами убейдской цивилизации и в процессе социального развития все больше их оттесняли.

К сожалению, развитие культуры шумеров можно пока проследить только по одному глубокому погребению в Уруке. В нем еще представлена расписная керамика, которая на этой территории уже в 4200 г. уступила место монохромной серой, реже красной. Эти массовые изделия изготавливались на быстро вращающемся гончарном круге, который наряду с прялкой был первой ручной ма-

шиной ремесленников. Гончарный круг заметно повысил производительность труда, так что теперь меньшее количество людей производило больше изделий. Разделение труда быстро развивалось, а следовательно, возросла пропасть между трудящимися бедняками и властвующими над ними богачами. Этот конфликт убейдской цивилизации, отразившийся в культурах Эриду VII и VI, теперь получил свое завершение. Это сказалось в том, что в начале III тысячелетия возникло государство, наиболее отчетливо прослеживаемое в Уруке.

Урук-Варка, именуемый в Библии Эрех (Бытие 10, 10), в конце IV тысячелетия принадлежал к крупнейшим из известных нам городов Месопотамии. К нему приближались Сузы, хотя при раскопках на территории этого города было найдено мало остатков строений, которые выдерживали бы сравнение с архитектурой Урука. Для своего времени Урук представлял собой необычную картину. Над городом возвышались два больших храмовых комплекса, занимавших значительную часть его площади. Один храм был посвящен властелину богов Ану, второй, называвшийся Э-анна, — богине любви и плодородия Инанне. Наличие двух культовых зданий само по себе говорит о существовании внутренних противоречий. Ведь в эпоху Эриду в городах обычно был только один храм. Возможно, город образовался благодаря слиянию нескольких поселений и их храмов. К тому же в отличие от Чатал-Гуюка храмы уже не составляли часть жилых кварталов, а оттеснили в стороны жалкие лачуги из глины и тростника. По-видимому, Урук состоял из двух самостоятельных селений: Кулаб и Э-анна. Следы этого сохранились еще в шумерской традиции конца III тысячелетия. Так, например, Энмеркара называли тогда «человеком, который построил Урук», тогда как его отец выступает в качестве правителя Э-анны. Храмы уже не возвышались среди жилых кварталов. Относившиеся к ним строения, составлявшие целые комплексы, были защищены мощными стенами. Очевидно, обитатели храмовых районов не доверяли жителям городских кварталов и даже относились к ним враждебно, иначе они не отгородились бы от них крепостными стенами. Разделение на богатых и бедных, все еще считавших себя членами одного рода, вызвало расщепление общества на угнетателей и угнетаемых, на антагонисти-

Урук-Варка, Южный Ирак
Святынище Ану. Комплекс Э-анна и другие храмы
(по Христиану)

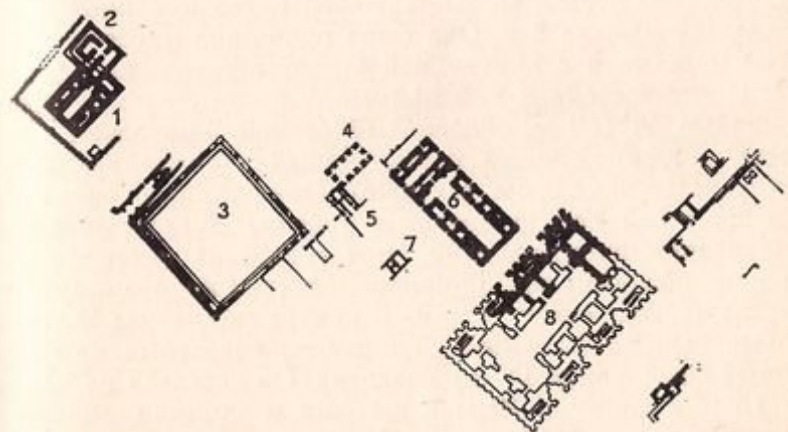
ческие, непримиримо враждебные классы. Крепость была обращена не против внешних недругов, как в Хасиларе и Иерихоне, а против внутренних врагов, живших в бедных хижинах за пределами храмовых стен. К храмовому комплексу принадлежали также мастерские с плавильнями и печами для обжига и, очевидно, ткацкие мастерские. Занятые в них рабочие тоже, по-видимому, жили на территории храма.

Следовательно, между храмовым кварталом и остальным городом существовало социальное противоречие, усугублявшееся, возможно, противоречием этническим. Позднейшие источники бесспорно свидетельствуют о том, что во главе Урукского храма стояли шумеры. Они называли дубильщиков, валяльщиков, гончаров, земледельцев и пастухов нешумерскими именами, хотя многие высококвалифицированные ремесленники и административные должностные лица носили шумерские наименования:

Ди-куд, — тот, кто выносит приговор, — судья.
Эш-гед, — тот, кто тянет шнур, — землемер.
За-дим, — тот, кто обрабатывает драгоценные камни, — ювелир.

Были ли люди, занимавшие эти должности, а также жрецы шумерами или же шумерские наименования относились к определенным видам деятельности, принесенным шумерскими завоевателями? Мы не в состоянии ответить на этот вопрос, но не вызывает сомнений, что в различном происхождении профессиональных наименований отразилось ставшее историческим классовое разделение общества, в результате которого шумеры выдвинулись на положение правящего слоя.

В архитектуре противоречие между обитателями храмового квартала и остальной частью города выступает в завершенной форме в остатках строений, дошедших до нас от конца IV тысячелетия. В VI слое комплекса храма Э-анна среди бывших мастерских раскопана терраса из утрамбованной глины высотой несколько метров. Сверху она залита «бетоном» — искусственной смесью из гипса и молотого жженого кирпича. Терраса служила фундаментом храмового сооружения, план которого был вычерчен на асфальте. Возвышавшийся на платформе

Урук IV, Южный Ирак
Храм Э-анна, начало III тысячелетия. Храм с каменным святилищем (1), храмовая «гробница» из кирпича (2), «театральный» двор (3), зал с колоннами (4), ворота (5), храм С (6), бассейн (1), храм Д (8).

храм представлял собой также бетонное строение размером 20×30 м. Только одно его помещение, имевшее L-образную форму, стояло на известняковом фундаменте. Внешние стены храма, очевидно, еще до затвердения бетона, были украшены трехцветной мозаикой из конусообразных камней: белого известняка и алебаstra, красного песчаника и черного битуминозного известняка, образующих геометрический и фигурный орнаменты. Точно так же были украшены фасады, выходившие во двор. L-образное помещение не имело дверей. Возможно, в нем находился бассейн — изображение изначального Океана Абсу. Это каменное святилище было, очевидно, разрушено во время внутренних неурядиц, ибо его остатки в отличие от развалин других культовых сооружений удостоились ритуального погребения. Следовательно, его гибель была для правителей особенно сильным ударом. Может быть, она была вызвана каким-нибудь особым «святотатством», например митежом.

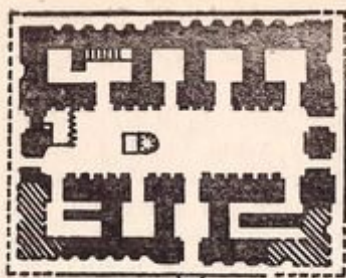
Глубоко в террасу была вделана кирпичная гробница, только сверху открытая для доступа. Она была доверху засыпана осколками каменного святилища с мозаикой. Территория бывшего храма на протяжении тысячелетий не застраивалась. Лишь при Селевкидах (ок. 200 г. до н. э.) греки нарушили табу и перестроили руины. Толщина стены, возвышавшейся перед каменной обителью, превышала 2 м. Она была прорезана многочисленными нишами и с внутренней стороны украшена мозаикой. С юго-востока к ней примыкал прямоугольный двор площадью 46×50 м, обнесенный стеной 3-метровой толщины, в нижней части переходившей в скамейку. Двор был покрыт каменным настилом. По-видимому, он представлял собой самую древнюю «сцену» для исполнения религиозных представлений. Этот «стадион» появился несколько позднее, чем каменное святилище с мозаикой, и существовал наряду с ним. В центре комплекса Э-анны возвышался храм, самый крупный из известных нам подобных сооружений IV тысячелетия. Он достигал не меньше 75 м в длину и 29 м в ширину и занимал, следовательно, больше 2000 кв. м. Известняковый цоколь его фундамента сохранился хорошо. Как и все более поздние строения Э-анны, храм состоит из двух смежных групп помещений, образующих вместе букву Т. Когда-то вокруг проходного зала располагались помещения

меньшего размера. К ним примыкал храм А, так называемый известняковый храм, сохранившийся, к сожалению, лишь частично. Он был построен в период, известный нам как V слой.

Эти два главных здания, где, очевидно, и происходило отправление культа, в период IV слоя были соединены огромным залом с колоннами. На кирпичном возвышении были сложены из кирпича же по крайней мере 10 колонн, между которыми оставался проход шириной 6,5 м. Возможно, что эти колонны, имевшие в диаметре 2,5 м, поддерживали деревянную крышу. Высота их неизвестна. За залом с колоннами простирался прямоугольный двор, который также мог служить местом жертвоприношений или исполнения религиозных игр. Красные, черные и белые конусообразные камни украшали колонны и стены двора. Мотивы мозаик были заимствованы, очевидно, из росписи ковров и фресок. В период слоя Урук IV, датируемый, очевидно, уже началом III тысячелетия — анализ на C_{14} показывает XXIX в., — комплекс Э-анна был дополнен храмом С (54×22 м). Удалось установить, как выглядело его перекрытие. Главное строение перекрывали кедровые балки длиной около 9 м, однако его передняя часть оставалась, очевидно, открытой. Именно она дала возможность путем радиоуглеродного анализа датировать весь соответствующий слой (2815 ± 85 г.). Эта древняя дата подтверждается исследованием на C_{14} урукского слоя в Нинпуре: 2886 ± 140 г. К тому же периоду относится поддерживаемый 12 колоннами зал в Уруке, имевший явно культовое назначение. Обветшавший храм из известняка был заменен храмом Д со множеством помещений. Он имел не меньше 55 м в ширину и, наверное, до 100 м в длину.

С Инанной шумерская легенда связывает Властелина преисподней, Пастуха из далекой степи, Властелина храма-хлеба, который был смертным возлюбленным Иннин, супругом небесной госпожи. Этого небесного пастуха Думузи (позднее Таммуз) его супруга Инанна выдала, чтобы спастись самой, духам преисподней [191, 36]. Нагель предполагает, что в этом мифе отразилась борьба между правителем Думузи и жречеством Инанны, в которой правитель сначала одерживал победы, но потом был изгнан жрецами в степи. Может быть, разрушение каменного святилища и последующее захоронение его

Урук-Варка, Южный Ирак
Храм Ану. План. 2800—2700 гг.
(по Ленцену)

остатков явилось одним из эпизодов этой борьбы. В мифе Думузи выступает прежде всего как олицетворение стада и пастухов; он попеременно со своей сестрой Гештинанной, олицетворяющей зерно, по полгода проводит на полях [139, 31]. Первоначально имя Думузи присваивалось, очевидно, высшему жрецу Урука и, может быть, даже было частью его звания. В таком случае приписываемая ему любовная связь с Инанной на самом деле входила в ритуальные сношения, священное бракосочетание с живой женщиной, являвшейся земным воплощением Инанны. У нас нет возможности подробнее рассматривать здесь различные шумерские мифы. К тому же дошедшая до нас редакция относится к концу III или же к первым векам II тысячелетия до н. э.

Строения комплекса Ану менее известны и хуже сохранились, чем храм Инанны. Только в период, соответствующий III слою Э-анны, между ними появляется сходство. Над древними постройками возвышаются террасы. Храмы возносятся высоко ввысь. Еще в конце III тысячелетия Ану считался высшим божеством шумеров, властелином неба, которому противопоставлялась Ки — земля. Ану, злой враждебный бог, внушал людям страх. Легенды приписывают ему многочисленные деяния, направленные против людей. Его статут высшего

Урук-Варка, Южный Ирак
Храм Ану, «Белый храм» периода Джемдет-Насра. Реконструкция 2800—2700 гг. (по Ленцену)

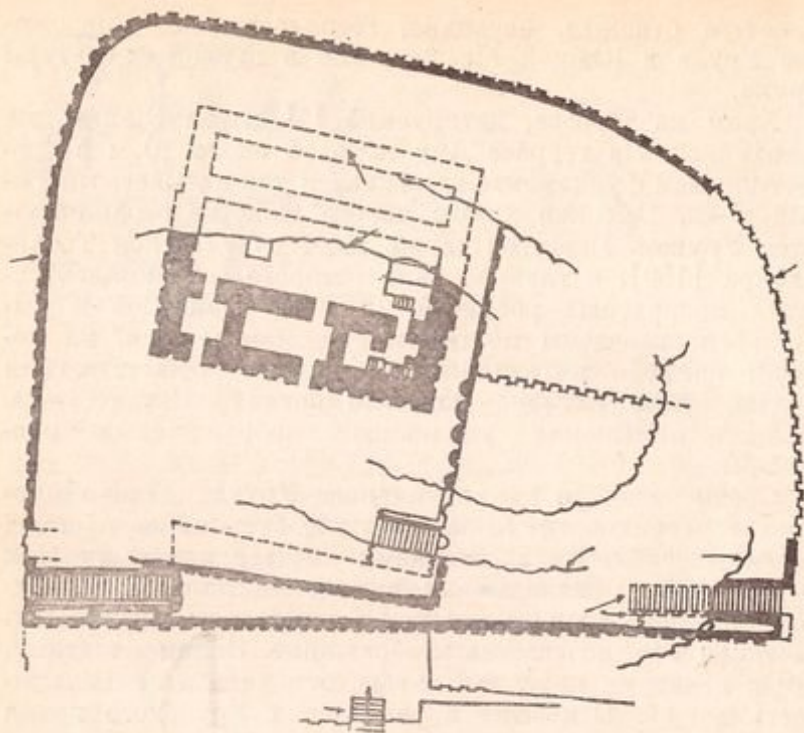
божества отражал, очевидно, господствующее положение Урука в Южной Месопотамии в период культуры Урука.

Храм на террасе, датируемой III слоем Э-анны, не сохранился. На террасе Ану высотой около 10 м на известняковом фундаменте возвышался так называемый Белый храм. Высокие храмы такого рода не ограничиваются Уруком. Известен также храм из VII слоя Телль-Укайра [150], в главном зале которого сохранились остатки прекрасных росписей. Фигуры леопардов и быков воспроизведены по обеим сторонам цоколя, на котором когда-то находилось изображение божества. Эти же животные служили когда-то богине Чатал-Гуюка. Боковые помещения украшены изображениями процессий.

Среди развалин храмов периода Урука найдено множество черепков глиняных сосудов, бутылей и простых глиняных табличек с оттисками печатей нового типа: к сырой глине прикладывали камни, на плоской поверхности которых был врезан как бы негатив изображения; на глине отпечатывалось изображение. Этими печатями, как и печатями периода Халафа, отмечалась принадлежность вещей. Открытие в развалинах Урукского храма множества предметов с оттисками печатей дает право предположить, что ими была помечена не собственность отдельных лиц, а имущество храмов, то есть группы жрецов. Однако частная собственность даже такого рода принадлежит меньшинству, а не большинству населения. По отношению к окружающему населению правители храмов выступали как собственники.

Высокие храмы знаменовали собой начало нового периода — Джемдет-Насра. Для него характерно, что впоследствии опять появилась расписная керамика, возможно свидетельствующая о том, что по этой территории прокатились новые волны шумеров. Предыдущий этап истории — от Урука IV до Урука VI — исследователи называют урукской культурой, причем ее кульминацией явился Урук IV. Произведения искусства культур Урука и Джемдет-Насра мало чем отличаются друг от друга, прежде всего потому, что в Уруке по-прежнему находились в употреблении многочисленные изделия предыдущего периода. Поэтому удобнее обе культуры рассматривать как одно целое. В здании из кирпичей сохра-

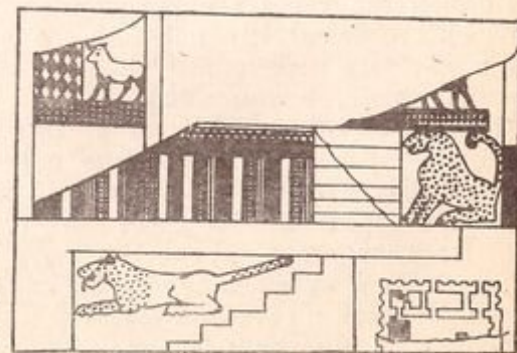

Телль-Укайр, Южный Ирак
Высокий храм периода Джемет-Насра. 2800—2700 гг. (по Гоффу)

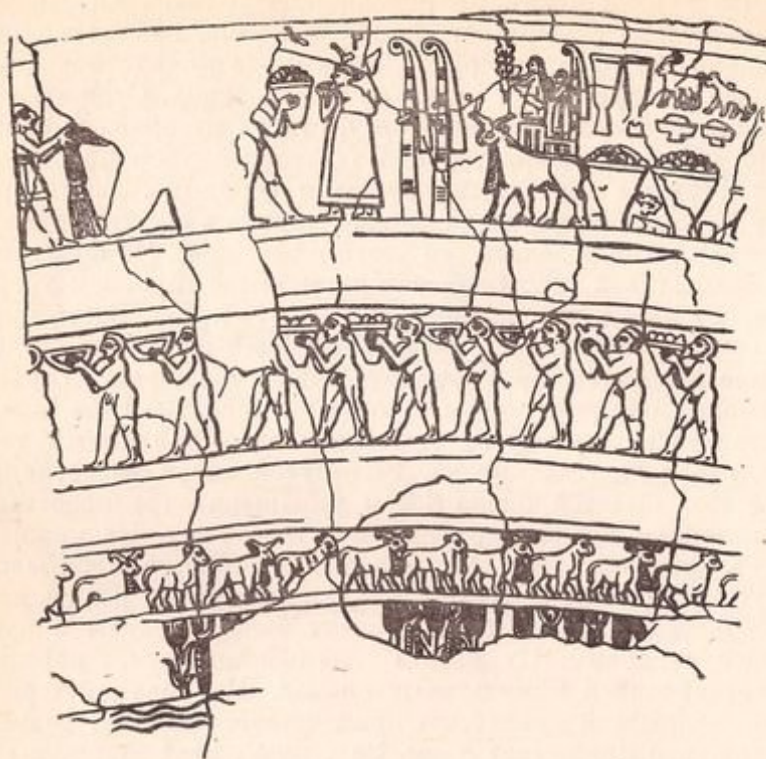
нились фрагменты гипсовой женской скульптуры, которая некогда, очевидно, была объектом культового поклонения. Еще больший интерес представляет мраморная женская маска в натуральную величину (рис. 74), происходящая, как и многие другие творения искусства, из клада, датируемого III слоем. Это, очевидно, остаток культового скульптурного изображения, возможно горельефа, состоявшего из нескольких частей. Остальные его части были сделаны, скорее всего, из глины или гипса и покрыты слоем благородного металла. Маска явно предназначалась для обозрения спереди, так как сбоку она производит впечатление грубой, почти примитивной. Статуя, несомненно, стояла спиной к стене, возможно к той, что была уже, и посетители могли лицезреть ее лишь спереди.

По художественному исполнению близко к маске стоит только фигура бородатого человека, найденная несколько лет назад в Уруке. Глаза у нее инкрустированы, борода же вылеплена отдельно и приделана. Судя по обнаженному мускулистому торсу, статуя изображает сильного человека. Характерен его головной убор полукруглой формы с широкими круглыми «полями». Благодаря ему бородатого человека можно узнать в других произведениях и определить его место в обществе. На фрагменте базальтовой стелы человек в таком же головном уборе убивает львов, угрожающих стадам (рис. 75). Здесь проявляется типичное для древневосточного искусства соединение на одном рельефе двух сцен, в данном случае эпизодов охоты с луком и охоты с копьем. Еще более выразителен рельеф на культовой вазе, найденный там же, где и женская маска. Вытянутая вверх известняковая ваза высотой около 1,2 м украшена трехполосным орнаментом из фигурок людей и животных. На нижнем фризе изображены река, колосья и стоящие в затылок друг другу овцы и бараны. На среднем фризе девять или десять обнаженных мужчин несут блюда, сосуды и кувшины с дарами. Их нагота — явный архаизм, нередко встречающийся в культовых сценах. На верхнем фризе возглавляющий процессию приближается к тому, вернее, к той, что принимает дары. За спиной этой женщины с длинными волосами, в одеянии до пят возвышаются два столба, следовательно, она олицетворяет Инанну. За столбами помещено весьма своеобразное изображение: на спине бараба находятся два возвышения и один столб — символ Инанны. На возвышениях стоят две женские ста-

Телль-Укайр, Южный Ирак
Роспись из храма периода Джемет-Насра. Ок. 2800 г. (по Ллойд)

Урук-Варка, Южный Ирак
Часть рельефа культового сосуда из храмового комплекса
Э-анна. Ок. 2800 г. (по Хайнриху)

туи, возможно культовые изображения храма Инанны. Но кем же тогда следует считать женщину, стоящую перед столбами? Жрицей или же воплощением Инанны в культовых церемониях? За статуей изображены сокровища храма, в том числе сосуды, один в форме козы (?), второй — хищной кошки. Идущий во главе процессии протягивает богине-жрице переполненный сосуд; за ним следует главное в процессии лицо, за которым человек в короткой юбке несет пояс (?).

От главного в процессии лица сохранились только одна нога и кусок длинного одеяния из сетчатого плетения. Человек в сетчатом одеянии и носитель пояса встречаются на многих печатях и культовых сценах, благо-

даря которым можно дополнить содержание рельефа на вазе. Так, на печати, найденной среди относящихся к Инанне вещей, он держит в руках сосуд в форме газели; а его спутник — кувшин. Здесь человек в длинном одеянии снова изображен с длинными волосами, с длинной бородой и в головном уборе, как на уже известной нам статуе. Очевидно, он олицетворял собой высшего жреца Урука, называемого в шумерских текстах *эн* — повелитель. Его роль выявляется из довольно многочисленных изображений, особенно на печатях. Из этих находок вырисовываются четыре главных положения:

1. Во всех произведениях искусства на первый план выступают религиозные функции *эна*, переданные в традиционной манере. Так, на некоторых изображениях он — один или со своим сопровождающим — помещен перед храмом. Преобладают, однако, сцены, в которых он является дарителем плодородия, может быть, даже его символом; *эн* кормит овец, баранов и крупный рогатый скот зерном или растениями с крупными цветами, посвященными Инанне. Следовательно, ему передана функция подателя пищи. Только добавленные кое-где столбы указывают на то, что он действует по поручению Инанны.

2. Совершенно новыми являются общественные функции *эна*, в силу которых он на многих изображениях (рис. 76), как на рельефе описанной выше вазы, возглавляет процессии людей, несущих дары. Он ведет их, сидя в лодке, или направляясь пешком к храму, обозначаемому высоким фасадом. Одежда, а нередко и преувеличенный рост неизменно выделяют его среди окружающих (рис. 77). Он руководит изъятием создаваемого ими прибавочного продукта в пользу храма.

3. Очевидно, эта форма эксплуатации прикрывалась духовными, религиозными мотивами, ибо на других печатях и рельефах *эн* показан властелином над жизнью и смертью. На изображениях по поводу одержанных побед перед вооруженным жрецом-повелителем стоят связанные люди, которых, очевидно, ждет ослепление, а также приветствующие своего властелина войны. Возможно, что на одной печати, от которой до нас дошел только осколок, была воспроизведена сцена боя. На ней жрец-повелитель правит колесницей. Связанные люди фигурируют и в сценах труда на оттисках, найденных в камен-

Урук-Варка, Южный Ирак
Военнопленных приводят к жрецу-правителю. Оттиск печати.
2900—2800 гг. (по Христиану)

ном святилище с мозаикой. Следовательно, это были пленные, которых заставляли работать, «рабы», принадлежавшие своему господину — *эну* и работавшие на территории храма. Ослепление пленных производилось, очевидно, для того, чтобы обезвредить рабов мужского пола, которых еще в конце VII тысячелетия называли *иги-ну-ду* (слепые) [6].

4. «Рабы» фигурируют, очевидно, на изображениях, показывающих жреца-повелителя надзирающим за производством материальных благ. Например, на одном из рельефов так называемого памятника Блау он вместе со своим сопровождающим стоит в мастерской каменных сосудов. Шумерская надпись на памятнике Блау даже сообщает, кто были люди, которых заставляли работать: *нига-кур* — человек с гор.

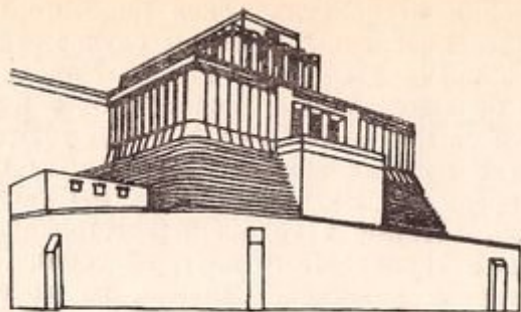
В период Урука неожиданно появляется огромное число надписей. В мусоре, оставшемся от IV слоя Урук-Варки, найдены многочисленные глиняные таблички и несколько каменных изображений с надписями (рис. 78). К настоящему времени выявлено около 2 тысяч знаков этой письменности. Они передают одно слово или один слог. К сожалению, около двух третей знаков стерлись настолько, что установить их первоначальную форму почти невозможно. Остальные знаки изменились до неузнаваемости в период культуры Джемдет-Насра, и восстановить их в первоначальном виде чрезвычайно трудно. Если принять, что для их формирования потребовалось 100—200 лет, то можно предположить, что выкристаллизовавшиеся к началу периода Урук IV знаки

на протяжении нескольких веков до этого наносились на непрочные материалы. В таком случае эти письмены восходят по крайней мере к VI слою Урука, когда был воздвигнут большой храм, а может быть, и к символическим знакам на керамике Сузы А конца убейдской культуры. Многие из этих знаков представляли собой обозначаемые предметы. Благодаря этому мы узнаем о многих орудиях, которые в то время изготавливались из недолговечных материалов; это плуг, колесница, сани, лодка, тростниковая хижина... Салазки, на которых передвигается фигура божества, изображены также на рельефе маленькой каменной пластинки. Другие предметы переданы в этом письме при помощи одной их важной части, например быка обозначает его голова, женщину — треугольник, олицетворяющий женские половые органы. Письменность Урука с самого начала служила не для украшения, а для деловых целей — для хранилища бухгалтерии, ибо столь разветвленное предприятие, насчитывавшее множество ткачей, гончаров, прядильщиков, столяров и других ремесленников, не могло обходиться без контроля. Поступавшее имущество требовало учета (рис. 79). Велась запись материалов и продуктов, выдаваемых для обеспечения всем необходимым жрецов, рабочих и мастерских. Следовательно, именно бухгалтерии мы обязаны возникновением письменности, но вскоре ее стали применять не только для хозяйственных нужд. Однако тогда ее формы изменились и усовершенствовались. Изобразительное письмо, где каждое слово передается его изображением, не может воспроизводить абстрактные понятия. Тогда значение слова стали передавать одним его слогом. Словом «столб», например, ста-

Урук-Варка, Южный Ирак
«Львы со змеиными шеями». Оттиск печати. Ок. 2800 г.
(по Парро)

Эриду, Южный Ирак
Храм V периода Урука. Реконструкция.
Ок. 3000 г. (по Малловану)

ли обозначать слово «жизнь», так как по-шумерски они звучат почти одинаково. Лишенные конкретного смысла, знаки теперь применялись для выражения различных понятий, содержавших сходно звучащие слоги. Естественно, что многие знаки оказались ненужными, и в середине III тысячелетия шумеры обходились уже с помощью «всего лишь» 500—600 знаков. Поскольку в текстах периода Джемдет-Насра сходные по звучанию слова «столб» и «жизнь» передаются одинаково слогом «ти», можно утверждать, что эти тексты написаны шумерами. Так, в одном тексте имя Элиль-ти, что означает «Бог Элиль сохраняет жизнь», передано знаком, обозначающим «столб». Писец мог быть только шумером, для которого «столб» и «жизнь» звучали одинаково — «ти». Что же касается периода Урук IV, то можно только предполагать, что носителями его письменности были шумеры; знаки имеют еще изобразительный характер, что делает их прочтение невозможным.

Печати, созданные в период от Урук VI до Урук IV, принадлежат к прекраснейшим творениям глиптики — искусства резьбы по камню, вышедшим в древности из Передней Азии. Едва ли одна печать повторяет рисунок другой. Наряду с различными сценами на них изображаются геральдические орнаменты, например противостоящие друг другу каменные козлы и орлы, львы и козы, группы различных животных и т. д. Большой популярностью пользовались львы с переплетающимися змеобразными шеями, а иногда и со скрещенными хвоста-

ми. Часто встречаются изображения храмовых стад, которые, наверное, украшали печати надзирателей над скотом.

Печати и архитектурные сооружения следующей эпохи («Урук III — Джемдет-Наср»), бесспорно, свидетельствуют об упадке искусства. Печати становятся схематичными, изображения людей упрощаются, несколько сюжетов объединяются. Партиями изготавливаются печати одного стиля с одинаковыми изображениями. Многие археологи усматривают в этих тенденциях периода Джемдет-Насра доказательство распада общества в целом; возможно, однако, что развитие классового общества повлекло за собой упрощение, «индустриализацию» искусства. Бесспорно одно: в конце периода Урук III погибла прежняя государственность и возник новый государственный строй. Жившие тогда люди наряду с резьбой по камню умели делать искусные подвески в виде маленьких фигурок животных (рис. 81) и людей, которые они носили в качестве амулетов. В период Урук III основание этих фигурок обрабатывали так, что они служили печатями. Во время Урук IV фигурки зверей иногда приспособляли в качестве ручек к цилиндрическим печатям.

С городом Урук можно сравнить древний Эриду. Его I слой соответствует III слою Урука. На высокой кирпичной платформе возвышался двухэтажный храм, ук-

Урук-Варка, Южный Ирак
Водоем со змеями. Оттиск. Ок. 3000 г. (по Нагелю)

рашенный мозаиками из черных камней и бетонными конусами с медными головами. Внешняя, довольно крутая стена террасы была сложена из известняковых плит, скрепленных гипсовым раствором. Мощная стена из песчаника защищала храм и окружающие строения. Внутри некогда стояла внушительная статуя льва высотой 1,65 м (рис. 82). Ее нашли в 1855 г., но только в 1946 г. доставили в багдадский музей, так и не установив, откуда она происходит. Многие археологи датировали ее концом III тысячелетия. Нагель [191] собрал множество веских аргументов, доказывающих ее сходство с другими загадочными статуями периода Урука. Главным его доводом служил рельеф на каменном бассейне из области Урука. На нем изображены две гигантские змеи, которые держат человека за голову и за ноги, собираясь проглотить. Такие же змеи вырезаны на печатах периода Урук IV, что дает возможность датировать бассейн. В виде второстепенных элементов украшения бассейна фигурирует несколько львов, один из которых очень похож на статую из Эриду. Может статься, что аналогичный дев, стоящий на стенках бассейна, поможет разрешить загадку «вавилонского льва» (рис. 83) — огромной базальтовой статуи, возраст которой наука пока не в состоянии выяснить. Она имеет около 2,6 м в длину и 1,95 м в высоту. Найдена она лет двести назад на территории «дворцового музея» Навуходоносора II в Вавилоне и изображает льва, стоящего над человеком. Нельзя установить, показывает ли это изображение человека, поверженного львом, как полагают некоторые археологи, или же момент совоплощения льва с человеком. О половых сношениях между человеком и животными нередко говорится в легендах. Такой же мотив воспроизведен на урукском бассейне. По мнению Нагеля, благодаря бассейну можно датировать периодом Урука и бюст нагой женщины, который свыше 100 лет назад был раскопан в Ниневии. На бюсте имеется надпись ассирийского царя XI в. до н. э., скорее всего сделанная намного позднее самой статуи. По формам она очень походит на центральную фигуру бассейна.

Находки, относящиеся ко времени Урука — Джемдет-Насра, обнаружены на территории Урука, Укайра, Эриду, Джемдет-Насра, Ниппура и других городов Южной Месопотамии. К сожалению, архивы раскопаны по-

Сузы, Юго-Западный Иран
Сосуды на гончарном круге. Оттиск печати.
Ок. 2800 г. (по Рюльману)

ка только в Уруке и Джемдет-Насре. Отдельные глиняные таблички, печати или произведения искусства найдены во многих местах Передней Азии и даже в Египте. Благодаря им удалось датировать многие культуры Сирии, Северной Месопотамии, долины Нила и Ирана. При этом выяснилось, что только в Сузиане существовала цветущая цивилизация, напоминающая шумерскую культуру Урук — Джемдет-Наср.

В последних столетиях IV тысячелетия монохромная — красная или серая — керамика, типичная для Урука, сменила на территории Сузы прекрасную расписную керамику периода Сузы А. В этом процессе можно различить две ступени. Для культуры слоя Сузы В характерны многофигурные печати, распространенные наряду с монохромными сосудами. Кроме зооморфных мотивов печати украшены геометрическим орнаментом. Всевозможные завитки дополняются религиозными сценами, в которых человек или бог с козлиной головой держит на руках двух животных, или двух человек, или реки с рыбами. Только в период С на глиняных табличках, буллах и крышках сосудов появились оттиски печатей, во многом сходные с мотивами Урука. По сравнению с месопотамской резьбой по камню на изображениях из Сузы больше эпизодов, связанных с работой; широко представлены также демонические синкретические существа. Особенно привлекает внимание изображение гончарной мастерской с гончарами, сидящими у круга, ткацкой мастерской с горизонтальными и верти-

кальными станками, сцен загрузки складов, работы на поле и в хлеву. На печатах с демоническими изображениями козы, быки, львы и другие животные с туловищем человека (рис. 84) участвуют в эпизодах, связанных с победами, отправлением культа и празднествами. На одном таком рисунке демон показан рядом с плугом, ярмом и лопатой.

Эти печати говорят о появлении в Двуречье чуждого элемента в религии, о низшей ступени обожествления животных и сил природы. На одной печати из Суз изображено, по-видимому, культовое торжество перед храмом, убийство пленного жрецом-правителем, который таким образом демонстрировал свою власть над жизнью и смертью.

Периодам В и С культуры Суз соответствуют богатые находки предметов из металла. Среди них выделяется медная двойная секира и декоративные булавки с головками в виде животных.

Искусство малых форм достигло в это время большого развития. Чрезвычайно многообразны амулеты в виде сидящего на корточках медведя, обезьяны, зайца, лежащей коровы, женщины на корточках, мужчины и женщины, соединившихся в тесном объятии, печати, имеющие форму львиной головы или различных животных.

Еще больший интерес представляли бы, наверное, глиняные таблички, если бы мы смогли прочесть нанесенные на них надписи. На табличках начальной стадии Су-

Сузы, Юго-Западный Иран
Демонические мотивы. Оттиск печати.
2800—2700 гг. (по Франкфурту)

зы С нанесены только цифры, значит, и в Сузах письменность возникла благодаря потребности в бухгалтерских расчетах. Появившееся потом идеографическое и слоговое письмо в деталях отличалось от письменности, принятой в Уруке, хотя в основе их лежали одинаковые принципы. По-видимому, они служили для записи чужого, нешумерского языка, который мы впоследствии узнали в Сузиане под названием эламского. Эту письменность, ее язык и культуру мы называем протоэламской, то есть доэламской.

Сузиану, равно как и Южную Месопотамию, следует считать одной из древнейших областей мира, где произошел переход к организованному в государство классовому обществу и закончился кризис первобытного общества.

Наряду с этими главными центрами в Месопотамии существовало множество второстепенных, в которых новые формы культуры и общественного устройства развивались медленно и не до конца. Так, к востоку от современного Багдада на р. Диала в период Урук — Джемдет-Наср образовалась группа городов, которые в последующие века играли важную роль. Прежде всего вокруг храма Сина (лунного бога) в Хафаджи возник значительный город, который, по-видимому, долгое время занимал господствующее положение в предгорье. В период Урук — Джемдет-Наср храм Сина превратился в большое храмовое хозяйство, следы которого найдены, например, в V слое. Правда, это хозяйство меньше, чем огромное хозяйство храма Э-анна в Уруке, но ему присущи те же особенности. В передних дворах располагались склады, мастерские, плавильные печи, рабочие площадки. Только в третьем дворе возвышался двухэтажный храм. В помещении, где совершались культовые церемонии, вход находился на широкой стене. Высокая стена отгораживала храм от домов, среди которых он когда-то стоял.

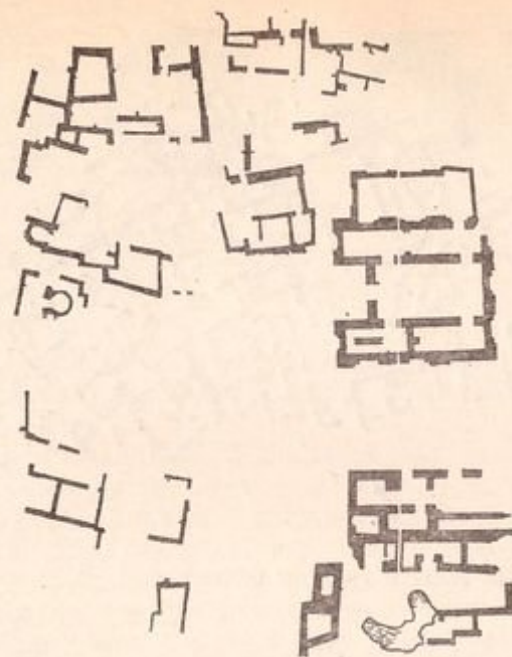
На территории Северного Ирака вокруг Тепе-Гавры продолжал существовать старый центр Халаф. Времени VI—III слоев Урука, когда происходило формирование государства, в Гавре соответствуют поселения XII—VIII слоев, в которых в отличие от более древних поселений появляются признаки социального расслоения. В раскопанной части поселения XII над множеством маленьких хижин возвышались пять больших многокомнат-

ных строений. К одному из них примыкали стойла (?). В этих зданиях жили чужеземцы, которые изгнали или перебили прежних насельников. Нападение явилось полной неожиданностью для жителей поселения XIII, знавших расписную керамику. В разрушенных жилых домах на печах так и остались стоять горшки с пищей. На полу лежали непогребенные скелеты детей. У одного в спине торчал камень, пущенный из метательного снаряда и убивший его. Поселение XII также погибло в огне пожара, возможно возникшего в результате внутренних столкновений, ибо в новом поселении — XI А ощущается более резкая поляризация классов. Конгломерату бедных домов здесь противостояло подымавшееся в центре массивное круглое здание диаметром 18—19 м. Стена толщиной 1—2 м и наличие только одного входа говорят о том, что это была крепость посреди жилого квартала. Даже храм находился за пределами крепости.

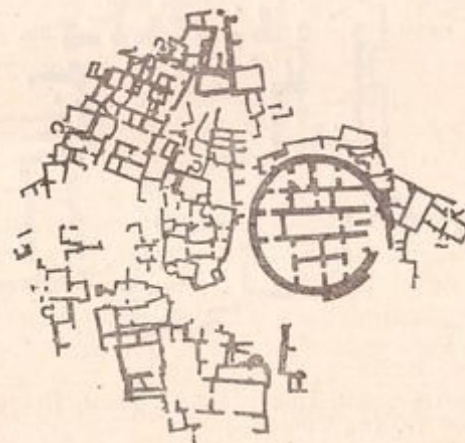
Здесь мы впервые наблюдаем отделение храма от «дворца». Оно сохранилось и в поселении последующего периода, когда круглая крепость была заменена фундаментальной резиденцией. Характерно, что в IX слое прослеживается соединение храма и «дворца», причем во «дворце», несомненно, появляется тюрьма: два построенных в земле помещения с толстыми стенами. Под зданиями VIII слоя был обнаружен колодец глубиной свыше 24 м. Среди мелких находок наряду с золотом, серебром и сердоликом прежде всего обращает на себя внимание лазурит из Афганистана, свидетельствующий о существовании в то время разветвленной торговли. Орудия изготовлены из бронзы. Следовательно, жители этих мест поддерживали связи с Ираном, где в то время добывалось олово.

В Северном Ираке сохранились и печати, которые на юге уступили место цилиндрическим печатям. Они были украшены длинноногими борзыми, овцами, львами, а иногда и целыми сценами самого различного жанра. Демоническое существо с козлиной головой, всегда изображавшееся в окружении коз и овец, было, очевидно, по представлениям людей того времени, повелителем животных. На этих изображениях представлены пленные со связанными руками, жрецы, совершающие таинства перед алтарем или танцующие. Они мешают какие-то

Теле-Гавра, Северный Ирак

а) Храм и дворец с тюрьмой (внизу слева), жилые дома

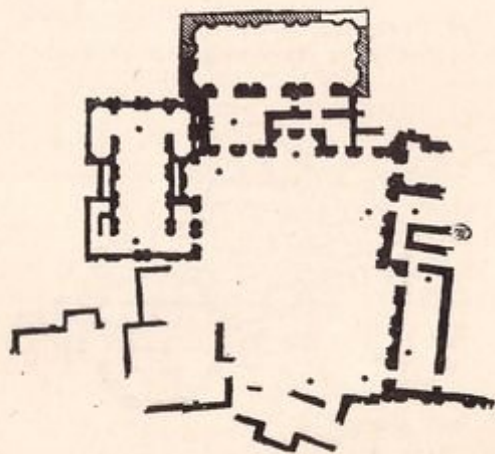

б) Круглая крепость среди хижин бедноты

в) Большие дома и хижины бедняков

г) Северный храм, Центральный храм, Восточный храм.
3200—2800 гг. (по Тоблеру)

Тепе-Гавра, Северный Ирак
Печати периода Урука с изображениями культовых сцен и танцоров. Ок. 3000 г. (по Тоблеру)

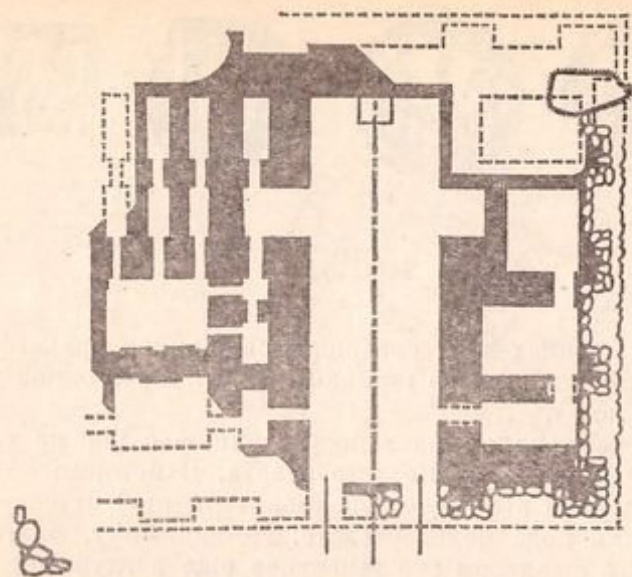
зелья в горшках или, совершая священное бракосочетание, совокупляются со жрицами (?). Вокруг одной пары обвилась змея.

Эта сцена напоминает поставленную с ног на голову сцену искушения из Ветхого завета. В истории об Адаме и Еве змея выступает вдохновительницей плодородия, умножения рода человеческого. По-видимому, благодаря сходству с фаллосом это животное еще в глубокой древности стало предметом культового почитания, а впоследствии ему была приписана роль дьявола-искусителя.

В других поселениях Северного Ирака на это время приходится расцвет расписной керамики, не отличавшейся от форм, распространенных в Иране, но своеобразной по выбору сюжетов. По месту первой находки она получила название ниневийской. Такая же керамика была обнаружена и в наиболее значительном месте находок этого периода в Северной Сирии, в Телль-Браке на Хабуре. Здесь, на пути в богатый металлами горный край, в период Урук — Джемдет-Наср находились селения и храм, напоминающие аналогичные сооружения в Южной Месопотамии. Огромное прямоугольное здание с большим главным залом и многочисленными кладовыми служило храмом. Под ним проходила целая система ходов и помещений пока непонятного нам назначения. Может быть, жрецы прятали здесь свои сокровища или при свете факелов совершали «в чреве земли» мрачные обряды? А может, грабители разыскивали древние клады?

На территории храма найдены странные символические изображения на высоких подставках, с двумя или четырьмя глазами. Они напоминают «домовых» Хасила-

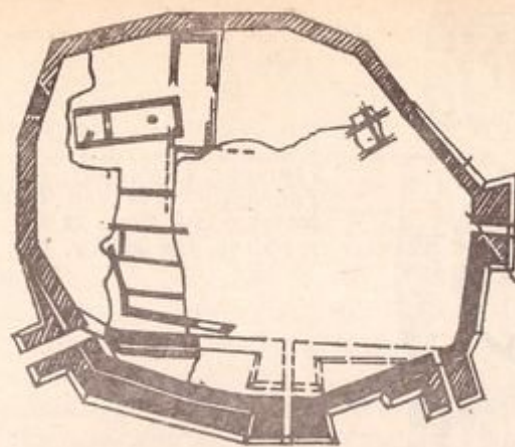

Телль-Брак, Северная Месопотамия
Храм «глаз». Начало III тысячелетия (по Гоффу)

ра. Главный предмет поклонения, очевидно, походил на изображения из храма Э-анна. Алебастровая маска высотой 17 см, правда, не отличается художественным совершенством, присущим голове из Урука, но превосходит ее живым выражением, достигаемым прежде всего благодаря инкрустированным глазам.

Резчики по камню из Телль-Брака обладали почти неисчерпаемой фантазией. Статуэтки и подвески, служившие амулетами или печатями, поражают разнообразием форм. Здесь обезьяны, свиньи, коровы, утки, головы быков, два соединенных (передними частями туловища) зубра, зайцы, ежи, лягушки, медведи, львиные головы, ястребы, листья, «почки», газели, козы, скованные люди. На одной из самых красивых печатей изображена корова в трех видах: рожающая, кормящая теленка, идущая. Многие печати напоминают Тепе-Гавру и даже Сузы, где также был найден «глазастый символ» на ножке. Убранство алтаря поражает необыкновенной роскошью. Поверхность его была украшена фризом из золотых и серебряных гвоздей. Можно предположить,

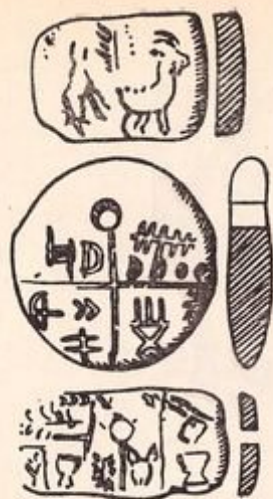
Троя, Малая Азия
Крепость 1. Начало III тысячелетия (по Мелаарту)

что стоявший на нем предмет культа был сделан из этих благородных металлов, хотя, может быть, не целиком. Золото и серебро, очевидно, были доставлены с гор, где имелись богатые залежи.

По-видимому, в Малой Азии общество развивалось в том же направлении. И здесь в течение IV тысячелетия расписную керамику сменили монохромные темные лощеные изделия. Они появляются в нижних слоях Бейчелсултана вместе со строениями с мегароном, которые за несколько тысячелетий до этого возводились в докерамическом Иерихоне (В). Носители этой культуры были также основателями знаменитого «города» Трои. В начале III тысячелетия они воздвигли первую крепость (площадью 80×90 м) в стратегически важном пункте, контролировавшем морские пути между Средиземным и Черным морями и закрывавшем доступ из Европы в Азию. Значит ли это, что народы, знавшие темную лощеную керамику, опасались «варваров» с балканских гор? Или же они сами явились сюда в качестве завоевателей?

Массивные ворота защищают подходы к жилым домам внутри крепости — строениям с мегароном, в древнеазиатском стиле, которые впоследствии послужили образцом для греков II тысячелетия до н. э. По-видимому, в стенах Трои с самого начала находилась резиден-

Тэргэриа, Румыния
Глиняные таблички с письменными знаками периода Урук — Джемдет-Наср. Ок. 2800 г. (по Власа)

ция правителя, а не общинное поселение. Территорию внутри крепости занимают немногочисленные строения. В них, очевидно, жило только несколько сот человек, скорее всего, правитель со своим двором, небольшое число ремесленников и солдаты, тогда как основная масса земледельцев обитала в поселениях на равнинах. Троя I несколько раз расширялась и в последующие эпохи неоднократно обновлялась, но характер сооружений при этом не изменялся.

Аналогичные культуры прослежены на о-ве Лесбос и процветали в Южной Греции.

На плоскогорьях Анатолии в это время образовались многочисленные города, существовавшие до самого конца II тысячелетия до н. э.: Аладжа, Алишар, Гюлюек. Для них также характерно формирование классового общества.

На южном побережье Черного моря в области Синопа в конце IV и начале III тысячелетий также появилась серая керамика, во многом напоминающая монокромные изделия периода урукской культуры в Месопотамии. Влияние государства, складывавшегося в Двуречье и Сузиане, достигало в это время плоскогорий на востоке, западе и севере. В результате в Палестине, Иране и Малой Азии появились характерные формы керамики, а также своеобразные способы обработки сосу-

дов и печати. По-видимому, как уже говорилось, влияние Двуречья достигало Балканского полуострова. Так, например, в конце IV тысячелетия на территорию Палестины проникли группы народностей, знавших такие формы керамики, которые явно сложились под воздействием месопотамских образцов. Они осели прежде всего в Центральной и Северной Палестине и слились с людьми гассулской культуры. Они принесли с собой обычай захоронения мертвых в углублениях скал и пещерах, который надолго утвердился в юго-западном районе древних земледельческих цивилизаций.

Эти народы клали в могилы сотни погребенных. Так, в ямах размером примерно $4,5 \times 3$ м найдено до 400 черепов и останков скелетов. Это можно объяснить только тем, что сначала мертвых хоронили по старому обычаю и только много времени спустя их костные останки предавали земле [129]. Среди могильной утвари можно различить три группы керамических изделий, относящихся примерно к одному и тому же периоду. Наиболее поздние глиняные сосуды, так называемый серый Эзраелон, соответствует глиняным сосудам из Синопа, о которых говорилось выше. Обе древние группы датируются, согласно радиоуглеродному анализу, VI периодом Урука (3260 ± 110 г.). Серая керамика должна быть намного моложе, ибо на различных сосудах имеются отпечатки печатей, которые по сходству с месопотамскими образцами периода Джемдет-Наср могут быть датированы периодом после 2800 г. Но, как уже писали Энгберг и Шиптон, проводившие раскопки в Мегиддо, резьба на каменных печатях больше соответствует не Джемдет-Насру, а отделке соответствующих изделий следующего периода — первого периода раннединастической эпохи (2700—2600 гг.).

Еще в додинастический период волны завоевателей докатились до долины Нила. Характерные для них формы сосудов, возникли в Маади и определили характер новой расписной керамики, появившейся в Египте в конце IV тысячелетия. Это герцейская культура, ранее называвшаяся Негаде II. Для нее наиболее характерен пузатый сосуд с горизонтальной ручкой. В Египте он впервые появился в начале герцейского периода (рис. 86), тогда как в Мегиддо, Иерихоне и других городах Палестины он принадлежал к типичным формам послегассул-

ского периода. Из этого же источника герцейская культура заимствовала бутылки и кувшины, расписанные под корзины. Как и в Палестине, в Египте стали теперь появляться сосуды на ножках и все чаще каменные сосуды, форма которых прослеживается в глиняных изделиях вплоть до самой Месопотамии. Оттуда же происходит грушеобразная булава, которая, как и в период Джемдет-Насра, нередко украшена рельефами. В захоронениях герцейской культуры встречаются, кроме того, многочисленные цилиндрические печати. Они дают право предположить, что поздняя, герцейская культура соответствует эпохе позднего Джемдет-Насра и началу раннединастического периода.

Возможно, наиболее ярким примером влияния Месопотамии на складывавшуюся культуру Египта служит роскошный кремневый нож с рукояткой из клыка бегемота, найденный в районе Гебель-эль-Арака (рис. 85 а, б). Рукоятка несомненно сделана египетским резчиком, но по месопотамским образцам. На одной ее стороне изображена оживленная сцена охоты, в центре которой стоит жрец-правитель, известный нам по печатям Урука IV. Он укрощает двух гигантских львов. Это символ господства, который впоследствии появился во многих местах, прежде всего в Сузах. Вторая сторона рукоятки еще красноречивее говорит о египетско-месопотамских связях. На ней воспроизведено нападение судов переднеазиатского типа с высокими бортами на туземную флотилию. Чужеземцы гонят перед собой связанных пленников. Множество трупов свидетельствует об ожесточенном характере борьбы.

В изображениях на скалах в вади, которые прорезают горы на всем протяжении от Нила до Красного моря,

Вади-Хаммамат, Южный Египет
Морские суда, доставившие завоевателей из Передней Азии. Начало III тысячелетия (по Винклеру)

также фигурируют аналогичные корабли месопотамской формы. Может быть, чужеземцы, плывшие из Красного моря, огибали Аравийский полуостров и достигали страны на Ниле? До сих пор на берегах Красного моря не найдено следов, подтверждающих эту гипотезу; они сохранились лишь в вади, тянущихся от гор до Нила.

Возможно, однако, что на этих судах приплыли люди, умевшие изготавливать серую керамику, или последовавшие за ними купцы и воины из Передней Азии. Месопотамские формы выступают и в скульптуре; например, львов с разверстыми пастьми много и среди месопотамской зооморфной пластики. Следовательно, влияние Месопотамии сильно сказалось на стране, существовавшей в эту пору на берегах Нила и достигшей культурного единства в период герцейской цивилизации. В этой цивилизации древние местные традиции слились с новыми явлениями и образовали своеобразную египетскую культуру, на основе которой возникло государство фараонов. Для герцейской культуры характерна расписная керамика, совершенно своеобразная, несмотря на множество впитанных ею чуждых влияний. Сосуды, светло-серые или желтоватые, покрывались темно-красной росписью. На изображениях представлены корабли, речные ландшафты с рядами сидящих фламинго, горы, по которым скачут каменные козлы, ряды стилизованных женских фигур в танцевальных позах.

Такие же формы встречаются среди глиняных фигурок.

Лазурит, сердолик, бирюза, агат и халцедон давали возможность богатого выбора при производстве бус и других украшений. Эти минералы частично доставлялись из Азии, что дает основание предполагать наличие оживленной каботажной и речной торговли в начале III тысячелетия. Совершенствовавшееся искусство обработки металлов теперь наряду с медью все чаще обращалось к золоту. Следовательно, в египетском обществе начала III тысячелетия разделение труда продвинулось довольно далеко, а это дает право предположить, что в Египте той эпохи уже происходило социальное расслоение. Пока материалы раскопок не дают нам соответствующих доказательств. Социальное развитие герцейской культуры в Египте в первых веках III тысячелетия, скорее всего, соответствовало культуре Убейд в

конце IV и начале III тысячелетий в Месопотамии. Эта культура составила основу складывавшейся государственности. Быть может, именно единообразие цивилизации свидетельствует о возникновении первых государственных образований на Ниле.

В начале III тысячелетия волна серой керамики, формы которой известны по Малой Азии и Палестине, достигла Северо-Восточного Ирана. Возможно, месопотамское влияние шло здесь по следам торговцев, которые еще в конце IV тысячелетия привозили из далекого Афганистана лазурит, пользовавшийся в Месопотамии огромным спросом. На полпути между долинами Междуречья и горами Бадахшана торговцы из Суз заложили новый опорный пункт на возвышенности Тепе-Сялук, где некогда находилось поселение. Протоэламские печати и глиняные таблички говорят о том, что эти люди принадлежали еще к доэламской культуре. Снова получившая большое распространение роспись сосудов и стиль печатей позволяют отнести поселение к периоду, хронологически соответствующему Джемдет-Насру. Заслуживают упоминания медные зеркала и инкрустации из золота и лазурита, происходящие, как и печати и таблички, из IV слоя Сялука. Таков же возраст II слоя Тепе-Гисара в Северо-Восточном Иране, которому мы обязаны золотыми и серебряными украшениями, бусами из лазурита и бирюзы. Среди керамики преобладали серые изделия на высоких ножках, встречающиеся также в раскопанном кургане в Шах-Тепе, другом селении этой же провинции.

В Северном и Восточном Иране люди, изготавливавшие серую керамику, столкнулись с носителями культур Намазга II и Ялангача, знавшими расписную керамику, к которой очень близко стоит керамика Кветта из Белуджистана. Для обоих видов глиняных изделий характерны почти одинаковые печати и сосуды. Между тем очень многие мотивы кветтской росписи, и прежде всего своеобразные статуэтки женщин, совершенно чужды среднеазиатскому культурному комплексу. Они относятся к области распространения еще мало изученной индийской расписной керамики. Известные до сих пор культуры Индии возникли в конце IV — начале III тысячелетий, но ярко выраженное своеобразие уже ранних глиняных изделий Индии, например относящихся к куль-

туре Рана-Гхундай, дает основание предположить, что, несмотря на сильное влияние Ирана, на территории нынешнего Пакистана должны были остаться следы и более древней расписной керамики, в частности V тысячелетия. Особенно распространены были зооморфные орнаменты и причудливые геометрические узоры, перекликавшиеся частично с древними керамическими образцами Запада. Все эти изделия происходят из небольших земледельческих поселений. Долина Инда, очевидно, также была заселена в это время, хотя поселения начала III тысячелетия погребены под илистыми отложениями реки.

К началу III тысячелетия относятся и расписные сосуды лессовых степей Китая. Они известны под названием культуры Янь-Шао и восходят, по-видимому, к среднеазиатским переселениям народов. К культуре Янь-Шао приближается трипольская цивилизация, раскопанная на территории Украины. Расписная керамика этого вида была широко распространена до конца III тысячелетия.

Конец IV и начало III тысячелетий играют в истории человечества особую роль. В это время господствующий класс впервые создал орган власти для подавления эксплуатируемых — государство. В работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Фридрих Энгельс показал, как возникло государство: «Итак, государство никоим образом не представляет собой силы, извне навязанной обществу... Государство есть продукт общества на известной ступени развития; государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимых противоречиях с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами, не пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе, для этого стала необходимой сила, стоящая, по-видимому, над обществом, сила, которая бы умеряла столкновение, держала его в границах „порядка“. И эта сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство».

По сравнению со старой родовой организацией государство отличается, во-первых, разделением подданных

государства по *территориальным делениям*. Старые родовые объединения, возникшие и державшиеся в силу кровных уз, сделались, как мы видели, недостаточными большей частью потому, что их предпосылка, связь членов рода с определенной территорией, давно перестала существовать. Территория осталась, но люди сделались подвижными. Поэтому исходным пунктом было принято территориальное деление, и гражданам предоставили осуществлять свои общественные права и обязанности там, где они поселялись, безотносительно к роду и племени...

Вторая отличительная черта — учреждение *публичной власти*, которая уже не совпадает непосредственно с населением, организующим самое себя как вооруженная сила. Эта особая публичная власть необходима потому, что самодействующая вооруженная организация населения сделалась невозможной со времени раскола общества на классы... Эта публичная власть существует в каждом государстве. Она состоит не только из вооруженных людей, но и из вещественных придатков, тюрем и принудительных учреждений всякого рода, которые были не известны родовому устройству общества. Она может быть весьма незначительной, почти незаметной в обществах с еще неразвитыми классовыми противоположностями и в отдаленных областях» [4, 169—171].

Все указанные Энгельсом особенности уже существовали в шумерском обществе периода культуры Урук IV, правда еще «незначительные, почти незаметные», ибо классовые противоречия были еще мало развиты. Новым явлением была тюрьма во «дворце» Тепе-Гавры — «вещественный придаток государства». Вооруженный жрец-правитель со своими солдатами (печати из Урука) и чиновниками (рельефы и другие изображения из Суз, Урука и прочих городов) представляли уже «особую публичную власть». Ей противостояла масса производителей, которые фигурируют в произведениях искусства, изображающих правителей, в виде работающих на них земледельцев, ремесленников, носильщиков и судостроителей.

Образование убейдской культуры в результате слияния хассуны-самаррской культуры с цивилизацией Эриду и с докатившейся до нее волной культуры Хаджи-Мухаммеда, а также с цивилизациями Гавры и многих дру-

гих групп населения речных долин и гор, отражает, по-видимому, смешение различных племен, которое должно было завершиться организацией населения по локальному принципу. Эта форма преодоления родового строя прослеживается уже в раннединастический период, в древнейших расшифрованных текстах.

Расщепление общества на антагонистические классы проявилось в противопоставлении храма и «дворца», с одной стороны, жилым кварталам в городах Месопотамии — с другой; здесь крепостные стены защищали богатых от бедных. Стены вокруг храмов в Уруке и Эриду были своего рода признанием того, что «это общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой». О существовании непримиримых противоречий рассказывают изображения связанных, пытаемых, убитых людей...

Фридрих Энгельс пишет далее:

«Так как государство возникло из потребности держать в узде противоположность классов; так как оно в то же время возникло в самих столкновениях этих классов, то оно по общему правилу является государством самого могущественного, экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом и приобретает таким образом новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса» [4, 171].

На то, какой класс был в Шумере господствующим, указывают остатки храма, который все более богател. Особенности экономической структуры общества дают нам возможность составить представление о его правовых нормах, нашедших отражение в текстах последующих столетий. В искусстве перед нами выступает «сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним», — государство, *эн*, жрец-правитель как основной эксплуататор, угнетатель и руководитель государства. Будучи главным служителем бога, он все больше и больше отделяется от народных масс, которые видят в нем великое существо, сверхъестественный источник плодородия и верную защиту от всех зол.

В конце IV и начале III тысячелетий все эти особенности ограничивались Месопотамией и Сузианой. Здесь впервые в истории человечества сформировались государства. Благодаря новой организации общество расширило свое влияние и подчинило себе древний культур-

ный мир. Распространение доэламской, месопотамской государственности на Иран, Малую Азию, Сирию, Палестину и Египет ускорило развитие социальных противоречий. Оно способствовало образованию классов и государства прежде всего в тех областях, где существовали такие же условия, как в долинах Тигра, Евфрата и Каруна. Историческая роль шумеров и протоэламитян, создавших первое в мире государство, объясняется вовсе не их биологическими особенностями или исключительной одаренностью. Она явилась результатом высокого развития прежде всего сельскохозяйственного производства в хорошо орошаемых, плодородных долинах рек, где они жили. Поэтому сходных результатов достигли в первую очередь те народы, которые жили в таких же условиях, как шумеры и протоэламитяне, а именно обитатели долин Нила и Инда.

КЛАССЫ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ГОРОДЕ-ГОСУДАРСТВЕ И ИМПЕРИИ

В III тысячелетии классовые противоречия в цивилизациях Двуречья приняли характер открытой классовой борьбы. К этому времени государства сложились уже на Тигре и Евфрате, на Ниле и Инде, на Анатолийском плоскогорье, а также на побережьях Средиземного моря и Индийского океана. Стремление крупных и мелких государств утвердиться в наиболее удобных для жизни областях привело к бесчисленным войнам и военным столкновениям между ними, а также между ними и окружающими народностями и племенами, жившими еще родовыми общинами. Энергичные территориальные захваты вызвали новые волны переселений. В периоды кризисов кочевники и земледельцы стекались к городам, стараясь приобщиться к их богатствам и культурному прогрессу. Различные исторические условия возникновения государств имели своим следствием появление многих их разновидностей. Но для всех без исключения государственных образований этого времени характерно одно важное явление: классовая борьба между угнетателями и угнетаемыми. Уже в III тысячелетии было ясно, что проблемы, обременявшие классовое общество Востока, не в состоянии разрешить ни одно из возникших государств. Они достигали наивысшей точки своего развития — становились империями, но те рушились под напором восставших масс угнетенных. Трагедия досоциалистических

массовых восстаний в том и заключается, что они находили способы одержать политическую победу над противником, но не могли достичь социального освобождения, и потому все возвращалось к исходному положению, в лучшем случае на более высокой ступени общественного развития, которая создавала лишь новые формы эксплуатации и угнетения.

В историческом развитии Передней Азии ведущую роль продолжала играть Месопотамия. В середине III тысячелетия на ее территории находилось множество мелких городов-государств, состоявших, как правило, из одного города и окружающих деревень. Прежде всего города начали объединяться на заливной равнинной части юга, где они чаще всего вырастали на месте ранних и дошумерских поселений периодов Убейда и Урука. Все более ясным становится язык надписей, содержащих уже не только бухгалтерские расчеты, но и сведения о постройке зданий, воззвания к богам, исторические данные. Имена царей и названия династий, появляющиеся впоследствии все чаще, на первых порах встречаются в надписях только изредка. Соответственно эту эпоху городов-государств Двуречья сейчас называют раннединастической. Согласно археологической периодизации она делится на три (I—III) отрезка примерно по одному столетию каждый (рис. 87).

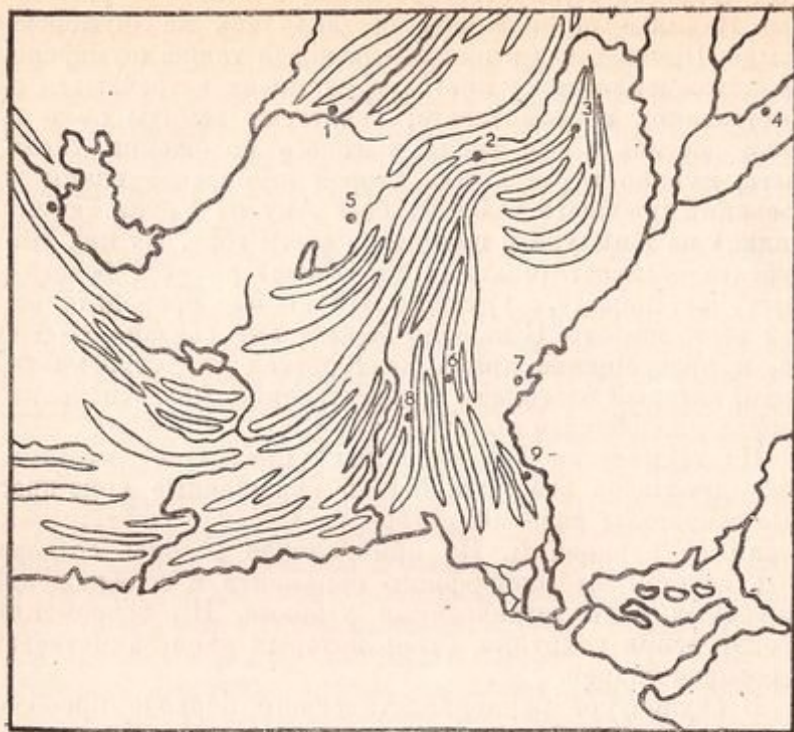
В XXVIII в. в Южную Месопотамию проникла с севера новая расписная керамика, известная под названием культуры Джемдет-Наср. Возможно, ее появление свидетельствует о вторжении еще не организованных в государства народов на территории только что сложившихся государств. Трудно сказать, какие этнические элементы были носителями расписной керамики. Может быть, это была вторая волна шумеров, вызвавшая выделение в шумерском языке двух диалектов. Не исключено, однако, что это были горные племена, родственные эламцам, или же семитские народности, которые с тех пор наряду с шумерами прослеживаются в Междуречье. Пагубное влияние их вторжения сказалось прежде всего в усилившемся упадке высокоразвитого искусства культуры Урук — Джемдет-Наср. Но вторжение не уничтожило господства шумеров. Правда, развитие многих городов и селений затормозилось, но крупные центры культуры, например Урук, сохранились. Высокие храмы на кирпич-

ных террасах были восстановлены, а вскоре и расширены. Надписи по-прежнему составлялись на шумерском языке. Приводимые в них имена царей также шумерского происхождения, хотя иногда в надписях встречаются заимствования из семитского; некоторые семиты явно сумели достичь в это время высокого положения. Может быть, именно в результате второй шумерской волны завоеваний прежнего главного бога Ану из Урука заменил Энлиль из Ниппура и появились «боги гор». Из них Нинхурсага — «властительница тор», «мать всех богов» — выступает наряду с урукской Инанной — прародительницей всего живого. С новыми божествами связано, очевидно, и превращение храма на террасах в ступенчатый храм, который благодаря нагромождению многочисленных террас уподоблялся высокой горе.

Из технически совершенных предметов культуры Джемдет-Насра возникли богато украшенные ярко-красные гончарные изделия, которым в Сузах соответствовала керамика периода Д. Их причудливая роспись создавалась сочетанием зооморфного орнамента и изображений животных с геометрическими узорами. Им современны произведения глиптики, стиль которых явно заимствован у росписи тканей.

В скульптуре раннединастического периода преобладают массивные фигуры с нерасчлененными частями тела. Это придает им неподвижность, статичность, которая частично объясняется назначением статуй. Их ставили в храме перед образом бога, и изображали они правителя города, членов его семьи или жреца, который, таким образом, все время находился перед ликом божества. Изображений земледельцев или ремесленников в этом храме не найдешь. Но хотя впечатление застылости, производимое шумерскими статуями, отчасти можно объяснить желанием придать им позу благоговейной почтительности, немаловажную роль в создании этого стиля играла и техника исполнения. Некоторые исследователи пытались объяснить нерасчлененность шумерской скульптуры тем, что первоначально шумеры вырубали свои творения из древесных стволов. При работе на дереве у них сложились определенные представления о красоте, которые они впоследствии перенесли на камень. При рассмотрении египетской скульптуры становится, однако, ясно, сколь ошибочно это мнение. В деревянных фигурах, сделанных

Индия — Белуджистан

1. Мундигак 2. Кветта 3. Рана-Гхундаи 4. Хараппа 5. Тогау
6. Наль 7. Мохенджодаро 8. Кулли 9. Амри

египтянами, хорошо видны отдельные их части, и резчику по дереву ничего не стоило изобразить человека с поднятыми руками. К тому же маски из Телль-Брака и голова из Урука бесспорно свидетельствуют о наличии во времена культуры Урук — Джемдет-Наср составных скульптур. Может быть, на этот вопрос следует ответить совсем иначе. По мнению автора, своеобразная форма каменных скульптур объясняется тем, что их делали по моделям для металлических фигур. При раскопках раннединастических городов в районе Дияла в Центральной Месопотамии Франкфорт нашел в Телль-Аграбе хорошо сделанную ногу медной статуи почти в натуральную величину, в Чафаджи — три прекрасные маленькие медные статуэтки, а затем снова в Телль-Аграбе — изваян-

ную из металла группу борцов. Все они были вылиты, очевидно, из восковой формы, без модели. Но что касается крупной скульптуры, то в Месопотамии для ее ваения, очевидно, употреблялись модели. Их изготавливали из сырья, которое изобиловало в Двуречье, а таким сырьем была глина, следовательно, форма должна была отвечать техническим особенностям глины. Трудно представить себе, как можно изваять выступающие части тела по глиняной модели, но все шумерские каменные статуи легко воспроизвести по ней. Шумерские медные (рис. 88) и каменные фигуры найдены преимущественно в развалинах храмов. Бросается в глаза сходство их стиля на всей территории от Персидского залива до Сирии, отнюдь не нарушаемое местными особенностями различных районов. В Южной Месопотамии преобладают массивные сидящие статуи. В районе Дияла первое место принадлежит строгим, чуть ли не абстрактным фигурам, которым соответствуют почти декадентски изысканные статуи из Мари на Евфрате. Статуи из Телль-Хуера в Северной Сирии выдержаны в особом стиле, отличающемся даже от строгих статуй Ассира (рис. 89).

Наиболее крупная находка такого рода происходит из Телль-Асмари (рис. 90) (Дияла). Она была обнаружена в одном из трех культовых помещений «квадратного» храма второго раннединастического периода. При перестройке храма внутри его были «захоронены» десять статуй, составлявших его прежнее убранство. Восемь фигур представляли собой молящихся жрецов и жриц, две олицетворяли божества, которым был посвящен храм: Абу, владыку растительности, и его супругу. Она была представлена вместе с ребенком, статуя эта, к сожалению, погибла. Вместе они составляли троицу наподобие той, которая была найдена в храме докерамического периода в Иерихоне. И здесь главной фигурой был, очевидно, мужчина. Черная борода и длинные черные волосы привлекают взгляд зрителя к огромным загадочным глазам статуи. Бог держит в руках кубок — чтобы расточать плодородие? На пьедестале его статуи вокруг растений изображены коленопреклоненные газели. По одежде и причёске бог не отличается от окружающих фигур жрецов. Он был их увеличенной копией, вознесенным в небо двойником жреца-правителя, ставшим сверхъестественным источником непонятного для угнетенных могущества.

Сыну какого-нибудь кочевника или дочери земледельца с гор, которых похитили из их шалаша или родного дома закованные в панцири вооруженные воины, власть жреца-правителя над жизнью и смертью, роскошь его храмов и блеск его городов должны были казаться сверхчеловеческими. Они знали только родовых и деревенских старейшин, и их ограниченная власть была им вполне понятна. Но власть жреца своей устрашающей силой и непредвиденностью действий уподоблялась силам природы. Как и она, она должна была происходить из источника, находящегося вне власти человека. Но такими источниками были только боги жизни и смерти, растительности (рис. 91) и животного мира. Поскольку предметами поклонения были эти боги в человеческом образе, то и источник силы жреца-правителя мыслился в виде человека, только очень большого и могущественного. В древних божествах народа-властителя угнетенные видели источник силы своих угнетателей, которые выступали покорными служителями этих богов. В Чатал-Гуюке и Хасиларе богиня плодородия походила на плодоносящую мать, но божественного властителя города его жители представляли себе в виде жреца-правителя огромного роста. Тем самым они обожествляли главу государственного аппарата, хотя еще отделяли человека от бога.

Известняковая пластина из Киша изображает вооруженного бога, попирающего трупы убитых. Обожествленному жрецу-правителю и его супруге, древней богине плодородия, как и их земным прототипам, были подчинены чиновники, жрецы, слуги и воины, так что начиная по крайней мере со второго раннединастического периода над городами-государствами стояла их иррациональная копия в виде сонма богов. Возглавлял его Энлиль, вытеснивший Ану. Храм Энлиля находился в Нипшуре. Этот город стал вместо Урука центром шумерской культовой общины. Она, очевидно, была пережитком прежнего племенного союза и сохраняла былое племенное единство шумеров хотя бы в религии.

Шумерский пантеон, будучи копией шумерского государства, состоял только из человекоподобных богов. Обожествлявшиеся прежде животные — бык, крупная кошка, козел — выступали теперь только как регалии богов (существовала, например, корона с рогами) или как демоны, низшие божества, наделенные большей частью

устрашающей внешностью. На печатях, рельефах и других произведениях искусства второго и третьего раннединастических периодов изображены люди с головами быков, танцующие скорпионы, львы в человеческих позах и другие синкретические существа. Их считали виновниками недугов и бед, поражающих людей. Особенно большой страх внушал, наверное, демон в виде птицы с головой льва. Имдугуд, властитель над львами и газелями, фигурирует на многих южномесопотамских гербах. Это, очевидно, демонизированный образ летучей мыши, которая и в Библии причисляется к птицам, правда с головой млекопитающего.

Но шумер отводил синкретическим существам и демонизированным зверям только второстепенные функции. Его боги походили на него, он полагал, что походит на них. В храмах изображения зверей служили украшениями или стояли у ворот, словно стражи. Правитель третьего раннединастического периода А-Анне-Падде у входа в свой дворец в Телль-эль-Убейде поместил двух львов. Туловища их были сделаны из битума, покрытого слоем меди, головы целиком вылиты из меди. Из литых составных частей был сделан и медный рельеф длиной 2,4 м, высотой 1 м с изображением Имдугуда, стоящего над двумя оленями. Рельеф этот, очевидно, был вмурован над входом. Стены храма покрывала мозаика из меди, известняка и раковин. На ней были воспроизведены крупные домашние животные, утки, сцены жатвы и доения коров. Кроме того, зал был украшен деревянными колоннами с мозаичными покрытиями и медными обшивками. Сам храм был невелик (20×12 м); он стоял на кирпичной террасе площадью 33×26 м. Ей предшествовала небольшая платформа, к которой вела каменная лестница. Храм окружала длинная крепостная стена, образовывавшая овал. Эта форма связывает убейдский храм с характерным для той эпохи строением в Чафаджи — большим «храмовым овалом». Его закладка сопровождалась трудоемкими земляными работами. После того как было выбрано место для строительства, все остатки бывших жилых строений закопали как «нечистые» на глубину 7—8 м, а образовавшийся котлован засыпали песком, доставленным издалека из пустыни. На песок поставили фундамент, который был покрыт метровым слоем глины, так что храм возвышался над окрестностями. К единст-

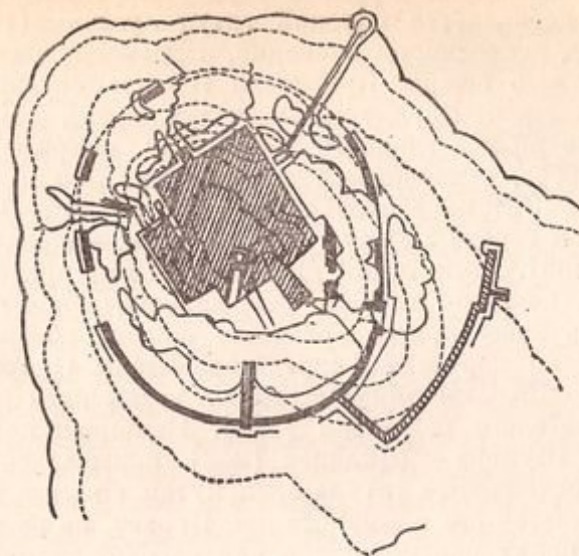
венному входу в овальной крепостной стене вели каменные ступени. У входа в передний двор стояли две башни. Во дворе слева находилось большое здание, очевидно предназначавшееся для администрации храма. Из переднего двора лестницы вели к воротам во внутренней овальной стене, которые открывали доступ во внутренний двор. Там находились колодец и бассейн для ритуальных омовений. Заднюю часть двора занимал маленький храм, стоявший на прямоугольной платформе высотой 3 м.

Двор окружали мастерские медников, резчиков по камню, пекарей и другие помещения. Следовательно, расположенный посреди города укрепленный храм был в первую очередь большой хозяйственной единицей.

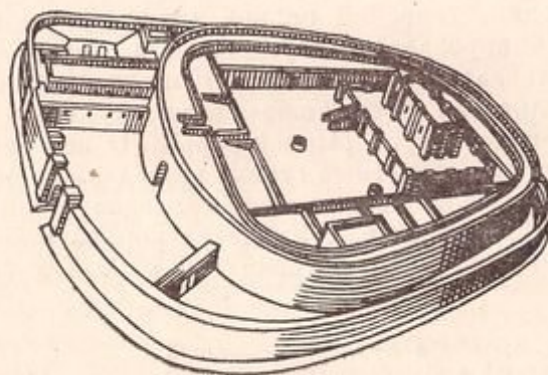
Из ареала храма Чафаджи вышли маленькие квадратные пластины из камня с рельефными изображениями религиозного содержания, аналогичные тем, что дошли до нас из многих храмов Южной Месопотамии. В раннединастическом Шумере храмовая архитектура еще не достигла единства. Она частично зависела от того, какой площадью располагали строители. Например, в Ниппуре храмы богини плодородия были втиснуты в просветы между жилыми домами. Храм Шара в Телль-Аграбе, напротив, напоминал квадратную крепость. Храм в Телль-Браке явно повторял образцы Джемдет-Насра.

Но всем им было присуще то, что в них соединялись место отправления культа, хозяйственный центр и «дворец». Согласно литературной традиции, зафиксированной в конце тысячелетия в эпосах, жрец-правитель Урука, *эн*, жил в определенной части храма, называемой *гипар*. Легенда «Энмеркар из Урука и *эн* из Аратта» рассказывает о том, что правитель Урука принимал гостей и послов на территории храма. В храмах, посвященных мужскому божеству, в *гипаре* жила верховная жрица. Наряду с *гипаром* в шумерском языке есть понятие *э-галь* («большой дом»), принявшее у вавилонян и ассирийцев форму *экаллум* (дворец). У семитов Сирии это слово означало и дворец, и храм, из чего можно заключить, что первоначально шумерское слово относилось к ним обоим или что дворец и храм в то время совпадали.

В терминологии раннединастического периода и в оставшихся от него археологических памятниках отразилось постепенное отделение высших светских должностей от религиозных. К титулу *эн*, относившемуся отныне

Телль-эль-Убейд, Ирак
Храм раннединастического периода. 2500—2400 гг.
(по Делуга)

Чафаджи, Центральный Ирак
Овальный храм (реконструкция). Ок. 2500 г.
(по Франкфурту)

только к правителю Урука и верховным жрецам других городов, добавляется царский титул *лугаль* («большой человек»), восходящий, очевидно, к древнему наименованию военного вождя. Правители городов-государств называются *энси*. Наряду с ними все время выступают верховные жрецы главного храма. Так, например, в одном договоре, относящемся ко времени *энси* из Лагаша по имени Энтемена, говорится: «В те дни Энтемена [был] *энси* города Лагаш... а Энтенарзи — жрецом Нингирсу» [165]. Английский шумеролог Смит предположил на этом основании, что *энси* был первоначально правителем вновь завоеванных храмовых земель, которыми он управлял по поручению жреца-правителя. Опираясь на свое экономическое могущество, он возвысился до положения светского вельможи [165]. Немецкая исследовательница Шумера — Шнайдер [248] попыталась объяснить происхождение титула *энси* путем анализа трех составных частей его наименования. Первая, по ее мнению, означает палку надсмотрщика над рабочей группой, вторая — террасу, возводившуюся при строительстве храма, третья — «си», очевидно, глагол «насыпать». Следовательно, *энси* был первоначально надсмотрщиком над работами при строительстве храма, точно так же как верховный жрец в Риме был некогда понтифексом — строителем мостов.

В раннединастический период титул *лугаль* большей частью ассоциировался с городом Киш, который долгое время властвовал над Средней и Южной Месопотамией. Наряду с *лугалем энси* тоже стали царьками. Между ними происходила непрерывная борьба. О ней свидетельствуют толстые крепостные стены, возведенные во второй раннединастический период вокруг городов Южной Месопотамии. Так, например, в Уруке раскопана стена, которую, согласно легенде, построил герой Гильгамеш. Эпос гласит:

Стеною обнес Урук огражденный
Светлый амбар Эанны священной.
Осмотри стену, чьи зубцы, как из меди,
Погляди на вал, что не знает подобья.
Прикоснись к порогам, что там издревле,
И вступи в Эанну, жилище Иштар,—
Даже будущий царь не построят такого,—
Поднимись и пройди по стенам Урука,
Обозри основанье, кирпичи оцупай.

Его кирпичи не обожжены ли,
И заложены стены не семью ль мудрецами?

Перевод И. С. Кацнельсона

В древней резиденции царей города Киш раскопан один из древнейших храмов, не имеющий помещений для отправления культа. Сохранились два строения и монументальный вход с лестницами. Главное здание было обнесено могучими крепостными стенами, окружавшими большой дворовый участок, оружейную мастерскую и литейную. К этому зданию примыкало несколько более легкое строение — резиденция. Ее главную часть составлял «тронный зал», поддерживаемый четырьмя колоннами. От двора главное здание отделялось по фасаду проходом, обрамленным колоннами. От одной комнаты резиденции сохранились обломки триумфального фриза с изображением воинов и пленных. Два аналогичных дворцовых комплекса раскопаны на территории Эриду.

При раскопках на территории Киша обнаружены остатки роскошно убранных могил, в которых, очевидно, были погребены цари. В гробницах вместе с мертвыми находились колесницы и упряжь, богато украшенная утварь и драгоценности. Некоторые не вполне определенные находки говорят о человеческих жертвоприношениях (рабочих и слуг).

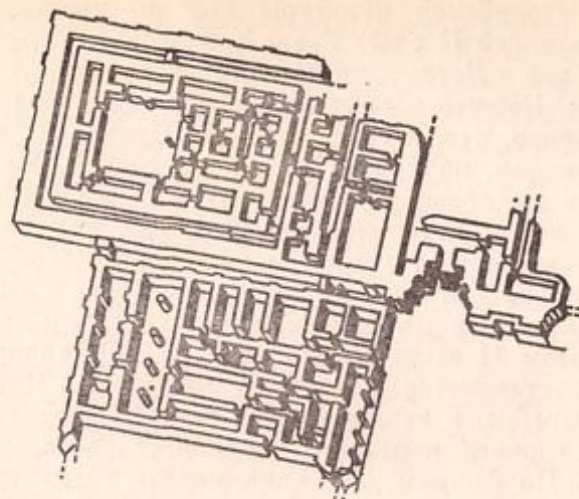
Гробницы Киша были превзойдены гробницами Ура. Их открытие археологом Л. Вулли явилось настоящей всемирной сенсацией. Из многочисленных захоронений этого богатого некрополя («город мертвых» по-гречески) по крайней мере три, судя по надписям на могильном инвентаре, принадлежали царям. Упомянуты Мескаламдуг, Акаламдуг и царица Пу'аби (это чтение проблематично). За ними следуют еще 13, менее богатых захоронений. В гробницы правителей были положены золотые шлемы и оружие, серебряные и золотые сосуды и орудия труда, музыкальные инструменты, покрытые благородными металлами (рис. 92), искусные мозаичные изделия, а также колесницы и упряжь. Но наибольшей достопримечательностью главных гробниц было наличие в них многочисленных человеческих жертв: солдат в шлемах, с оружием из меди, возникших, слуг, танцовщиц, музыкантов... Более 80 человек со своими орудиями труда и украшениями последовали за царем в потусторонний мир.

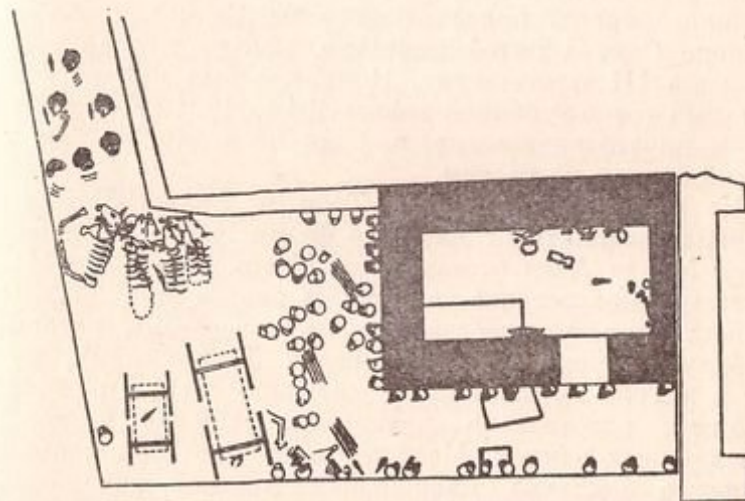
Возможно, их убил быстродействующий яд. Одна из камер гробницы была пустой, а в другой основное захоронение было женским. Анализ на C_{14} показал, что царские могилы датируются 2020 ± 300 г. Из найденных там драгоценных предметов вооружения наиболее известны золотой шлем Мескаламдуга (рис. 93) и богато украшенный золотой кинжал (рис. 94).

Богатство могил и многообразные формы оружия напоминают несколько более поздние погребения в Аладжа-Гуюке. Это дает право предположить, что процесс формирования государств достиг в это время значительного прогресса и на нагорьях Передней Азии. Девять раскопанных там гробниц содержали ценнейшие золотые и серебряные вещи. Их заполнили золотыми кувшинами (причем один был инкрустирован янтарем), золотыми и серебряными украшениями, драгоценным оружием, золотыми моделями туфель и своеобразными штандартами, воинскими или культовыми знаками из меди, символами солнца, отделанными золотом и серебром, а также фигурками животных. Самой ценной находкой был кинжал с золотой рукояткой и железным лезвием, свидетельствующий о том, что в III тысячелетии в Центральной Анатолии уже знали железо. Еще большую известность получил утраченный во время второй мировой войны золотой клад из Трои, который, по мнению открывшего его Шлимана, представлял собой сокровища царя Приама. Он, очевидно, был обнаружен среди развалин второй троянской крепости. Ее остатки еще более ясно, чем развалины первого дворца, говорят об особенностях резиденции правителя. Здания дворца походят на столь характерные для более поздней Греции постройки с мегароном. Мегарон прослеживается также в жилых домах и храмовых постройках, возводившихся в то время на территории Южной Анатолии, например в слоях XVI—XVIII Бейчесултана. Датруемые этими слоями храмы с алтарями, украшенными рогами и колоннами с глиняным покрытием, явно продолжают традиции Чатал-Гуюка и Хасилара [155, 105].

Особенности находок в Уре и Аладже присущи и таинственному комплексу находок, обнаруженному на территории Анатолии. До сих пор его видел и зарисовал только один археолог, все тот же Мелаарт [172]. Комплекс этот, очевидно, происходит из двух царских гробниц

Киш, Южный Ирак
Царский дворец раннединастического периода. 2600—2500 гг.
(по Малловану)

Ур, Южный Ирак
Могила 789. Раннединастический период. Ок. 2500—2400 гг.
(по Вулли)

западноанатолийской культуры иорпан, хронологически соответствующей II слою Трои. Если верить сообщениям, то нашли его в Дораке, но на самом деле это, скорее всего, не так. Кое-что в описании клада столь неправдоподобно красиво, что, в свою очередь, наводит на мысль о фальсификации, по крайней мере частичной. Но многие данные не вызывают никаких сомнений и вполне согласуются с ходом исторического развития, так что автор склонен считать этот комплекс находок в целом подлинным. Женские фигурки из золота, серебра, электрона и бронзы следует поместить между Хасиларом и минойским Критом II тысячелетия до н. э. Легендарно богатой представляется коллекция кинжалов. Клинки из бронзы, серебра, а также железа заканчиваются рукоятками из горного кристалла, янтаря, серебра, золота и лазурита. По формам они напоминают знаменитые микенские кинжалы, а украшениями в виде голов леопарда примыкают к наследию древней Анатолии. Церемониальные топоры из лазурита, нефрита, обсидиана и янтаря превосходят все изделия такого рода, раскопанные до сих пор. На обломках двух золотых пластинок из оклада деревянного трона, происходящего из Египта, стоит имя фараона Сахура пятой династии, правившего во второй половине III тысячелетия. Комплекс был найден якобы во время греко-турецкой войны 1919—1921 гг., с тех пор о нем ничего неизвестно, и, судя по всему, он был негласно продан по частям.

Но богатства «Дорака», Трои и Аладжа-Гуюка не должны заслонять от нас того факта, что в III тысячелетии Малая Азия отставала от Месопотамии. На Малоазиатском полуострове не осталось следов многочисленного населения, множества городов и деревень, которыми изобилует территория Междуречья. По-видимому, здесь, как и в Трое II, над селениями земледельцев и редкими городами властвовали правители, жившие в хорошо укрепленных замках. Месопотамия, в которой классовое общество достигло наибольших успехов, продолжала оставаться центром развития. О существовании классового общества в Междуречье сообщает в числе прочих свидетельств деревянный триумфальный памятный знак с мозаикой, так называемый штандарт, найденный в царских захоронениях Ура (рис. 95). Обе его основные стороны разделены на три мозаичных фриза. Одна про-

славляет победу неизвестного нам правителя, вторая воспроизводит праздничное пиршество. На верхнем фризе «триумфальной» стороны изображен царь, сошедший с запряженной онаграми колесницы; он осматривает связанных пленников, которых к нему подогнали воины, все на целую голову меньше него. На среднем фризе показаны воины, ведущие пленных, а на нижнем — четыре боевые колесницы, мчащиеся по трупам павших. На «мирной» стороне штандарта верхний фриз изображает победное пиршество с участием танцовщицы и музыканта, играющего на лире. На среднем и нижнем мозаичных фризах воспроизведена воинская добыча: скот, козы, овцы, газели, рыбы, упряжки онагров и т. д. Надписей нет, поэтому мы не можем определить, при каком царе был сделан штандарт. Известно только, что, как и большинство сокровищ из гробниц Ура, это произведение относится к концу раннединастического периода.

Несколько лучше мы осведомлены о правителе, которому посвящен другой памятник того времени: стела коршуну из Телло. Она славит *энси* Лагаша Эаннатума, сумевшего в результате кровопролитных военных действий против соседнего города Умма захватить канал, из-за которого поколениями шел спор, и несколько полей. К сожалению, от этого памятника, имевшего в высоту около 1,8 м, сохранилось всего лишь несколько обломков. На обеих сторонах стелы также помещены различные изображения (рис. 97): на одной воспроизведен бог города — Нингирсу, на другой — победа *энси* Эаннатума над жителями Уммы. В верхней части «царской» стороны показаны коршуны, клюющие тела павших воинов — отсюда и название стелы. На первой полосе изображен Эаннатум, во главе хорошо вооруженной фаланги шагающий по полю брани, усеянному трупами. На втором фризе он выступает вперед и пронзает копьём врага, изображение которого до нас не дошло. На нижнем фризе он держит перед собой копьё победы (?). Посередине воспроизведено погребение павших воинов и жертвоприношение божеству города Нингирсу. На другой стороне памятника, увековечившего ожесточенную вражду из-за нескольких гектаров земли, показан бог колоссального роста; на изображении в верхней части стелы он держит своих недругов в сети, в нижней — едет в колеснице богов.

Телло, Южный Ирак
Серебряный сосуд Энтемны
с фризом, изображающим
Имдугуда. Ок. 2500 г. (по
Христиану)

Имя Эннатума* стоит и на роскошной серебряной вазе с выгравированным на ней изображением Имдугуда, возвышающегося над двумя львами. Надписи, сделанные от имени царей, жрецов и чиновников, имеются также на многих печатях конца раннединастического периода. Среди них сцены борьбы зверей и демонических существ, отправления культа и работ в храмовом или дворцовом хозяйстве. Надписями покрыты и грушеобразные булавы, часто украшенные роскошными рельефами, которые цари и другие власть имущие по особым случаям дарили храмам. К ним относится булава Месилима из Киша, сохранившая наиболее древнюю подлинную надпись царя.

* Автор допускает ошибку: на вазе, как он правильно отмечает в подрисовочной подписи, стоит имя Энтемны.

Булава украшена изображениями львов в стиле второго раннединастического периода.

Письменность раннединастического периода сохранила уже не только имена царей. Архивы Шуруппака (Фара) (рис. 96) и Лагаша дают нам возможность реконструировать шумерское храмовое государство. Из надписей явствует, что в середине раннединастического периода здесь появляется семитическое население. Употребление в надписях аккадских имен и терминов свидетельствует о том, что во втором раннединастическом периоде в Средней Месопотамии наряду с шумерами жили аккадцы. Оба народа достигли одной и той же ступени экономического развития, поэтому исследования Шнайдер [248] и Даймеля [60] о структуре храмового хозяйства в Лагаше применимы ко всем городам-государствам. О жизни земледельцев, не принадлежавших к храмовому комплексу, мы не знаем почти ничего. Обрабатывавшаяся ими земля принадлежала, очевидно, родам, но продавалась и сдавалась в аренду, так как члены родов составляли правящий класс землевладельцев. Работали на земле прикрепленные земледельцы, которых разрешалось продавать, но только вместе с участком. Кроме того, существовали рабы, выполнявшие в господском доме обязанности слуг и ремесленников.

Лагаш в целом считался собственностью бога Нингирсу. Территория города, однако, была разделена не меньше чем на шесть храмовых хозяйств, каждое из которых принадлежало другому богу. Подобный многоступенчатый характер верховной собственности был очень далек от реальной действительности. Возможно, эти представления являлись пережитками древнего общинного землевладения, когда земля была племенной собственностью. Но племена как форма организации родового общества в Шумере давно распались, и их место заняли культовые общины, группировавшиеся вокруг храмов.

Не родство, а местожительство шумера вблизи того или иного храма определяло его принадлежность к культовому сообществу, в которое, разумеется, рабы не допускались. Шумерские храмовые хозяйства, где жители были организованы не по происхождению, а по месту жительства, выявляют одну из особенностей, характерных, по мнению Фридриха Энгельса, для государства:

«По сравнению со старой родовой организацией госу-

дарство отличается, во-первых, разделением подданных государства по *территориальным делениям*. Старые родовые объединения, возникшие и державшиеся в силу кровных уз, сделались, как мы видели, недостаточными... Такая организация граждан по месту жительства общепринята во всех государствах» [4, 170].

Фридрих Энгельс, который, естественно, еще не мог опираться на данные о Шумере, исследовал на примере Афин переход от родового общества к государствам, организованным по территориальному принципу. Однако его комментарий по поводу «революции Клизфена» помогает истолковать и историю храмового хозяйства в Шумере. В 508—506 гг. Клизфен провел в Афинах далеко идущую реформу государственного устройства, которая устранила последние остатки родового строя. Энгельс пишет: «Новая организация управления, проведенная Клизфеном, игнорировала деление на четыре древних племени, основанных на родах и фратриях. Ее место заняла совершенно новая организация на основе уже испытанного... разделения граждан только по месту их жительства. Решающее значение имела уже не принадлежность к родовым союзам, а исключительно место постоянного жительства...

Вся Аттика была разделена на сто самоуправляющихся общин-округов, или демов. Живущие в каждом доме граждане (демоты) избирали своего старейшину (демарха) и казначея, а также тридцать судей, которым были подсудны мелкие тяжбы. Демы получали также собственный храм и бога-покровителя или героя, для которого они выбирали священнослужителей. Высшая власть в деме принадлежала собранию демотов...

Десять таких единиц, демов, составляли племя, которое, однако, в отличие от старого родового племени стало называться теперь территориальным племенем...

Венцом этого явилось афинское государство, которое управлялось советом, состоявшим из пятисот избранных представителей десяти племен, а в последней инстанции — народным собранием...» [4, 117—118].

Принадлежность к демам передавалась по наследству. Гражданином Атики считался тот, кто значился в списках дема. Клизфен принял в демы многих вольноотпущенников и иноземцев, благодаря чему прежняя общность людей по происхождению утратила свое значение.

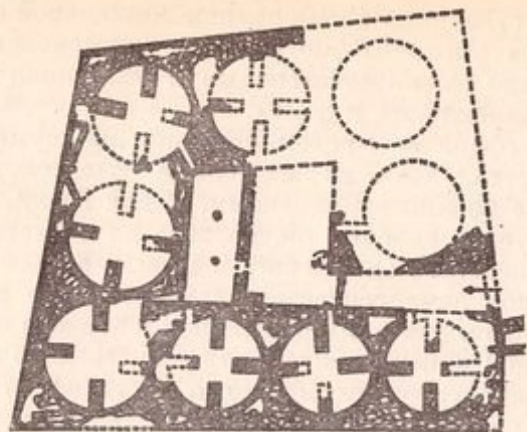
Реформа имен, связанная с изменением социальной структуры, запретила употребление родовых наименований и узаконила только имена собственные и *демотикон* (указание на принадлежность к дему).

Афины Клизфена во многом походили на шумерские города-государства, хотя их разделяли тысячелетия и иное отношение ко многим явлениям. И для Афин, и для Шумера характерно деление государства на области, жители которых почитали одного бога и ходили в один храм. Собранию членов дема соответствовало собрание воинов Урука, описанное в эпосе о Гильгамеше, в эпизоде борьбы против Агги из Киша. Из эпоса, относящегося ко второму (?) раннединастическому периоду, явствует, что высшим органом считалось общее собрание всех лиц, способных носить оружие. Оно решало вопросы войны и мира и было правомочно отменять постановления Совета старейшин, *демархов*.

Но между древней Грецией и Шумером есть и существенные различия. В аттическом государстве торговой демократии храмы дема были лишь придатком государственной власти, тогда как в Шумере они стали главной формой общественной организации. В Афинах территориальные объединения вскоре были уничтожены самим процессом развития, а в Шумере укрепление ритуала, слияние местных общин с религиозным культом привело к их стабилизации. В Фара — Шуруппаке работающая часть населения была организована в кланы по профессиональному принципу [6]. Когда именно у шумеров были их «Клизфены», сейчас установить невозможно. Превращение племенных объединений пришлых шумеров в объединения территориальные и их слияние с населением убейдской культуры произошло, очевидно, уже в IV тысячелетии и отразилось в возвышении храмовых хозяйств.

Наследственная принадлежность к пастве одного храма, несомненно, была пережитком древней родовой организации. Высшие права собственности божества на землю и даже на всех членов культового объединения — отголосок древней родовой собственности и исчезнувших родовых союзов. Но в раннединастический период все эти явления уже были только застывшими формами, под которыми скрывалось классовое общество, причем скрывалось так глубоко, что многие буржуазные историки

Хирбет-Керак, Палестина
Храм и кладовые общины. Конец III тысячелетия
(по Апати)

находили в Шумере «религиозный государственный социализм». Они руководствовались тем, что, как сказано выше, бог считался верховным владельцем всего храмового хозяйства и что храмовые хозяйства из своих запасов выдавали пайки всем последователям культа. При этом историки обычно игнорировали тот факт, что запасы эти некогда принадлежали роду, но впоследствии были поставлены под защиту божества и приданы храму. Это особенно ясно видно на примере несколько более позднего храма из Хирбет-Керака в Палестине. Здесь зал храма, имеющий в длину около 10 м, находился в массивном здании размером 40×40 м. Из помещения, где происходило отправление культа, и из коридора входы вели в девять больших круглых кладовых с керамикой. Поскольку селение близ храма носило еще ярко выраженный общинный характер, склады не могли принадлежать жрецам (рис. 98, 100, 101).

Но в храмовых хозяйствах раннединастического периода первоначальная общинная собственность давно перестала существовать. Об этом явно свидетельствует способ раздела земли. Переделы полей производились через определенные промежутки времени, а потом и ежегодно, но не по числу членов семей или работающих, а

исключительно по классовым принципам. Так, в конце раннединастического периода храму богини Бау принадлежало около 2,5 тыс. га пахотной земли. Около пятой части земли не подлежало разделу, а оставалось во владении храма, то есть коллектива жрецов; для обработки ее они нанимали от 90 до 100 рабочих, с которыми расплачивались продуктами. Эти наемные рабочие (очевидно, солдаты, зарабатывавшие таким образом в мирное время на жизнь) назывались *шуб-лугаль* («подданные царя»). Не исключено, что первоначально они были государственными рабами и выполняли работы по ирригации в сельском хозяйстве, а также выступали в роли городской полиции. Одновременно у храма были и рабы, которые использовались в качестве садовников и носильщиков, выполняли всю тяжелую физическую работу, помогали на кухне и в пивоварнях, а главное, ткали и пряли. Их заранее исключали из участия в переделе земли. Паяк, который зависел от тяжести выполняемой ими работы, никоим образом не был заработной платой; он лишь должен был восстановить их рабочую силу.

Остальная земля делилась по строгим правилам. Ремесленники получали от 35,28 до 105,8 ара, повара и пекари — от 70,5 ара до 2,11 га, так как их профессии считались привилегированными. Заработную плату они получали в виде пайков, а также земельных участков, которые в дополнение к основной работе должны были обрабатывать вместе со своей семьей. Им противостоял правящий класс. Принадлежащие к нему лица получали участки по 15—20 га. Цари имели обычно намного больше 100 га и нередко присваивали даже храмовые земли. Так, например, царь Лугаланда из Лагаша имел семь имений общей площадью в 161 га, а его жена Барнамтара — еще два имения, занимавших больше 66 га. Эти огромные частные владения обрабатывались рабами и наемными рабочими. Пережитком древних коллективных форм ведения хозяйства является, по-видимому, концентрация семян и тягловых животных, употреблявшихся для обработки земли, во владении храма, что часто становилось дополнительным источником эксплуатации. Так, в одной надписи из Шуруппака упоминаются 9660 ослов, с помощью которых обрабатывали землю [6, 48].

Ряд договоров о продаже полей и садов говорит о том, что неправильно полагать, будто в Шумере в то время не

существовало частной собственности на землю. Действительно, отдельные лица не имели своей земли, но семейные или родовые группы владели участками, которые с их общего согласия могли быть проданы. Собственниками земли выступали только свободные лица. Производительным трудом занимались полусвободные — *гуруш*, которые не имели права покидать землю; подобно средневековым крепостным, их продавали только вместе с землей, скотом и орудиями труда в противоположность рабам, которых было значительно меньше. Ремесленники и наемные получали заработную плату в виде земельных участков, шерсти, хлеба, солода или рыбы.

Следовательно, в храмовом хозяйстве Шумера существовало несколько классов. Члены господствующего класса — чиновники и жрецы — по их экономическому положению были крупными землевладельцами и хозяевами мастерских. Кроме того, они владели в порядке коллективной собственности храмовыми усадьбами и мастерскими. Они эксплуатировали многочисленные классы и слои населения. В самом низу находились принуждаемые к участию в производстве бесправные и неимущие рабы. Затем шли свободные наемные рабочие, обслуживавшие храмы и крупных землевладельцев; они, по-видимому, также не получали земельных участков. Своего рода промежуточный слой составляли храмовые ремесленники, владельцы небольших земельных участков, являвшиеся тем не менее объектом эксплуатации. С ними можно сравнить землевладельцев, членов сельских общин, а также рыбаков из приморских селений, эксплуатация которых выражалась прежде всего во взимании с них налогов.

Итак, шумерское храмовое хозяйство на самом деле было очень далеко от «государственного религиозного социализма». Оно, скорее, представляло собой сильно дифференцированное классовое общество, лишенное какой-либо гармонии классов. Недаром в надписях последнего правителя Лагаша Урукагины (около 2350 г.) сообщается о социальных столкновениях и обостренном положении. Урукагина, очевидно, пришел к власти в результате государственного переворота, которому способствовало общее недовольство.

Одна из надписей гласит:

«С дней давних, с древнего времени, тогда корабель-

щики-мытари * корабли выставляли, ослов пастухи-мытари выставляли, овец пастухи-мытари выставляли, жрецы шутуг ** зерно за аренду на (самом) болоте отмеряли.

Пастухи овец руноносных взнос за овцу белую серебром платили. Землемер, жрец-чтец главный, агриг ***, пивовар, надзиратели взнос за ягненка-первинку серебром платили.

Быки богов огород патеси **** обрабатывали. Поле хорошее богов огородом, местом радости патеси стало. Ослы тягловые, быки в ярма всех верховных жрецов им впрягались, зерно всех верховных жрецов войны патеси выдавали.

Одежду широкую богини Нинуггинина, одежду... нитки... шлем бронзовый, гвозди бронзовые... кожу блестящую... козьей шерсти одежду все верховные жрецы в качестве взноса вносили.

Жрец снабжения в саду матери бедняка деревья рубил, плоды собирал.

Покойник к гробнице положен — пива его 7 кувшинов, хлебов его 420 это, $\frac{1}{2}$ меры зерна «хази», 1 одеяние, 1 козленка наилучшего, 1 ложе „кушу“ (богини) Нинни, $\frac{1}{4}$ меры зерна человек причитания уносил...

Начиная с границы бога Нингирсу вплоть до моря контролеры суда пребывали...

Божественный закон прежде стал осуществляться, когда бог Нингирсу, витязь бога Энлиля, Урукагине царство Лагаша передал, из среды 36 000 мужей власть его установил. Божественные решения прежние он (т. е. Урукагина) к ним (т. е. людям) приложил, слово, которое царь его Нингирсу ему сказал, он установил.

От кораблей корабельщика-мытаря он устранил, от ослов, от овец пастухов-мытарей он устранил, от сетей рыбака-мытаря он устранил, от зерна за аренду жрецов-шутуг заведующего закромом он устранил.

От обязательства уплачивания в серебре за овцу белую, за ягненка-первинку контролеров его он устранил.

От взноса, который все верховные жрецы ко дворцу вносили, контролеров его он устранил.

* Сборщики налогов.

** Жрецы, умащавшие статуи богов.

*** Крупный чиновник государственного и храмового управления.

**** Правитель Лагаша (правильнее — энси).

В доме патеси, в поле патеси бога Нингирсу царем их поставил, в доме дома жены, в поле дома жены богиню Баба владычицей их поставил; в доме детей, в поле детей бога Шугнаггана царем их поставил.

Начиная с границы Нингирсу вплоть до моря контролеры человеку не повелевали.

Покойник к гробнице положен — пива его 3 кувшина, хлебов его 80 это, 1 ложе, 1 козленка наилучшего „кушу“ (богини) Нинни, $\frac{1}{3}$ меры зерна человек причитания уносил...

Жрец снабжения в сад матери бедняка не вхаживал.

Если подчиненному царя осел хороший рождается и если надзиратель его „хочу у тебя купить“ скажет (то), если он (т. е. подчиненный царя) когда он ему (т. е. надзирателю) продает, „серебро для удовлетворения моего хорошего отвесь мне“ ему скажет, (или же) когда он ему не продает, надзиратель в гневе из-за этого пусть его не избивает!

К дому человека большого дом подчиненного царя граничит, (и) если человек большой этот „хочу у тебя купить“ скажет, (то) если он (т. е. подчиненный царя) когда он ему (т. е. человеку большому) продает, „серебро для удовлетворения моего хорошего отвесь мне!“... ему скажет, (или же) когда он ему не продает, человек большой в гневе из-за этого пусть его не избивает!

Он приказал детей Лагаша от подати жизни, меры установленной, зерна усушенного, грабежа, убийства, разрушения дома освободить (букв. „очистить“), право их создал. Чтобы сирота (и) вдова мужу, силу имеющему, не предавались с богом Нингирсу Урукагина слово это установил» (*Перевод В. В. Струве*).

Урукагина не утверждает, что он устранил могущественных и освободил бедных — он лишь положил предел злоупотреблениям властью. При нем государство превратилось в силу, «стоящую, по-видимому, над обществом», силу, которая бы умеряла столкновения, держала его в границах «порядка».

В обществе Лагаша социальные противоречия так обострились и приняли столь непримиримый характер, что классовая борьба грозила уничтожением всего общества. Правитель выступил как друг народа и действительно, очевидно, кое-что сделал для облегчения судьбы народных масс. Классовые неурядицы были, наверное,

причиной того, что, когда правитель соседнего государства напал на Лагаш, его высшие слои оказали ему поддержку. Лугальзаггиси, царь Уммы, покорил Лагаш.

Вслед за этим он уничтожил рамки, в которых существовал старый город-государство. Не ограничившись завоеванием его территории или уничтожением соперника, он объединил всех шумеров в одном государстве. Действуя из Уммы, он захватил власть над Уруком и отныне называл себя «правитель Урука и страны Шумер».

Возникновение непримиримых классовых противоречий привело к тому, что во всех городах-государствах выделились враждебные группировки. Все яснее становилось, что интересы соответствующих классов и слоев в различных городах-государствах совпадают. Классовая борьба развивалась на всей территории Шумера и подрывала основы культовой общности. Она создала возможности для возникновения крупного государства, охватывающего территории многих городов, а следовательно, и для устранения последних пережитков общинного строя: наследственной принадлежности к одному храму и одному городу.

Однако Лугальзаггиси еще хранил верность старым традициям. Правда, его империя охватила всю Месопотамию, но она оставалась лишь суммой захваченных им городов-государств. Храмовые жрецы того времени сформулировали это так: «Энлиль заставил прийти к нему все страны от Нижнего моря (Персидского залива) до Верхнего моря (Средиземного), включая те, что лежат вдоль Тигра и Евфрата». Лугальзаггиси присвоил себе функции всех местных правителей. Как правитель Ниппура он называл себя «Старый энси Энлиля», как правитель Ура — «Великий визирь Су-эн», как правитель Ларса — «Наместник Уту», как регент Урука — «Жрец-очиститель Ану». Центральный аппарат, очевидно, еще не был создан.

Лугальзаггиси — имя шумерское, но имя его отца и божественные наименования многих титулов, например, «Су-эн из Ура», выдают в царе аккадянина. Его отец, да и он сам были жрецами Нисабы из Уммы. Он пришел к власти в результате государственного переворота и, очевидно, был свергнут узурпатором. Его победы вызвали к нему вражду, а завоевания — зависть. В своих надписях он озабоченно сообщает: «Энлиль, владыка стран,

передай твоему возлюбленному отцу Ану мою просьбу о том, чтобы он продлил мне жизнь и дал моим землям пребывать в безопасности. И пусть он даст мне столько воинов, сколько растет травы... И да не изменят боги хорошей судьбы, которую они мне определили...»

У Лугальзаггиси были все основания тревожиться. Его примеру последовал еще более могущественный правитель — сын садовника аккадянина Ла'ипу, который, взойдя на престол, принял имя Шаррукин — Истинный царь (рис. 99). Он силой захватил трон древнего Киша. Шаррукин считал себя аккадянином, и вскоре шумерский стал языком только жрецов и ученых. Будучи способным организатором и военачальником, он создал первое действительно большое государство в Передней Азии. Победив в бою своего предшественника, он выставил его в клетке перед храмом Элилия в Нипшуре для всеобщего обозрения. Древневавилонская хроника сообщает по этому поводу: «Шаррукин, царь Аккада, возвысился милостью Иштар (аккадская форма богини плодородия Инаны), и не было у него ни врагов, ни противников. Снятием своим озарил он земли свои. На востоке он перешел море и на одиннадцатый год (его правления) завоевал страну Запада до самого конца... Он всецело правил над всеми землями совокупно».

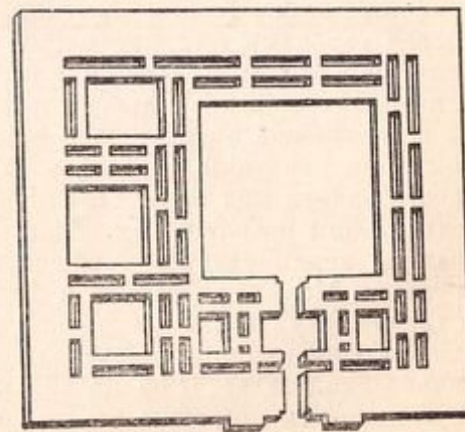
Чтобы окончательно порвать связь со старыми городами-государствами, он основал новую правительственную резиденцию — город Аккад, остатки которого до сих пор не найдены. Саргон — так впоследствии сократили его имя — дал своим подданным «федеральную конституцию». Он писал: «От Нижнего моря до Верхнего моря наместниками были граждане Аккада». Вскоре наместники Саргона стали называть себя рабами царя, да они и в самом деле были таковыми. Всю страну покрыли военные лагеря. Одна из таких аккадских крепостей, возведенная на площади 1 га четвертым царем Аккада Нарамсином, раскопана в Телль-Браке в Северной Сирии. Государство опиралось на чиновничий аппарат и постоянное войско; «5400 воинов едят ежедневно пред его очами», — сообщают надписи.

При аккадах произошла, очевидно, и унификация права, в конце концов завершившаяся в XVIII в. до н. э. созданием «Кодекса Хаммурапи». Отныне юридическое положение человека определялось не его происхождением,

а классовой принадлежностью. Так закончилось формирование классового общества и стоящего как будто над ним государства. Наконец цари Аккада встали на места бывших богов. Нарамсин, «бог Аккада», велел изобразить себя на знаменитой триумфальной стеле (рис. 102) в шлеме с рогами, в каком раньше изображали только богов, и принимал присягу на свое имя. Медный бюст Саргона (?) почти в натуральную величину, найденный в Ниневии, уже проникнут явным стремлением к божественному совершенству. Даже печати аккадского времени поражают ясностью, простотой и «величественностью».

Не прошло и двухсот лет, как аккадское государство пало под натиском молодых горных народов-гутиев. Шумерам, жившим на территории Южного Ирака, впоследствии удалось еще раз создать государство. Но это уже был не город-государство и не союз городов-государств, а большое государство типа аккадского. И для всех последующих государственных образований Аккад оставался образцом, ибо это было первое в Передней Азии государство классового общества, последовательно основывавшееся на территориальном принципе. Шумерский город-государство как последняя в Месопотамии переходная форма от первобытнообщинного к классовому обществу канул в вечность.

Возникшее ныне общество отнюдь не было гармоничным. Даже царям постоянно угрожала смерть от руки собственных подданных. Надписи, сделанные позднее,

Телль-Брак, Северная Месопотамия
Аккадская крепость времени Нарамсина. XXIII в. (по Малловану)

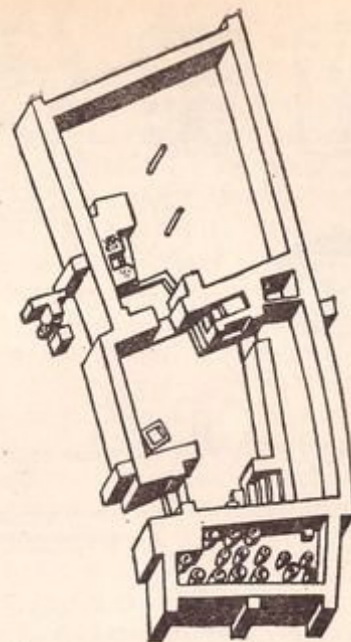

свидетельствуют о том, что почти все аккадские цари погибли при мятежах. Так, например, «Шаррукина его солдаты сбросили в яму, и все вместе убили своего повелителя» [85]. Бедным оставалось только бегство в поусторонний мир, «надежда на богов». К богине Нанше обращались с такой мольбой: «Та, которая знает сироту, которая знает вдову, знает угнетение человека человеком, мать сироты Нанше, которая заботится о вдове и ищет справедливости (?) для беднейших». В конце III тысячелетия бедняки надеялись, что эта богиня вместо них отомстит угнетателям: «Чтобы утешить сирот, и чтобы не было больше вдов, и чтобы сотворить для власть имущих место погибели, и чтобы поставить бедняков над власть имущими, Нанше проникает в сердце человека» [137, 87]. Но как далек этот «воплъ страждущего существа» от родовых святынь жилых кварталов Чатал-Гююка! Религия теперь отражала безвыходное положение угнетенных классов. В ней преобладало социальное содержание: «Религиозное убожество есть в одно и то же время выражение действительного убожества и протест против этого действительного убожества. Религия — это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, подобно тому как она — дух бездушных порядков. Религия есть *опиум* народа» [1, 415].

Новая организация государства победила не сразу. Храмовые хозяйства и города-государства еще долго продолжали существовать в аккадском государстве, хотя торговля, обмен продуктами и работоторговля давно перешагнули их границы и крепостные стены. Торговые караваны и корабли покрывали тысячи километров, но перед городами они неизменно наталкивались на пограничные заставы и сборщиков налогов. Политическая организация города-государства превратилась в препятствие для дальнейшего развития хозяйства. Теперь в Аккадской империи караваны двигались из Малой Азии до Персидского залива под защитой аккадских войск. Сообщение о завоевании пограничных областей на берегу Персидского залива заканчивается торжествующей фразой: «Отныне суда из Мелуххи, Магана и Дильмуна могли беспрепятственно бросать якорь в речной гавани Аккада».

Наименования прибывающих издалека торговых партнеров свидетельствуют не только о стремлении аккадян организовать широкую торговлю. Они наводят на мысль

Гисар, Северо-Восточный Иран
Дворец. Частичная реконструкция. Конец III тысячелетия (по Малловану)

о параллельном развитии в долинах обеих больших рек — Инда и Нила, — ибо наименования Маган и Мелухха имеют к ним непосредственное отношение. Дильмуном, очевидно, называлась группа Бахрейнских островов. Маган и Мелухха в ассирийских и вавилонских источниках II и I тысячелетий до н. э. явно означают Египет и Нубию, но какие страны называли этими именами шумеры и аккадяне?

До сих пор не обнаружено свидетельств торговых отношений аккадян с Египтом, зато в отношении Индии таких доказательств много. Уже в третий раннединастический период Шумера в оставшихся от него источниках фигурирует название Маган, но предметы из долины Инда встречаются в больших количествах и в находках, датированных предыдущими слоями. Среди вещей, относящихся к эпохе Аккада, их больше всего.

На Белуджистанском нагорье наряду с культурой Кветта, связанной со Средней Азией, появилось еще несколько стилей расписной керамики. На севере это была несколько более ранняя цхобская культура с уже индийскими мотивами росписи, как, например, оленья анти-

Астарабад, Северо-Восточный Иран
Часть комплекса находок, в том числе вещи шумерской работы.
Конец III тысячелетия (по Смиту)

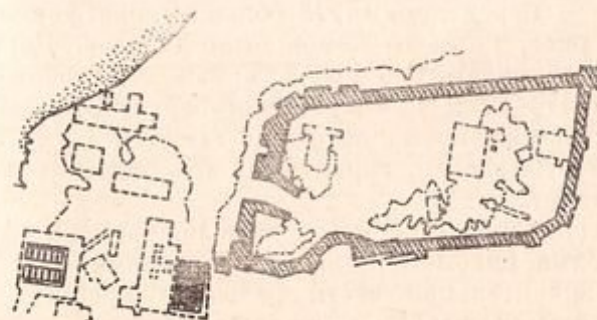
лопа. В Центральном и Южном Белуджистане была распространена относящаяся к III тысячелетию керамика Тогау, для которой типично изображение животных черным по красному фону. Она напоминает западноиранские образцы (Сналк III). Старше их обеих культуры Южного Белуджистана, возникшие, очевидно, еще в IV тысячелетии: Нал, а в нижнем течении Инда — поселение Амри. Они отдавали предпочтение геометрическим узорам. В начале III тысячелетия в области Нала возобладали родственная раннединастической керамике Сузианы (Сузы Д) керамика Кулли (рис. 103). Она тесно связана с долиной Инда и, возможно, даже способствовала возникновению отношений между Индией и Месопотамией, осуществлявшихся по древним путям сообщения через Северный Иран и Афганистан. На этих путях в конце раннединастического периода и во время господства аккадцев появились ранние восточные государства.

В Афганистане в конце III тысячелетия существовал сильный город-крепость Мундигак (IV) (рис. 104, 105,

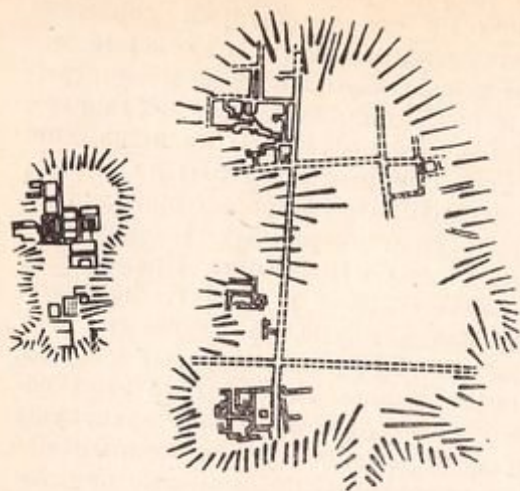
106). Архитектура его дворца-храма напоминает месопотамскую. В найденной на его территории керамике соединились среднеазиатские, иранские и индийские мотивы. Скульптура носит следы индийского и месопотамского влияний. Аналогичные цивилизации существовали и в Северном Иране. В Тепе-Гисар (III В) на пожарище дворца обнаружены многочисленные предметы из золота, серебра и драгоценных камней. Под мусором скрывались останки защитников крепости и их родных. В одном помещении лежали запасы пшена и пшеницы. Кроме того, на этом же или на соседнем холме в 1841 г. были открыты сокровища, известные в науке по названию ближайшего города Астарабада. Это были золотые сосуды, серебряная утварь, медное оружие. Рельефы на этих вещах, а также форма сосудов несомненно свидетельствуют о шумерском стиле. К сожалению, все эти ценные находки со временем были утеряны. С ними можно ознакомиться только по рисункам, сделанным в XIX в.

Но все эти государства представляли собой сравнительно небольшие культуры, ограничивавшиеся горными долинами. А вот в долине Инда во второй половине III тысячелетия процветала самобытная культура, породившая в Хараппе на севере и в Мохенджодаро на юге, несмотря на разделявшие их сотни километров, почти аналогичные изделия. Моде [184] предполагает, что цивилизация в долине Инда создала единое государство, имевшее, очевидно, столицы на севере и на юге, дошедшие до нас в виде развалин Хараппы и Мохенджодаро.

Хараппа, Пакистан
Крепость и дома рабочих, мастерские и кладовые. III тысячелетие (по Пигго)

Мохенджодаро, Долина Инда, Пакистан
План города с крепостью. Вторая половина III тысячелетия (по Пигго)

Одновременно существовало бесчисленное множество городов и деревень, из которых уже выявлено свыше ста.

В Хараппе и Мохенджодаро уже явно господствовали классовые отношения. Для архитектуры этих городов характерны ярко выраженные особенности. Все дома сложены из обожженного кирпича. К западу от вытянутой жилой части города возвышалась массивная крепость. В Хараппе крепостная стена окружала цитадель, имевшую в длину больше 400, а в ширину больше 200 м. На ее территории сохранилось очень мало следов жилых построек. На севере к крепости примыкал весьма типичный для Индии квартал жилых домов для рабочих площадью 18×8 м. Они поднимались двумя рядами на кирпичной платформе. 15 домов сохранились. Судя по расположенным перед домами 18 большим платформам для обмолота риса, когда-то домов было больше. Дальше к северу двумя рядами по шесть в каждом стояли сараи площадью 17×17 м для хранения зерна. Они помещались на утрамбованной платформе высотой 1,2 м. Чтобы запасы не отсыревали, сараи были оборудованы воздушными шахтами.

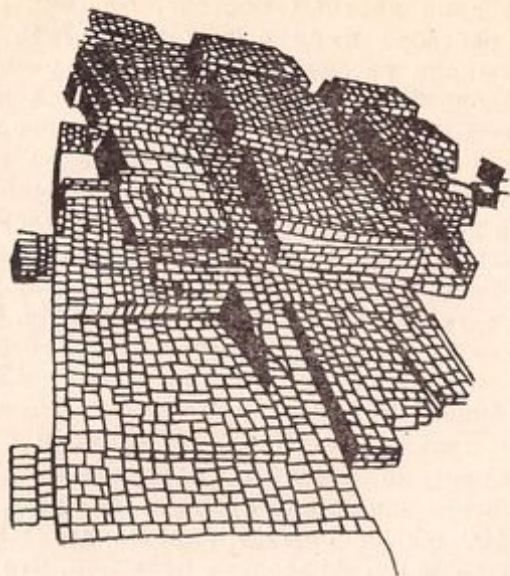
В Мохенджодаро крепость возвышалась на искусственном холме рядом с жилыми кварталами. К сожалению, на значительной части развалин крепости стоят буддийский монастырь и святилище. Поэтому раскопать

их невозможно. При раскопках в другой части крепости была высвобождена баня, самое крупное сооружение подобного рода на древнем Востоке. Бассейн из битума и гипсового раствора имел размеры 10×7 м. С севера к нему примыкали восемь бань меньшего размера. На западном склоне холма располагался склад для зерна с 27 камерами площадью 50×25 м. В северо-восточном углу возвышался дворец. Построенная по правильному плану жилая часть города включала большие и маленькие жилые дома, лавки и кварталы ремесленников.

Из меньших поселений интересен открытый в 1956 г. в устье р. Сабармат портовый город Лотхал. Дома стояли на террасах, где им не угрожало наводнение. Среди строений Лотхала выделялись два сооружения: огромный квадратный бассейн в порту и комплекс из 12 кирпичных блоков кубической формы, отделенных один от другого мощеными проходами. Пол в проходах и стены блоков были обожжены до красноты. Груды пепла и обуглившиеся куски дерева заполняли проходы. В одном месте лежало около 100 обожженных глиняных подвесных печатей (булл) с оттисками. Археологи полагали, что нашли кирпичный завод, но, скорее всего, это был городской архив. В блоках находились, по-видимому, деревянные стойки для хранения исписанных пальмовых листьев. Глиняные буллы — остатки удостоверенных документов. К сожалению, в отличие от шумеров и аккадян, использовавших для письма глиняные таблички, древние индийцы, так же как египтяне, писали на непрочных материалах с той лишь разницей, что в Египте благодаря климату они сохранились, а в долине Инда — нет.

Индийское письмо известно нам по немногочисленным анакам на орудиях труда, сосудах и по сотням печатей, найденных во многих индийских селениях. Это преимущественно квадратные, реже круглые таблички, на которых повторяются изображения шагающего слона, носорога, гаура, буйвола, крокодила, зебу, тигра, фантастических существ, представляющих собой сочетание рогатого животного, тигра и слона или женщины и овцы. Очень часто встречается единорог, изображавшийся на культовых столбах и широко распространенный также на сосудах культуры Кули. Реже в письме попадаются изображения богов, ритуальных сцен, укротителей зверей или танцоров, богини на дереве, бога, помещенного между

Лотхал, Индия
Архив (?). 2000 г. (по Моде)

Лотхал, Индия и Джочча, Ирак
Глиняные буллы с оттисками печатей культуры долины Инда.
III тысячелетие (по Моде и Шейлю)

слоном и носорогом, тигра и буйвола и множество других мотивов (рис. 107—111). Непрестанно повторяются надписи, состоящие из больших картинных знаков и означающие, по-видимому, имена или обращения к богам. Дошедшие до нас надписи слишком коротки, чтоб по ним можно было изучить язык. Они, однако, доказывают, что Индия также создала и употребляла свою собственную систему письма. Отсутствие более пространных текстов объясняется лишь тем, что они были написаны на непрочном материале, может быть на пальмовых листьях, которые впоследствии употреблялись для этой цели очень широко.

Резные изображения на печатях сделаны с большим мастерством. С ними могут сравниться лишь немногие маленькие статуэтки, например медная фигурка танцовщицы, найденная в Мохенджодаро (рис. 112), и стеатитовый бюст мужчины (рис. 113). О необычайно искусном воспроизведении образов людей свидетельствуют два мужских торса из Хараппы, приближающиеся по своему совершенству к лучшим греческим скульптурам. Керамика была представлена в долине Инда прекрасными расписными сосудами. Но вовсе не они, а печати и несколько изделий из камня дают возможность связать культуру долины Инда с государствами Двуречья. В слоях Телль-Асмары аккадского периода обнаружены печати индийского происхождения, в том числе одна цилиндрическая печать с изображениями животных, обычных для индийских храмов: слона, панцирного носорога, гавиала — остромордого крокодила, который водится в Инде. В области распространения культуры Инда найдена всего лишь одна цилиндрическая печать. На ней изображены носороги и детеныши бегемота. Ни эта, ни цилиндрическая печать из Асмары не могли быть чисто индийским явлением. Но не только на них индийская тематика изображений сочетается с типичной для Месопотамии формой печати: на печати из Суз воспроизведен гаур, на цилиндрической печати из Ура — стоящий под деревом зебу; аналогичное изображение найдено в Хаме.

Следовательно, должна была существовать промежуточная культура — вероятно, в Южном Иране, — объединившая месопотамскую технику изготовления печати с индийским стилем изображений, древним Маганом. Датская экспедиция раскопала на Бахрейнских островах по-

добную промежуточную культуру с круглыми печатями, выполненными в традиции Сузы конца IV тысячелетия. Принадлежащие ей печати были найдены при раскопках в Уре и Лотхале, портовом городе культуры долины Инда. В Уре найден также отпечаток индийской печати, к которому ближе всего стоит печать, раскопанная в Хараппе. В Дьёчче в Южном Ираке [244] найдена глиняная подвесная печать с оттиском, происходящая из долины Инда и весьма напоминающая такие же изделия из Лотхала. Нет ничего более естественного, чем связать появление индийских мотивов в районе Двуречья с кораблями из Магана и Мелуххи, о которых тексты конца III тысячелетия сообщают: «Жители Мелуххи, люди Черной страны, доставляли изделия всех стран» [79]. Как показывают находки из Суз, наряду с хлопком они, очевидно, привозили рис. В тех же Сузах найдена печать, типичная для культуры долины Инда. В аккадских городах часто встречаются упоминания о переводчиках, которые владели языком Мелуххи [198, 64].

Маганом, по-видимому, называли северо-восточную оконечность Аравийского полуострова и лежащее напротив Иранское побережье. Еще в бехистунской надписи Дария I нынешние Оман и Москат упоминаются как провинция или сатрапия «Мака» [56, 69]. Этому не противоречит, что алебастровые сосуды с надписью «Добыча из Магана», относящиеся ко времени правления Нарам-сина, происходят из Египта: Южная часть Аравийского полуострова также поддерживала связи с долиной Нила.

Шахермайер [235] еще много лет назад считал научным мифом широко распространенное мнение о том, будто в древности навигация ограничивалась каботажными плаваниями. Действительно, трудно поверить, что в лотхальском порту, который при одинаковом устройстве намного превосходит по площади порты финикийцев, не снаряжались в дальние плавания большие суда.

Из Индии в Шумер и Аккад наряду с рисом и хлопком ввозили бусы из сердолика с выжженными белыми узорами. Об этом свидетельствуют найденные при раскопках во многих местах Месопотамии бусы из Мохенджодаро. Гудеа (рис. 114), правитель Лагаша после падения аккадского государства (ок. 2164—2144 гг.), среди своих даров храму называет «светлый сердолик из Мелуххи» [79, 177]. От него же исходят сведения о том, что

из Магана и Мелуххи ввозилось дерево [79, 152]. Из Мелуххи поступали также золотой песок, пурпур и куры (эти птицы упоминаются в храмовых кормовых ведомостях конца III тысячелетия). Куры могли быть завезены только с территории Индии, где найдены их кости и скульптурные изображения [143, 247]. Куры упоминаются на позднешумерских изображениях богов как «твари из черной чужеземной страны» (по цвету кожи жителей Мелуххи): «У петухов из чужеземной страны может быть борода из сердолика» [80, 104]. Упоминаемая в следующих строках птица также типична для Индии: «Твоя птица — птица чайя, ее крик можно услышать во дворце царя». Это павлин, название которого отражает ее громкий крик. В следующем абзаце этого сочинения об Энлиле речь может идти также только об Индии, а не об Египте: «Камыш твой — длинный камыш... Герои на поле брани [могут] размахивать сделанными [из него] булавами». Булавы можно сделать только из камыша одного вида — из индийского бамбука, который индийские полицейские еще в наши дни употребляют в качестве палок.

Трудно сказать, сколько времени продолжались контакты между долиной Инда и Месопотамией, которая во второй половине III тысячелетия достигла наивысшей точки своего развития. Не известно, когда возникла и погибла культура долины Инда, остатки которой, по-видимому, исчезли под илистыми отложениями реки. При раскопках в Мохенджодаро доказано, например, что за время существования города уровень окружавшей его долины повысился на 5 м. К этому следует добавить воздействие врага, который уже в раннединастический период угрожал Шумеру: соли, находившейся во всех грунтовых и речных водах. Она оставалась на полях орошений и уничтожала посевы, ибо ни одно полезное растение не может произрастать, если почва содержит больше 2% соли. Древний Восток не мог разрешить эту проблему; огромные районы некогда плодородных земель превращались в засоленные пустынные степи. Позднее ассирийские жрецы с грустью писали, что Энлиль хочет уничтожить людей, засалив их земли [156, 65]. В долине Инда все усиливающееся отложение ила и увеличивающаяся засоленность почвы происходили, очевидно, параллельно. Выдвигавшееся ранее утверждение, будто

культура долины Инда погибла в результате вторжения ариев, не подкрепляется археологическими данными [58]. Хараппа и Мохенджодаро были покинуты жителями, а потом разрушились в силу естественных причин. Во II тысячелетии до н. э. некогда оживленная торговля с Месопотамией прекратилась. На глиняной табличке XX в. до н. э., правда, обнаружен оттиск глиняной печати из Дилмун-Бахрейна [217], но следы вывоза товаров из области Инда при раскопках нигде не найдены. По-видимому, древние центры культуры в долине Инда были забыты и покинуты уже в конце III тысячелетия.

Труднее установить, к какому времени относится возникновение этой культуры. Кое-какие сведения на этот счет дают только культурные связи с Западом. Цивилизация Кули Южного Белуджистана поддерживала связи с культурой Инда и одновременно с культурой расписной керамики Сузы Д, соответствующей второму или третьему раннединастическому периоду. Носителями культуры Кули был, очевидно, народ мореходов, ибо в сложенных из крупных камней погребениях Оманского полуострова найдены сосуды, близкие к изделиям этой культуры. Эти погребения из Абу-Даби [272] относятся к типу круглых сооружений, возводившихся в Палестине в III тысячелетии. Они имеют 11—12 м в ширину и включают несколько погребальных камер. Некоторые каменные плиты покрыты резными рисунками с изображениями верблюдов, зебу и газелей. По аналогии с культурой Кули и Палестиной они также датируются раннединастическим периодом.

В этот период в Месопотамии и Сузах появляются украшенные рельефными узорами сосуды из зеленого стеатита (рис. 115). Их черепки раскопаны и в Мохенджодаро. Одну из этих ваз, найденную в Адабе, удалось точно датировать по надписи Месилима. Располагаем мы и точно датированными сосудами такого рода из храма Сина в Хафадже (IX). На них изображена Инанна со змеями, львами, орлами, медведями и индийскими зебу [66]. Гигантские змеи, воспроизведенные на одном сосуде, встречаются также и на фрагментах другого; на них в числе прочего изображена схватка змей с крупными кошками, что могло иметь место в Индии, но никак не в Передней Азии. Кроме того, этот сосуд напоминает уже упоминавшуюся чашу со змеями из Урука.

Фрагменты сосудов, найденные в Иране и Индии,

напоминают по формам изделия третьего раннединастического периода, на основании чего можно сделать вывод, что в то время товары из Месопотамии достигали Индии. Следовательно, культура Инда существовала между вторым раннединастическим периодом и концом III тысячелетия. Судя по всему, что мы о ней знаем, это было резко дифференцированное классовое общество, в принципе мало чем отличавшееся от Шумера и Аккада. Правда, эта культура не знала городов-государств. Огромная империя концентрировалась, по всей видимости, вокруг двух крупных центров. Этим культура Инда напоминает третье великое государство III тысячелетия — Египет.

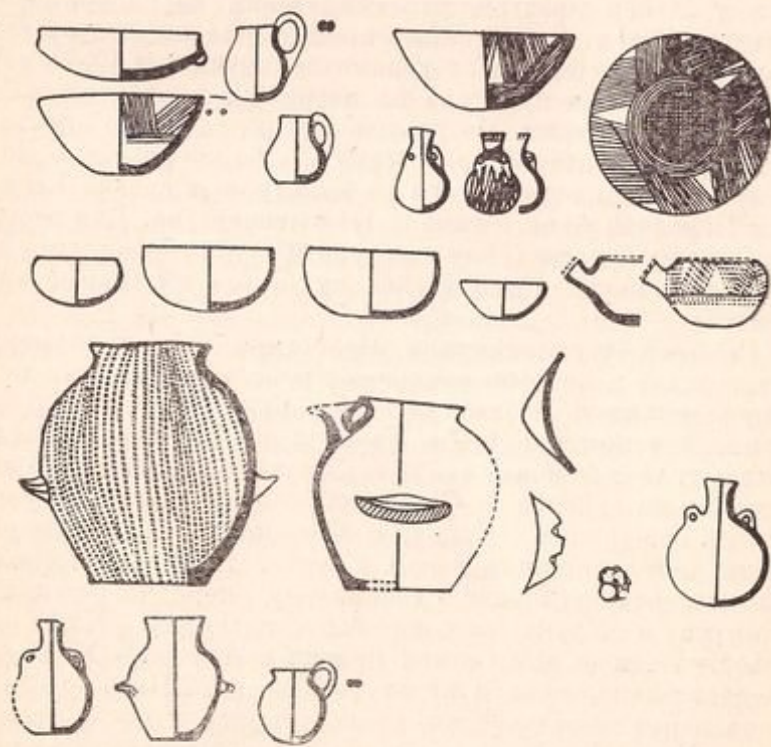
В III тысячелетии в долине Нила сформировалась цивилизация, которая многим представляется символом древнего Востока: царство фараонов. Еще Геродот считал Египет древнейшим культурным государством мира, а Эдуард Мейер полагал, что египетский календарь был введен в 4200 г. В настоящее время известно, что в этот период Египет переживал керамический неолит Файюм А и что египетская культура на несколько эпох отставала от переднеазиатских. Но исследователи, особенно египтологи, весьма неохотно принимают новую хронологию. Поэтому ниже мы остановимся на культурных связях Египта и Передней Азии в начале III тысячелетия. Для этого должно быть рассмотрено развитие месопотамской, сирийско-палестинской и египетской культур в их взаимодействии.

Из всех стран Востока Палестина сейчас изучена лучше всех, и ее относительная хронология, то есть последовательность смены отдельных культур на ее территории, установлена с большой степенью вероятности. Абсолютная хронология — датирование по годам — основывается на анализе на C_{14} и особенно на данных о культурных сношениях с Сирией и Месопотамией. О Месопотамии уже говорилось выше. Следует только повторить, что по радиоуглеродному анализу период Урук IV Ниппура и Урука должен быть датирован XXIX в. Известно также, что Саргон правил в Аккаде в XXIV в. Следовательно, период культуры Джемдет-Насра и три этапа раннединастического периода приходятся на время между XXVIII и XXV вв. Эпоха Урука началась со слоя Урук VI ок. 3300—3200 гг. Примерно в это же время в Египте пришла к концу культура Омари, предшествовав-

шая культуре Негаде I — Амра. Значит, Амратская культура и ранний период Урука совпадают во времени.

В это время с севера в Палестину, еще переживавшую свой «медный» период, надвинулась та культура, керамика которой была связана с Уруком. В Мегиддо [129, 98] в последнем слое этой культуры появляются оттиски печатей, имеющие аналогии в глиптике Джемдет-Насра, а следовательно, датируемые 2800 г. до н. э. Печати той же эпохи, частично явно месопотамского происхождения, найдены в захоронениях культуры Негаде II — герцейской; это показывает, что герцейская культура преобладала еще в XXVIII в. Ведущая среди ее керамических изделий форма — сосуд с волнистой ручкой был принесен именно с севера. Таким образом, начало герцейской культуре положила волна переселенцев с севера,

Ай, Палестина

Керамика «позднего периода меди». После 3000 г. (по Кенъон)

прокатившаяся через Палестину. Начало ее следует отнести к концу IV тысячелетия. Ее завершение отмечается другой формой палестинской керамики, появляющейся в захоронениях I династии, так называемыми абидосскими сосудами. Такие сосуды найдены в слоях второго периода ранней эпохи бронзы в Палестине (2600—2500 гг.), который соответствует примерно второму раннединастическому периоду. Правильность этой датировки подтверждается находкой в третьем слое раннебронзового периода: в храме Эйе [166] найдены керамические изделия, повторяющие каменные сосуды IV династии; следовательно, эпоха пирамид в Египте должна приходиться на XXV в. V и VI династии Египта правили в третьей четверти III тысячелетия, до 2200 г., то есть почти одновременно с периодом расцвета Шумера и Аккада.

Имена египетских фараонов на протяжении тысячелетий сохранялись в летописях и списках. При Птолемеях египетский жрец Манефон составил для греческих правителей историю Египта, в которой он всех правивших раньше царей разделил на 31 династию. К сожалению, его труд дошел до нас только в выдержках, приводимых христианскими авторами. Тем не менее эта работа до сих пор остается главным источником наших представлений о хронологии фараонов, ибо Манефон явно черпал свои сведения из древних annalov. Некоторые из них дошли до нас, например царский папирус из Турина и перечень фараонов из Карнака; оба они относятся ко II тысячелетию до н. э. и дают возможность проверить данные Манефона. Они оказали бы нам неоценимую помощь при датировании археологических находок, содержащих имена царей, если бы у египетских фараонов не было по несколько имен. Это особенно дает себя знать при исследовании первых династий, о которых мы знаем преимущественно по находкам в погребениях.

В настоящее время мы делим историю Египта по трем периодам расцвета на Древнее царство (III—VI династии). Среднее (XI—XII династии) и Новое (XVII/XVIII—XX династии). I и II династии относятся к Раннему периоду, VII—X — к Первому промежуточному, XIII—XVI — ко Второму промежуточному, а последние династии — к Позднему периоду. Следовательно, наша тема касается Раннего периода и Древнего царства. В annalax, например, на сохранившейся в Палермо

каменной стеле им соответствуют два ряда «доисторических правителей», властвовавших в герцейский период. Размещение имен в два ряда говорит о том, что уже в XXVIII в. Египет был разделен на два государства — Верхний Египет и Нижний Египет. Это, по-видимому, относится к последним десятилетиям века, но уже в начале герцейского периода на территории всего Египта могли выделиться большие неустойчивые образования, которые уступили место многочисленным государствам, существовавшим одновременно. О правителях этих государств додинастического периода мы знаем пока очень мало. Они могли быть носителями той месопотамской культуры, которая изготавливала лодки урукского типа и которая волной накатилась со стороны Красного моря на формирующуюся культуру Негаде II — Герцей и смяла ее. Время первого (?) появления чужеземцев определяется ножом из Гебель-эль-Арака. По стилю ему предшествовали изделия Урука IV, следовательно, периода XXIX в. Правители додинастических государств не могли прийти через Палестину, ибо не имели ничего общего с появившимися там в это время обитателями конца «периода меди» и начала «бронзы». Дошедшие до нас бесспорные остатки культуры додинастического периода (рис. 117) не оставляют сомнений в том, что она происходит из Южной Месопотамии, точнее, из самого города Урука. Ее носители, правители додинастического периода, по египетской традиции, названы сыновьями бога неба — Гора. Может быть, это воспоминание о боге Ану из Урука, высшем божестве древнешумерского пантеона, служителями которого выступали жрецы Урука.

Эти совпадения дают право предполагать, что во время неурядиц в конце XXIX в., когда носители культуры расписной керамики Джемдет-Насра наступали на культуру Урук, часть господствующей прослойки ее носителей отступила к морю и переместилась в Египет. Доказать это предположение невозможно, но если принять его за основу, то можно воссоздать такую картину древней истории Египта: служителям бога неба и носителям более высокой культуры и более передовой экономики было нетрудно встать во главе семитских пришельцев из Палестины и с их помощью в период герцейской культуры объединить долину Нила. При этом пришельцы слились с массами местного населения, и даже царские династии стали еги-

петскими — из почитателей Ану они превратились в сыновей Гора. Так, например, на ноже из Гебель-эль-Арака правитель эпохи Урук IV — *эн* носит месопотамское имя, но воины обеих сторон, команды в лодках как египетского, так и месопотамского происхождения одеты в египетское платье. В память о шумерском *э-гале* правителей Египта называли *пер-о* («Большой дом»); греки переделали это слово в фараон.

Борьба пришельцев против местного населения отражалась, очевидно, в легендах о борьбе между Гором и Сетом, который из божества населения юга в конце концов превратился в олицетворение зла. Он был воплощением степей и летнего зноя. Из этого следует, что его почитатели должны были быть древними кочевниками североафриканских степей и пустынь. Символом этого божества служило большое четырехногое существо с вертикально стоявшим хвостом, формой головы напоминавшее окапи или трубкозуба. Не исключено, впрочем, что это была широко распространенная в то время в степях Египта жирафовая газель, которая при беге весьма походила на животное Сета. Мясо газели до сих пор составляет излюбленную пищу полукочевников нубийской пустыни, хозяйство которых находится примерно на том же уровне, что и древних жителей Сахары. Они охотно одеваются в мягкий газелиный мех, из которого сделана одежда, найденная в захоронениях носителей амратской культуры. Облава на живых газелей еще и сейчас относится у беджа Судана к ритуалу посвящения юношей. Таким образом юноша доказывает, что уже достиг зрелости. Следовательно, газель как воплощение Сета олицетворяла цивилизацию, в которой большую роль играла охота в степи, точно так же как в Египте символом бога неба был сокол. В животном, олицетворявшем Сета, усматривают также грозного степного хищника *Lycaon pictus* — гиеновую собаку, которая охотится стадами, нападает на всех живых существ и неизменно побеждает их. На древнеегипетских палетках она изображена чаще других животных, но потом полностью исчезает из египетского искусства, уступая место Сету. Может, этот непобедимый властелин степи и был символом Сета и поклонявшегося ему правителя? Пока мы не можем ответить на этот вопрос.

Борьба между Гором и Сетом относится к раннему

периоду герцеейской культуры, то есть к XXX—XXIX вв., тогда как для нее самой характерны столкновения многочисленных династий почитателей Гора, выступавших наследниками древнемесопотамской традиции. У них, например, почти в самом конце этой эпохи употреблялся упоминавшийся выше нож из Гебель-эль-Арака. На сохранившихся фрагментах росписи гробницы из последней столицы Верхнего Египта — Иераконополя вновь изображена победа месопотамцев над местным населением. Эта древнейшая стенная роспись из Египта еще более убедительно, чем нож из Гебель-эль-Арака, свидетельствует о том, что она вышла из рук художников-египтян, но написана по азиатским мотивам. Как и на ноже, на росписи изображен укротитель львов. Воспроизведенные тут же пленные напоминают рельеф с боевыми сценами на ноже; храм-дворец Иераконополя, как и храмы Убейда и Чафаджи, был обнесен овальной, а то и круглой стеной [267, рис. 352]. Иераконополь — город Сокола — греческое название египетского города Нехен, иероглифическое обозначение которого воспроизводило форму древнемесопотамского храма. Это круг или овал с двумя штрихами внутри, очевидно символизирующими собственно храм. Вообще развитие египетской письменности, которая уже вполне сформировалась в период I династии, легко объяснить, если допустить, что в период Урука IV в Египет переселилась небольшая группа из Месопотамии. В Египте шумерское письмо приняло форму иероглифов, так как фактически стало применяться через 100—200 лет после нашествия, когда классовое общество достигло соответствующего уровня развития. Мы вправе предположить, что человек, изображенный на ноже из эль-Арака и являвшийся, следовательно, правителем, жившим в период Урука IV, также знал письменность этой культуры, образцы которой в то время были распространены вплоть до Румынии. Но в долине Нила отсутствовали храмовые города, которые в Месопотамии выступали носителями письменной цивилизации.

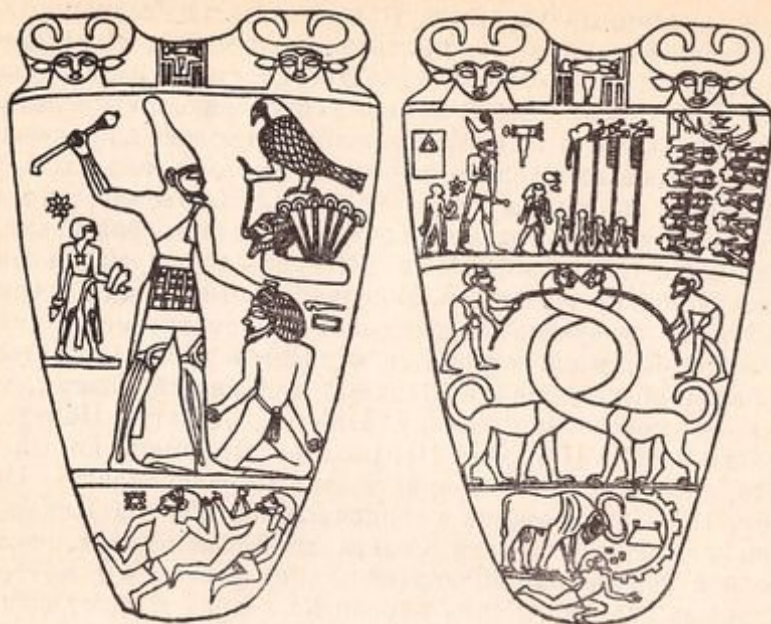
Благодаря победе правящего класса чужеземцев государство было здесь «наращено» на крестьянское общество, еще сохранявшее родовой строй, и приняло поэтому иную форму, чем в классовом обществе Месопотамии. Из резиденции, в которой концентрировалась большая часть правящего класса, царь управлял сотнями, если не тыся-

чами однотипных деревень. Власти царя не были противопоставлены крупные правители храмов и храмовые хозяйства. Поэтому египетское государство с самого начала представляло собой большую империю. Резиденция, не сталкивавшаяся с претензиями городов на власть, эксплуатировала столько деревень, сколько она была в состоянии подчинить своей власти. Естественно, что в долине Нила уже первые государственные образования были империями, тогда как в Двуречье они могли появиться только у аккадцев. Большая протяженность долины Нила с севера на юг при очень незначительной ширине имела своим следствием то, что уже в древности существовало разделение на Верхний и Нижний Египет, то есть на собственно долину Нила и Дельту. Центром Дельты в XXVII в. был Пе, позднее переименованный в Буто, а на юге власть принадлежала Иераконополю — Нехену. На более поздних надписях, например на Палермском камне, властители Севера изображены в плоской красной короне с приподнятой задней частью и с крутой спиралью спереди. Белая корона Юга представляет собой высокий конус, вверху как бы «распухший». Фараоны позднего времени носили обе короны в знак своей власти над обеими частями государства; они неизменно обе фигурировали в царских титулах. Еще много веков в государственной администрации различались Белый дом — юга Египта и Красный дом — севера.

Нет сомнений в том, что многие правители древности стремились завоевать власть над всей долиной Нила. Окончательное объединение было достигнуто с юга, из Иераконополя. В развалинах этого города найдены рельефы, знаменующие собой возникновение классового искусства Египта. Они украшали грушеобразные булавы и роскошные палетки, некогда принадлежавшие правителям, которых нет в династических списках Манефона.

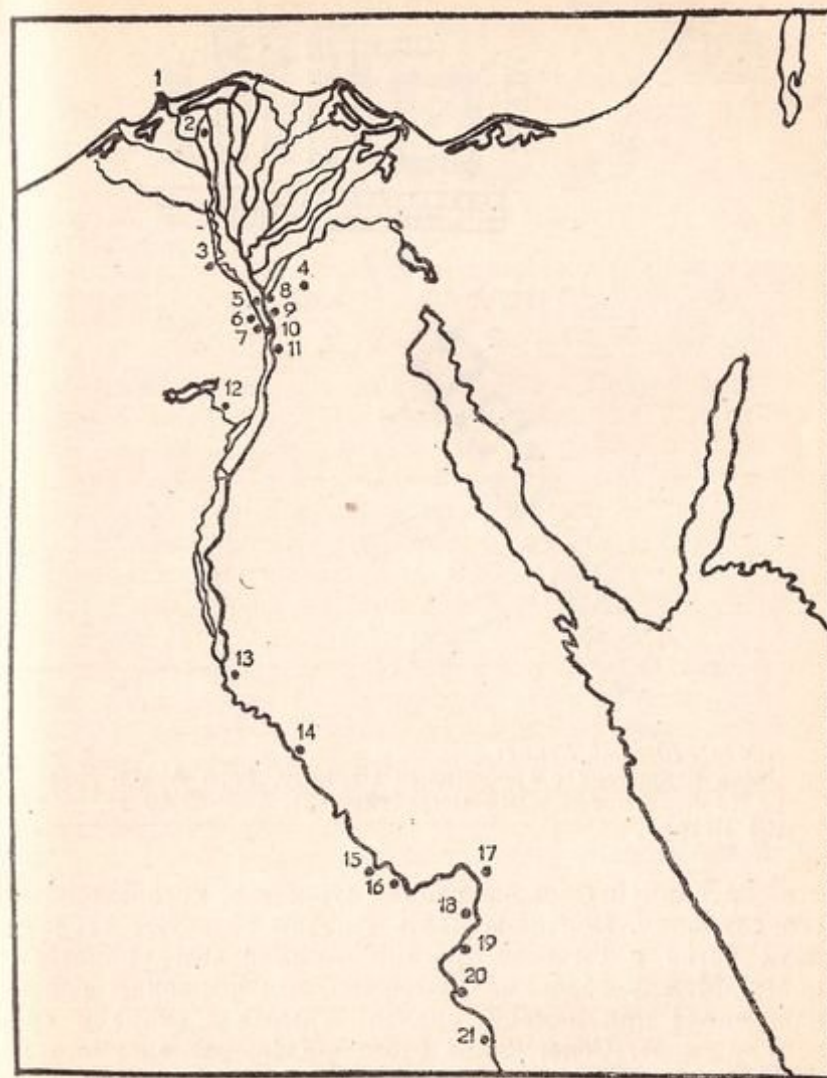
И в списке Манефона, и в Туринском папирусе объединитель обеих земель назван Менесом, но мы еще не знаем, какой из древних царей имелся в виду. На рельефе из Иераконополя как первый правитель, попеременно увенчанный то той, то другой короной, изображен человек, которого мы называем фараон Скорпион. На рельефе, покрывающем одну булаву, он представлен в короне Верхнего Египта, стоящим с мотыгой в руках на берегу канала, может быть при освящении его или при начале

Иераконополь, Южный Египет,
Палетка Нармера. Ок. 2600 г. (по Отто)

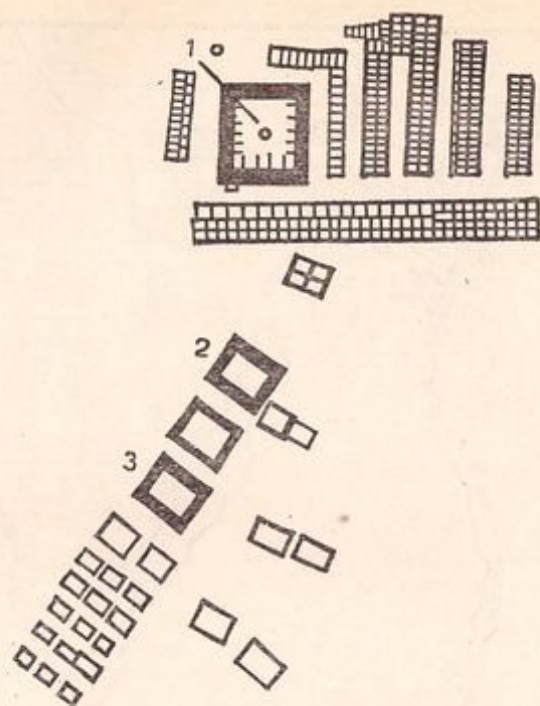
полевых работ. Рядом изображен скорпион, что указывает на его имя. Над головой фараона висят чибисы и лук — символы египетских и ливийских округов, видимо покоренных фараоном. На другой булаве фараон Скорпион изображен в короне Нижнего Египта. Следовательно, он был властителем обеих земель. Его предполагаемый преемник Нармер изображен на передней стороне роскошной палетки победителем над Нижним Египтом; на нем корона Верхнего Египта, в руках он держит булаву и разит ею поверженного врага. Над ним помещен Гор в образе сокола, передающего фараону на шнуре символ Нижнего Египта: прямоугольник (в письме он служит знаком для передачи слова «земля»), на котором изображены шесть стеблей папируса, символизирующих Нижний Египет, и человеческая голова с продетым в поздю кольцом, как у укрощенного связанного быка. Рядом с головой военнопленного указано его происхождение: «Область гарпуна». Под фигурой фараона изображены два человека, спасающиеся бегством из крепо-

Египет

1. Розетта 2. Буто 3. Меримде 4. Гелнополь 5. Гиза 6. Абусир
7. Саккара 8. Маади 9. Омари 10. Мемфис 11. Эль-Герцей 12. Фай-
юм 13. Амарна 14. Эль-Бадари 15. Абидос 16. Эль-Амра 17. Ге-
бель-эль-Арак 18. Негаде 19. Фивы 20. Дейр-Таса 21. Иераконо-
поль

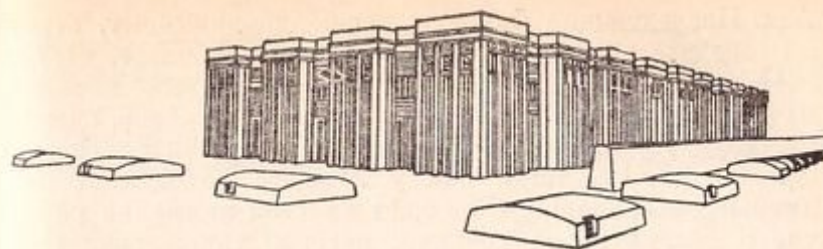

Абидос, Южный Египет

Часть некрополя с гробницами Нармера, Гора Аха и Джера (с дополнительными погребениями). 2600—2500 гг. (по Петри)

сти. За спиной фараона стоит служитель, который несет его сандалии. Верхнюю часть фриз образуют головы двух богов с бычьими рогами — символами воинственности. Между головами помещено имя фараона, воспроизведенное при помощи знаков «рыба» — «нар» и «ре-зец» — «мер». Содержание этого фриз, разделенного на три части, повторяется на оборотной стороне. Здесь в верхней части помещен Нармер в короне Нижнего Египта, шагающий по направлению к десяти обезглавленным. Перед ним стоит писец, за ним — сандаленосец. Четыре солдата несут штандарты. В нижней части Нармер в образе буйвола попирает врага копытами и разносит рогами крепость. В средней части два служителя держат на привязи львов со змееобразными шеями. Ядин выска-

Саккара, Египет

Реконструкция царской гробницы в стиле месопотамского дворца урукского периода, предположительно гробница Мернейт. Ок. 2550 г. (по Элдрену)

зал предположение, что они означают победу над Месопотамией. Подобные львы со змееобразными шеями типичны для резьбы по камню периода Урук IV, но ко времени Нармера такие изделия давно уже не изготавливались. Можно предположить, что этот мотив, равно как и другие элементы урукской культуры, сохранился в Северном Египте. Львы со змееобразными шеями указывают здесь, очевидно, на победу Нармера над фараонами Буто.

О том, что Нармер продвинулся в Азию, свидетельствуют захоронения из Палестины. Один слой из Телль-Гата (V) содержит глиняные изделия безусловно египетского происхождения. На одном сосуде стоит имя Нармер. Это позволяет датировать время правления Нармера первым периодом начала «эры бронзы», то есть 2600 г. В таком случае он был современником Месилима из Киша. Значит, государство Киша и царство фараонов существовали примерно в одно и то же время.

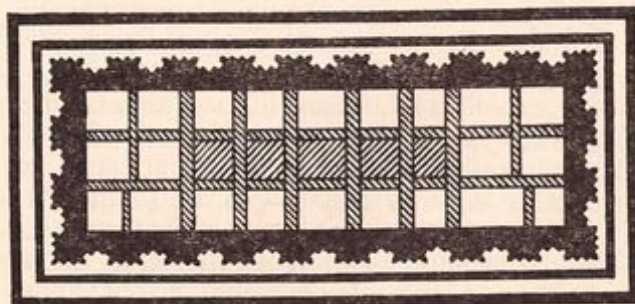
Многие египтологи утверждают, что Нармер и легендарный Менес — одно и то же лицо. Этому, однако, противоречит тот факт, что одно из главных деяний Менеса, подтверждаемое археологическими данными, — основание единой столицы — может быть приписано только его преемнику Гору Аха — Сражающемуся Соколу. Его гробницей начинается некрополь в Саккара, который свидетельствует о том, что здесь, в пограничной области между «обеими землями...», находилась новая столица — Мемфис. Гробница Нармера найдена на юге, у Абидоса, а рядом с ней обнаружено захоронение Гора

Аха. Последующие фараоны также, по-видимому, строили себе две гробницы — в Саккара и в Абидосе, что, по всей видимости, указывает на двойственный характер их правления. На севере гробницы воздвигались, очевидно, только для видимости, это были ложные гробницы — *кенотафы*, тогда как у Абидоса находились подлинные захоронения. Обращает на себя внимание различие в стилях обеих гробниц, которое также свидетельствует о сохранении месопотамских традиций в Северном царстве. Памятники Саккара не только в два-четыре раза больше абидосских, но и построены по совершенно иному плану. На юге гробницы представляют собой однокамерные склепы шириной 10 м, длиной 11—12 м, с ровными стенками. Памятники в Саккара, имеющие в длину 40—45 м, подражают месопотамским храмам, стоявшим на террасе бога Ану в Уруке. Обильно расчлененные фасады с нишами и трехнефные помещения просто скопированы с построек периода Урук IV и Урук III. Эти гробницы, по-видимому, представляют собой подражание дворцам Мемфиса, следы которых до сих пор не удалось найти. Фараон, который, по представлениям египтян, после смерти соединился с Гором, «жил» в среднем помещении своего погребального дворца; точно так же принимал своих гостей в дворцовом зале в период первой династии Энмеркар Урукский. Чиновники Энмеркара и других вельмож, как и служители первых фараонов, пользовались цилиндрическими печатями. Антропологические исследования скелетов из захоронений

Саккара, Египет

Гробница Гора Аха в стиле храма-дворца урукского периода. После 2600 г. (по Эмери)

Абидос, Южный Египет

Вереница рабов. Резное изображение на пластинке из слоновой кости, найденной в царской гробнице. Ок. 2600 г. (по Петри)

высокопоставленных людей, найденных в северной части Верхнего Египта, выявили четкие различия между ними и костными останками крестьян и ремесленников. Следовательно, первоначально это были чужеземцы, которые лишь постепенно ассимилировались.

За Гором Аха последовал фараон Джер, гробница которого в Абидосе снова позволяет установить связь с Месопотамией. В Кише и Уре в могилы вместе с трупами правителей было положено около 80 человек. Вокруг гробницы Джера располагались по крайней мере 338 захоронений людей, принесенных в жертву, в основном женщин, которые должны были сопровождать своего властителя в потусторонний мир. Часть из них, очевидно, принадлежала к высшим слоям населения. Возможно, это были женщины из гарема, ибо на стелах приведены их имена. Однако большинство умерших были служителями, скорее всего, рабами. В некотором отдалении помещались также сгруппированные в одном месте 269 могил чиновников и вельмож, похороненных вместе с фараоном. Около гробницы Нармера удалось обнаружить только 33 добавочных захоронения, но зато в гробницах последующих фараонов убитых было гораздо больше. Так, жену третьего правителя, царицу Мернейт, сопровождал в царство мертвых 41 убитый, четвертого правителя, Уаджи (царь Змея), — 174 убитых, а пятого фараона, Удиму, — 136. Скромные размеры их гробниц, наподобие казарм, располагавшихся вокруг сооружений царского погребального комплекса, и заупокойный инвентарь выдавали их положение в обществе и род занятий: гончар с его орудиями труда и готовыми сосудами, резчик по камню с вазами и медными инструментами, художник с красками и корабел с моделями судов долж-

Абидос, Южный Египет
Связанный человек. Резное изображение на пластинке из слоновой кости, найденной в царской гробнице. Ок. 2600 г. (по Петри)

ны были и в потустороннем мире постоянно служить своему властителю, так же как они служили ему на земле.

Социальное положение людей, принесенных в жертву, выявляется на изображениях, вырезанных на пластинках из слоновой кости и других материалов. Их гонят — связанными по одному или группами. На одном подобном изображении показан целый караван людей, связанных веревкой за шеи, подобно тому как три-четыре тысячелетия спустя будут переправлять рабов. В первых древнейших расшифрованных анналах о воинских победах Египта, например в летописи фараона IV династии Снофру, сообщается о тысячах пригнанных военнопленных. Из побежденных, изображенных на ноже из Гебель-эль-Арака, только часть была убита, а на изображении, найденном в Иераконополе, воспроизведен караван связанных людей, ждущий отправки. Что их ждет? Бесспорно, рабство, которое, по свидетельствам надежных письменных источников, существовало в это время в Месопотамии. Многие буржуазные египтологи, принимавшие на

веру содержащиеся в источниках Древнего царства утверждения о том, что на Ниле существовало истинное царство божье, исполненное мира и гармонии, вообще отрицали существование рабства в Древнем царстве. Но разве когда-нибудь правящий класс признавался в официальных документах, что он состоит из угнетателей и эксплуататоров?

Безусловно, в древнем Египте рабы никогда не составляли основной массы населения. По-видимому, только высший слой общества раннего периода мог разрешить себе роскошь иметь рабов, тогда как остальное население, земледельцы, входившие в деревенские общины, представляли собой единую социальную среду. Как и в период герцейской культуры, земледельцев хоронили в земляных могилах, под маленькими холмиками, резко отличавшимися от гробниц-домов знати и царей. Домочадцев знатных людей погребали рядом с главной гробницей. Сделанные из кирпича ладьи, помещенные рядом с царскими могилами, говорят о большом значении судов в культуре древнего Египта. Войска также подразделялись на «суда». Завоеватели продвинулись на судах по Нилу до Нубии. Здесь обнаружено наскальное изображение Джера, где представлены лодки и пленные. Скальные изображения с Синайского полуострова, находки кедрового дерева в Египте, а также металлов и камня в восточных и западных горах свидетельствуют о том, что в то время египтяне совершали торговые экспедиции и далекие завоевательные походы.

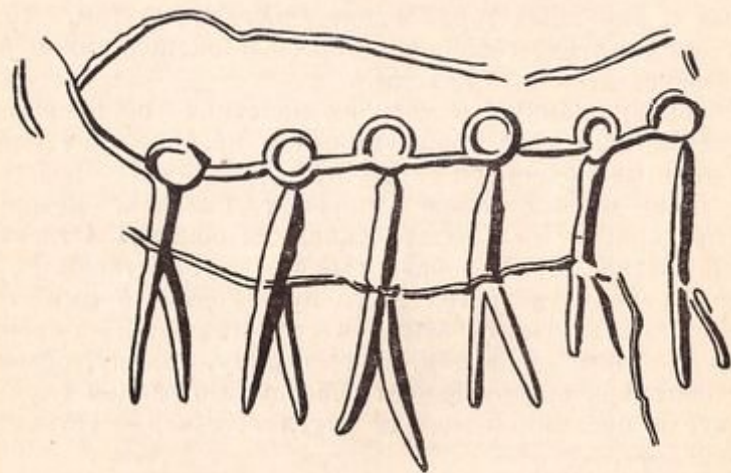
На обнаруженных в могилах палетках с древними надписями наряду с сообщениями о празднествах занесены данные переписей скота, проводившихся через год. Мы узнаем из них также о царских складах, которые еще продолжают называться складами общины. Отдававшийся земледельцами добавочный продукт составлял, очевидно, около двух третей всего производимого ими. Наряду с крестьянскими землями упоминаются царские угодья, которые охватили, по-видимому, целину, освоенную благодаря оросительным работам. Во всяком случае, правители провинций носили титул *адж-мер* — «строители каналов».

В конце II династии происходили большие волнения, усмирённые фараонами Хасехемом и Хасехемуи (возможно, это одно лицо). В надписях на основаниях двух

статуй торжественно отмечалась победа над «северными врагами», из которых 47 209 человек были убиты. Эти явно преувеличенные данные обрамлены изображениями скрюченных трупов поверженных противников. Победе над ними, очевидно, способствовали упоминающиеся впервые «писцы тайны», скорее всего, своего рода секретная служба.

Со следующего фараона — Джосера началась III династия, при которой Египет достиг своего расцвета. Следы культурного влияния Месопотамии сгладились, отныне страна предстает как единое целое. Символом этого единства, воплощенным в камне, стала первая египетская пирамида — ступенчатая пирамида Саккара. Вместо гробницы-дворца первого фараона Имхотеп, впоследствии почитавшийся в Египте богом, воздвиг пирамиду высотой 63 м. Шесть ступеней придают ей сходство с первыми зиккуратами — месопотамскими ступенчатыми храмами. Под пирамидой находилось не меньше 11 подземных камер, предназначавшихся, очевидно, для всей царской семьи. Эта монументальная гробница возвышалась посреди гигантского прямоугольного комплекса каменных сооружений площадью 600×300 м, которые, очевидно, представляли собой имитацию царского дворца. Весь комплекс был обнесен каменной стеной с пи-

Оазис Дахла, Египет
Вереница рабов. Наскальное изображение (по Винклеру)

нами и пилястрами. На северной стороне пирамиды возвышался заупокойный храм, в развалинах которого найдена величественная сидячая статуя властителя. Напротив пирамиды, в южной части комплекса, находилась вторая царская гробница с рельефами Джосера, построенная в старом дворцовом стиле. Кроме того, рядом, очевидно в подражание дворцу, располагались часовни и жертвенники, складские и другие хозяйственные помещения. Гробница поражает своей роскошью. Только в кладовых хранилось 30 тысяч сосудов. Они и другие находки говорят о богатстве правителей Египта, о больших размерах работавших на них мастерских и об одаренности тогдашних художников.

Способные художники, очевидно, служили не только фараону, но и вельможам. Об этом свидетельствует, в частности, художественный рельеф из гробницы Хесира в Саккара. Он выполнен уже в характерной для Египта манере: изображения людей как бы состоят из отдельных деталей. Возможно, этот стиль сложился прежде всего под влиянием изготовления моделей металлических статуй. В Египте подобные модели составлялись из отдельных гипсовых частей, а не из цельного куска глины, как в Месопотамии. Значительные произведения металлической скульптуры создавались в Египте еще в древности.

Однако III династия была превзойдена ее преемниками. На время царствования IV династии приходится расцвет древнего Египта — эпоха великих пирамид Гизе. Начало ей положил фараон Снофру. По примеру царей I и II династий он повелел воздвигнуть в Дашуре, в 7 км от Саккара, две гробницы. Одна представляла собой ромбовидную пирамиду с измененным углом наклона сторон, вторая явилась первой египетской пирамидой в классическом смысле этого слова. Она имела квадратное основание и достигала в высоту 93 м. Надпись на Палермском камне сообщает, что Снофру предпринимал большие походы против народов, населявших земли к югу и западу от Египта. Из Нубии он пригнал в долину Нила 7 тысяч военнопленных и 200 тысяч голов скота, а из Ливии — 11 тысяч военнопленных и 131 тысячу голов скота. Эти невероятные цифры представляются вполне правдоподобными, когда вспоминаешь, какие огромные средства вкладывала IV династия в строитель-

во государственных сооружений. Однако только этой добычи не могло хватить на строительство пирамид, тем более что к каждой пирамиде примыкал заупокойный храм, дорога и храм на берегу реки. Кроме того, Снофру строил храмы и крепости по всей стране, для чего морской флот из 40 судов доставлял из Ливана строительный лес.

Второй фараон IV династии, Хуфу (Хеопс), оставил после себя самое величественное сооружение древности, которое так и осталось непревзойденным. На квадратной площадке со стороной 227 м он воздвиг пирамиду, которая когда-то возвышалась на 144 м, но и теперь достигает 138 м. Ее основание занимает 5 га. Для ее строительства было использовано 2300 тысяч известняковых плит, весивших от 2 до 15 т каждая. Наполеон, пораженный размерами пирамиды, вычислил, что если распилить плиты на кубы со стороной 30 см, то ими можно будет опоясать $\frac{2}{3}$ экватора. Хотя плиты не скреплены цементом, они пригнаны друг к другу так точно, что между ними нельзя просунуть лезвие ножа. Судя по Туринскому папирусу, Хеопс правил только 23 года, а так как строительство началось и закончилось при его жизни, то оно не могло продолжаться дольше 23 лет. Но вряд ли оно велось с первого до последнего дня его правления; по-видимому, на строительство ушло еще меньше времени. Но если даже предположить, что оно велось 23 года, то и тогда каждый день должны были добывать, доставлять к реке, переправлять к строительной площадке и ставить на место 300 плит общим весом 800 т. При таких трудоемких операциях вполне правдоподобно, что в них принимали участие по принуждению 100 тысяч людей, как сообщает Геродот.

Эти данные относятся только к строительству пирамиды. А ведь кроме нее при Хеопсе были построены храм в долине, заупокойный храм, дорога, ведущая к нему, и пять гробниц в форме лодок длиной 43 м рядом с пирамидой. Этим не исчерпывается строительная деятельность фараона, которую, как ни странно, даже уважаемые буржуазные египтологи считают проявлением «организованной в государственных масштабах на религиозной основе заботой о бедных» [199, 70]. Значительно ближе к действительности резко критическое описание, сделанное Геродотом после посещения Нильской

долины: «Так вот, до времени царя Рампсинита, рассказывают далее жрецы, при хороших законах Египет достиг великого процветания. Однако его преемник Хеопс вверг страну в пучину бедствий. Прежде всего он повелел закрыть все святилища и запретил совершать жертвоприношения. Затем заставил всех египтян работать на него. Так, одни были обязаны перетаскивать к Нилу огромные глыбы камней из каменоломен в Аравийских горах (через реку камни переправляли на кораблях), а другим было приказано тащить их дальше до так называемых Ливийских гор. Сто тысяч людей выполняло эту работу непрерывно, сменяясь каждые три месяца. Десять лет пришлось измученному народу строить дорогу, по которой тащили эти каменные глыбы, — работа, по-моему, едва ли не столь же огромная, как и постройка самой пирамиды. Ведь дорога была пяти стадий длины, а шириной в десять оргий, в самом высоком месте восьми оргий высоты, построена из тесаных камней с высеченными на них фигурами. Десять лет продолжалось строительство этой дороги и подземных покоев на холме, где стоят пирамиды» (II, 124).

Одна из дочерей фараона, Хетептерес II изображена в гробнице своей дочери светлокожей белокурой ливийкой. Ее мать, супруга фараона, была, очевидно, не меньше чем глава рода ливийцев, известных тогда под названием темеху. Ими создана часть скальных фресок Феццана V и IV тысячелетий [36]. Прогрессирующее расширение пустыни заставило ливийцев отступить в долину Нила, где они нашли формирующееся Древнее царство.

Хаефра (Хефрен) поставил свою гробницу рядом с пирамидой отца, на умело выбранной возвышенности, возмещавшей меньшую высоту сооружения. Относящемуся к ней нижнему храму из гранита мы обязаны знаменитой статуей царя с охраняющим его изображением Гора.

Рядом с храмом возвышался естественный известняковый холм, который скульпторы превратили в фигуру сфинкса длиной 72 м, высотой 28 м. Сын Хефрена — Менкаура (Микерин) поставил в Гизе третью большую пирамиду, которая когда-то — во всяком случае частично — была обшита красным гранитом. IV династия завершилась правлением Хенткау, дочери Микерина. С ее сы-

новой Усеркафа и Сахура началась V династия*. Фараоны этой династии придавали пирамидам меньшее значение. Зато в это время увеличилась роль храмов бога солнца Ра и других божеств. По-видимому, власть, ранее целиком принадлежавшую фараону, теперь делило с ним жречество, которое его самого считало уже не божеством, а лишь сыном бога. Влияние знати и чиновничества также увеличилось. Их гробницы богато украшены рельефами; изображенные на них предметы заменяли утварь, которую ремесленники и служители фараона клали в могилы прежних царей. Эти рельефы подробно знакомят нас с жизнью земледельцев и ремесленников древнего Египта. Рельефы из гробниц Ти, Мерерука и других вельмож поражают мастерством исполнения (рис. 118, 119).

Рельефы и надписи на стенах гробниц сообщают о торговых экспедициях в Пунт — по-видимому, это было побережье Сомали — и Центральную Африку. Оттуда доставлялась дикийовинная добыча — «танцующие карлики», по-видимому первые пигмеи, попавшие в Северную Африку. В пирамиде Уны, последнего царя V династии, сохранились древнейшие из дошедших до нас Текстов пирамид. Это молитвы, которые, очевидно, читали, когда тело усопшего клали в гроб. Они дают довольно полное представление о религии древних египтян, хотя еще не полностью расшифрованы. В частных гробницах этого периода впервые появляется имя Осирис, божества типа Таммуза, заимствованного, очевидно, из Азии.

В эпоху Древнего царства сформировалась государственная бюрократия, которая способствовала и усилению, и гибели государства фараонов. Пока фараон располагал достаточным количеством земли и продуктов, мог одаривать высокопоставленных должностных лиц и жрецов землями, а мелким чиновникам платить богатое жалованье, царство его держалось. Но как только в руках вельмож и жрецов сосредоточились крупные земельные владения, они стали проявлять стремление к независимости, к тому, чтобы подчинить себе фараона. Нам известна биография чиновника по имени Мечена, живше-

го в конце III и начале IV династий. Он получал земельные участки в дар, а также скупал их и в конце концов стал крупным землевладельцем. В его руках сосредоточилось около 125 га земли, ранее принадлежавшей отдельным земледельцам и сельским общинам. Пока класс крупных землевладельцев во главе с фараоном вел борьбу против свободных земледельцев, страна процветала. Но переход основной части земли к храмовому жречеству и к знати ознаменовал собой начало упадка государства. Каждый землевладелец и чиновник вел себя в своем поместье как маленький царек и эксплуатировал народ. Мелкие чиновники — *имаху* («получающие пропитание») уже не могли получать довольство и изменили центральной власти. Египет охватили социальные битвы и конфликты. Самая ожесточенная классовая борьба древнеегипетской истории бушевала в XXII в. до н. э. на протяжении многих десятилетий. Она положила конец VI династии и государственному строю, а тем самым и Древнему царству.

* Последним фараоном IV династии был, очевидно, Шепсескаф, женатый на Хенткау, дочери Менкаура. Усеркаф, первый фараон V династии, был ее сыном.

ВОССТАНИЕ ХУРУ

«Смотрите: свершились дела, которые никогда (казалось) не могли свершиться. Царь захвачен бедными людьми (*хуру*). Смотрите: погребенный соколом (царь), он лежит на (простых) носилках. То, что скрывала пирамида, то стоит теперь пустым. Смотрите: было приступлено к лишению страны царской власти немногими людьми, не знающими закона... Столица, она разрушена в один час...»*, — говорится в тексте того времени, который Шнигел [256] по праву считает политическим памфлетом партии знати, направленным против руководителей восстания. Он написан в форме полемического обращения (речения) Ипусера к «владыке вселенной» и представляет собой наиболее древнее сообщение о массовом революционном движении. Так как оно исходило из рядов противников революции, то, естественно, всячески чернит действия повстанцев. Конечно, восстание сопровождалось многочисленными злоупотреблениями и жестокостями, которые, однако, были лишь естественной реакцией на вековой гнет. Несмотря на завесу клеветы и поношений, можно разглядеть, что по крайней мере вожди восстания придерживались рево-

* Здесь и далее перевод В. В. Струве. По его мнению, которое разделяют некоторые исследователи, этот текст «Речения Ипусера» (Лейденский папирус 344) описывает события, имевшие место не в конце Древнего царства, как полагает автор книги, а в конце Среднего царства, т. е. не в XXIII—XXII вв., а в начале XVIII в. до н. э.

люционной идеологии равенства, в основе которой лежал, очевидно, принцип «равные права для всех». Участники восстания названы в тексте *хуру*, уничижительным наименованием немущих, аналогичным нашему слову «чернь». Оно соответствует, очевидно, слову *гуруш*, обозначающему полусвободного производителя Месопотамии. Автор речения особую ненависть проявляет к руководителям восстания, но о главном из них он выражается на удивление сдержанно. Очевидно, это был представитель старой династии, вставший во главе движения. Даже Ипусер не отказывает ему в честном стремлении к справедливости, но обвиняет его в отсутствии реализма, в нерешительности и трусости. Он обвиняет правителя в том, что тот открыл страну чужеземным кочевникам: «Каждая чужеземная страна (говорит): „Это наша вода! Это наши поля!“».

Справедливость утвердилась на земле; но во имя ее повстанцы творят несправедливость, — сетует Ипусер. Что же казалось этому отпрыску знатной семьи «несправедливым», а что — «справедливым»?

Ипусер довольно откровенно описывает социальный переворот:

«Воистину: простолюдины сделались владельцами драгоценностей. Тот, который не мог изготовить себе (даже сандалии), стал теперь собственником богатств...

Воистину: благородные в горе, простолюдины же в радости. Каждый город говорит: „Да будем бить мы сильных (то есть имущих) среди нас...“

Воистину: детей знатных разбивают о стены...

Воистину: рабыни все стали владеть устами своими. Если говорят их госпожи, то это тяжело переносить рабыням...

Воистину: земля перевернулась, подобно гончарному кругу. Разбойник (стал) владельцем богатств; (богач) превратился в грабителя...

Смотрите: тот, который не мог построить себе (даже) хижину, он стал (теперь) владельцем дома. Смотрите: придворные изгнаны из домов царя. Смотрите: благородные женщины находятся на баржах-шеду. Вельможи пребывают в закромах. Тот, который не спал (даже) рядом со стеной, он стал (теперь) собственником ложа... Смотрите: владельцы роскошных одеяний (теперь) в лохмотьях. Тот, который никогда не ткал для себя,

(теперь) владелец тонкого полотна. Смотрите: тот, который никогда не строил себе (даже) лодки, стал (теперь) владельцем кораблей. Настоящий же собственник смотрит на них, но они уже не принадлежат ему...

Смотрите: простолюдины страны стали богатыми. Собственники богатств стали неимущими...

Смотрите: владельцы ложа спят на земле. Тот, который проводил ночь в грязи, prepares себе кожаное ложе...

Смотрите: тот, который не имел (даже) своей упряжки (то есть двух быков), стал владельцем стада. Тот, который не мог найти себе быков для распашки, стал собственником большого количества скота. Смотрите: тот, который не имел своего зерна, стал владельцем амбаров.

Смотрите: ...столица встревожена недостатком. Страна, она связана шайками грабителей».

Следовательно, землевладельцы, купцы и другие богачи изгнаны, бедняки захватили власть и собственность в свои руки. Производители поднялись против своих классовых врагов и восстали против государства:

«Воистину: прекрасная судебная палата. Расхищены ее акты, лишены хранилища ее тайн (своего) содержания».

Воистину: вскрыты архивы. Расхищены их податные декларации. Рабы стали владельцами рабов. Воистину: (чиновники) убиты. Взяты их документы. О как скорбно мне из-за бедствий этого времени. Воистину: писцы по учету урожая, списки их уничтожены... Воистину: свитки законов судебной палаты выброшены, по ним ходят на перекрестках. Бедные люди сламывают их печати на улицах... Воистину: Великая судебная палата стала (местом) выхода и вхождения в нее. Бедные люди выходят и входят в Великие дворцы».

Восстание трудящихся уничтожило государственный аппарат и прежняя система принудительного труда рухнула. Строительные работы прекратились, и это немедленно выявило противоречивый характер движения. Великие творения, созданные при Хеопсе и Микерине, были возможны только благодаря эксплуатации. Но разве пирамиды не были величайшим расточительством рабочей силы, к которому строители питали ненависть? Ипусер указывает, чего могло достигнуть государство угнетателей: «Но это будет хорошо: когда руки людей будут

строить пирамиды, будут копать пруды, будут создаваться сады из сикомор для богов».

Справедливость или повышение производительности общества путем эксплуатации — так стоял вопрос. Руководители восстания верили в справедливость, в способности и высокие моральные качества бедняков, которые позволят организовать новую жизнь без насилия и угнетения. Именно против этого возражал Ипусер, и из его замечаний видно, что переворот вовсе не зашел так далеко, как можно было бы заключить на основании «пропаганды ужасов». Знать продолжала существовать, и к ней-то Ипусер и обратился с призывом собрать все свои силы и обрушиться на революцию. «То, что производит смуту, это слова его (т. е. царя), (более чем) палка (насильника)... А смуту вместе с шумом междоусобия ты рассылаешь по стране», — говорит Ипусер. Следовательно, вождь восстания препятствовал контрреволюционным действиям и защищал только завоеванные права бедных. Не равносильно ли это тому, чтобы бежать за крокодилом, уносящим свою жертву? С презрением Ипусер замечает, что у ничтожных людей мало хороших качеств.

Вождь движения верил в бедных и в то, что они еще научатся правильно пользоваться завоеванной свободой. «Видите, недостаток наводит страх на резиденцию. Но тот, в чьих руках скипетр, хочет разгромить восстание, не прибегая к насилию». Он опирался на «несколько человек, которые ничего не смыслили в управлении», как негодуя замечает Ипусер. Следовательно, во главе революционного движения стояло руководство, о воззрениях которого можно судить, к сожалению, только по некоторым намекам. Они, очевидно, добивались общей собственности на продукты. Ипусер говорит: «Зерно Египта стало общим достоянием». Но повстанцы ограничивали применение этих идей областью потребления и не распространяли их на производство. Наиболее предприимчивые из них присваивали конфискованные суда и земли, дома и дворцы, сами становились эксплуататорами и, таким образом, исподволь снова восстанавливали старые порядки.

Возможно, что руководители движения не замечали этой опасности. Они пытались демократизировать государство. Чернь достигла уровня божественной девятки... Большое здание суда стало проходным двором... Чернь

снует туда и обратно,— сетует Ипусер. Представители повстанцев вершили суд и даже исполняли обязанности жрецов. Ипусер требовал вывести из жреческого сословия всех проникших в него лиц низкого рождения... Руководство осуществлялось, очевидно, группой людей, теми самыми «немногими людьми, не знающими закона». Манефон перечисляет в составе VII династии 70 человек, которые правили 75 дней; возможно, это был Революционный комитет, число членов которого, конечно, не обязательно отвечает соотношению 7:70:75.

Идеология движения, естественно, имела религиозную окраску. «Воистину: магические формулы стали общеизвестными. Заклинания „шем“ и заклинания „сехен“ сделались опасными, ибо они запоминаются (теперь всеми) людьми».

Ипусер выступает против нового правителя и призывает к его товарищам по классу, среди которых многие явно придерживаются нового учения. Тот, кто захватил (царскую власть), зачем вы ему ее предоставили? Он ведь не достигнет цели! Ницета — вот что вы ему даете!

Ипусер обращается непосредственно к «владыке скипетра»: «Он (человек) выступает против того (против новых идей.— *Авт.*), что ты не хочешь уничтожить. Разум, познание и правда с тобою. А смуту вместе с шумом междоусобия ты рассылаешь по стране».

На призыв правителя к равенству, на его обращение к добру, что живет во всех людях, Ипусер отвечает: «...любящий — это один человек, ненавидящий же — другой. Гибнут жизни их на всех путях. Ты делал (все), чтобы вызвать это. Ты говорил ложь... Все эти годы (стали годами) смуты».

Правитель и его движение, несомненно, следовали высоким моральным принципам, и в том, что, как показала история, Ипусер, представитель знати, оказался прав, нет их вины. Время не созрело для общества равных, для общей собственности и равноправия. Революционеры превратились в собственников и угнетателей. Они предали движение и его вождей, и те оказались покинутыми в мире, который они хотели улучшить. Вполне возможно, что прав Шпигель [256], предполагая, что «Беседа разочарованного со своей душой» может относиться к одному из руководителей этого движения, может быть даже к самому правителю.

Смотри, проклято имя мое!
Оно опозорено хуже, чем город,
Постыдной смутой охваченный.

С кем говорить мне теперь?
Братья жестоки, друзья мои стали врагами.

С кем говорить мне теперь?
Люди озлоблены; всюду крадут друг у друга.

С кем говорить мне теперь?
Добрый унижен, жестокий у всех в почете.

С кем говорить мне теперь?
Мирные люди в беде, добро презирают всюду.

С кем говорить мне теперь?
Злодей убивает, смеются все над убитым.

С кем говорить мне теперь?
Грабят повсюду, сосед крадет у соседа.

С кем говорить мне теперь?
Славят бесчестных, врагами становятся братья.

С кем говорить мне теперь?
Что было — исчезло, кто жил — того больше нету.

С кем говорить мне теперь?
Лишь чужеземцы еще справедливы.

С кем говорить мне теперь?
Все лица скрывают, боятся взглянуть друг на друга.

С кем говорить мне теперь?
Жадность во всех сердцах, не на кого положиться.

С кем говорить мне теперь?
Нет справедливых, страну захватили злодеи.

С кем говорить мне теперь?
Нет больше честных, некому правду доверить.

С кем говорить мне теперь?
Спутников нету былых, в сердце у всех тревога.

С кем говорить мне теперь?
Горько скорблю я, но с кем поделиться болью.

С кем говорить мне теперь?
Ныне везде и всюду зло и несправедливость.

Перевод И. С. Кацнельсона
и Ф. Л. Мендельсона

Возможно, что этот выдающийся человек, первый в истории великий социальный утопист, покончил с собой. Его надежды на жизнь по принципам высокой морали и справедливости разбились о социальную действительность того времени, ибо при тогдашнем уровне развития техники общественные отношения могли основываться только на гнете и подавлении. Ипусер и его товарищи по сословию торжествовали: «Но это будет хорошо, когда (ложа) будут приготовлены, подушки вельмож (будут) сложены в сохранности. (Когда) желания каждого человека будут исполнены в виде ложа в тени. (Когда) будет закрыта дверь за тем, который спал в кустах (от бедных.— *Авт.*)».

В Верхнем Египте знать сохранила свою власть. В Нижнем Египте в результате продолжавшегося 30 лет «мятежа» возникли новые государства аристократии, правители которых боролись за власть над всей страной. Они возродили прежние порядки, и многие из тех, кто изменил революции ради того, чтобы завладеть домом, потерял свою собственность и скорбел о некогда преданном вожде. Отец фараона X династии Мерикара в своем «политическом завещании» предупреждал сына против приверженцев того самого человека, которого Ипусер называл «нерешительным»: «Хотя тебе и говорят: „время слабого миновало“... на самом деле он сегодня снова в чести» [256]. Фараон призывал сдерживать спесь востителей, чтобы не вызвать новую революцию.

Восстание *хуру* и его конец ясно показали, что на этой ступени развития производительных сил дальнейший прогресс экономики, а также культуры, искусства и науки возможен при условии сохранения эксплуатации и угнетения. Периоды расцвета древних цивилизаций были одновременно периодами эксплуатации и жесточайшего угнетения, а значит, всегда несли в себе зародыш гибели. Именно поэтому в истории Востока ритмически следовали один за другим периоды упадка, возвышения, расцвета, загнивания и снова упадка. Периоды упадка часто были для чужеземцев благоприятным поводом для того, чтобы напасть на государство и добиться его нового возвышения. В классовом обществе Востока, несмотря на высокий уровень технического и социального развития, после непродолжительного расцвета вновь выявлялось лежавшее в его основе непримиримое про-

тиворечие между богатыми и бедными, эксплуататорами и эксплуатируемыми, угнетателями и угнетенными. Принципы морали и равноправия были неосуществимым для того времени идеалом. К нему вплоть до нашего столетия были устремлены чаяния эксплуатируемых и угнетенных. Борясь за него, они снова и снова брались за оружие. Но их побеждали, и они умирали в отчаянии, как вожди *хуру* свыше 4 тысяч лет назад.

Пройденный нами путь, приведший к построению социалистического общества, покажется нам коротким по сравнению с тысячелетиями, лежащими между Шанидаром и Аккадом. Мысль о страданиях угнетенных, начавшихся с образования классового общества и государства угнетателей, помогает нам лучше оценить наше настоящее. Этому способствуют и некоторые результаты развития классового общества, становление которого мы прослеживаем на древнем Востоке от первой стоянки кочующих земледельцев до империй Саргона и Нармера; способствует этому и история развития государства, хотя оно уже утратило свою первоначальную функцию: быть орудием угнетения народных масс в руках класса эксплуататоров. Напротив, оно служит всему народу для защиты и дальнейшего развития социалистического общества, а следовательно, подготавливает ту эпоху, когда при условии ликвидации антагонистических классов во всемирном масштабе отпадет нужда в государстве. Это будет эпоха коммунизма.

В связи со все более распространяющимся признанием социализма «относительно самостоятельной социально-экономической формацией в историческую эпоху перехода от капитализма к коммунизму в мировом масштабе» предлагаемая вниманию читателя книга по-новому ставит вопрос об оценке «аграрной революции», которая в известном смысле представляет собой аналогичное явление. Социализм ведет от классового общества к коммунизму и сам еще является классовым обществом, свободным, однако, от антагонистических классов, от эксплуатации и подавления. Аграрная революция открывает путь угнетению, эксплуатации, социальному расстройству, классам и завершается образованием государства, но своими корнями она уходит в родовое общество и в то же время знаменует его конец.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

AAS — Annales Archéologique Arabes Syriennes
 AFO — Archiv für Orientforschung
 AJA — American Journal of Archaeology
 AS — Anatolian Studies
 JEA — Journal of Egyptian Archaeology
 IEJ — Israel Exploration Journal
 ILN — The Illustrated London News
 JNES — Journal of Near Eastern Studies
 MDI — Mémoires de la Délégation archéologique française en Iran
 MDP — Mémoires de la Délégation archéologique française en Perse
 OIP — Oriental Institute Publications
 PEQ — Palestine Exploration Quarterly
 SBAW — Schriften der Bayerischen Akademie der Wissenschaften
 WDOG — Wissenschaftliche Veröffentlichungen der Deutschen Orient-Gesellschaft ZfA — Zeitschrift für Assyriologie und vorderasiatische Archäologie

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. К критике гегелевской философии права, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. I.
2. Энгельс Ф. Анти-Дюринг, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XX.
3. Энгельс Ф. К истории первобытной семьи, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXII.
4. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXI.
5. Abel O., Kyrle G. Die Drachenhöhle bei Mixnitz, — «Spe-läologische Monographien», Bd VII/VIII, Wien, 1931.
6. Adams R. McC. Land behind Baghdad, Chicago—London, 1965.
7. Adams R. M. C. The Evolution of Urban Society, Chicago, 1965.
8. Aharoni Y. Expedition B, The Expedition to the Judean Desert, 1961, — IEJ, Bd. 12, 3—4, 1962.
9. Alimen H. Préhistoire de l'Afrique, Paris, 1955.

10. Anati E. Palestine before the Hebrews, New York, 1963.
11. Andrae W. Die Archaischen Ischtartempel in Assur, — WDOG, 39, Leipzig, 1922.
12. Andree J. Der eiszeitliche Mensch in Deutschland und seine Kulturen, Stuttgart, 1939.
13. Arik R. C. Les Fouilles d'Alaça Hüyük, Ankara, 1936.
14. Arkell A. J. Early Khartoum, London—New York, 1955.
15. Arkell A. J. A History of the Sudan, London, 1955.
16. Arne T. J. Excavations at Shah Tepe, Iran, Stockholm, 1945.
17. Asil, Naji el-Eridu. — «Sumer», Bd. III, 2; IV, 1, V, 1, Bagdad, 1947—1949.
18. Avigad N. Expedition A, The Expedition to the Judean Desert, 1960, — IEJ, Bd. 11, 1—2, 1961.
19. Avigad N. Expedition A, The Expedition to the Judean Desert, 1961, — IEJ, Bd. 12, 3—4, 1962.
20. Bandi H. G. Zur Frage eines Bären-oder Opferkultes im ausgehenden Altpaläolithikum der Alpenzone, — «Helvetia antiqua», Zürich, 1966, 1—8.
21. Bar-Adon P. Expedition B, The Expedition to the Judean Desert, 1960, — IEJ, Bd. 11, 1—2, 1961.
22. Bar-Adon P. Expedition C, — IEJ, Bd. 12, Jerusalem, 1962.
23. Bayer J. Der Mammutjägerplatz der Aurignaczeit bei Lang-Mannersdorf auf dem Persching (Niederösterreich), — «Mannus», Bd. 13, Leipzig, 1922.
24. Birket-Smith, K. Geschichte der Kultur, Zürich, 1948.
25. Blegen C. W., Caskey J. L., Rawson, M. (u. a.), Troy I—II, Princeton, 1950—1951.
26. Boroffka G. Kunstgewerbe der Skythen, — Bossert, H. Th., Geschichte des Kunstgewerbes, I, Berlin, 1928.
27. Bostançi E. J. Researches on the Mediterranean Coast of «Anatolia», a new Palaeolithic Site at Beldibi near Antalya, — «Anatolia», Bd. IV, Ankara, 1959.
28. Bostançi E. J. A new Paleolithic and Mesolithic Facies Belbasi Rock Shelter on the Mediterranean Coast of Anatolia, — «Türk Tarih Kurumu Belleten», Bd. 26, 102, Ankara, 1962.
29. Braidwood R. J. Excavations in Iraqi-Kurdistan, — «Sumer», Bd. VII, Bagdad, 1951.
30. Braidwood R. J., Howe B. Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan, Chicago, 1960.
31. Braidwood R. J., Braidwood L. S. Excavations in the Plain of Antioch, I, — OIP, Nr. 61, Chicago, 1960.
32. Braidwood R. J. Seeking of World's first Farmers in Persian Kurdistan: A Fullscale Investigation of prehistoric sites near Kermanshah, — ILN, 22.X.1960.
33. Braidwood R. J., Howe B., Reed C. A. The Iranian Prehistoric Project, — «Science», 23.VI.1961.
34. Braidwood R. J. Further Remarks on Radioactive Carbon Age Determination and the Chronology of the Late Prehistoric and Protohistoric Near East, — «Vorderasiatische Archäologie (Festschrift Moortgat)», Berlin, 1964.
35. Brentjes B. Land zwischen den Strömen, Leipzig, 1963.
36. Brentjes B. Die Haustierwerdung im Orient, Wittenberg, 1965.

37. Brentjes B., Fels- und Höhlenbilder Afrikas, Leipzig, 1965.
38. Brentjes B. Einige Quellen zur Geschichte der Klassenkämpfe im Alten Orient, — «Klio», Bd. 46, 1966.
39. Breton L. le, The early Period at Suse, — «Iraq», Bd. XIX, London, 1957.
40. Brunton G., Caton-Thompson G. The Badarian Civilization, London, 1928.
41. Butzer K. W. Studien zum vor- und frühgeschichtlichen Landschaftswandel der Sahara III. Akademie der Wissenschaft und der Literatur Wiesbaden, Abhandlungen der mathematisch-naturwissenschaftlichen Klasse, Nr. 2, 1959.
42. Butzer K. W. Environment and Archaeology, London, 1964.
43. Caton-Thompson G., Gardner E. W. The Desert Fayum, London, 1935.
44. Childe V. G. New Light on the Most Ancient East, ed. 7, London, 1958.
45. Chlopin J. N. Das Aenolithikum der südlichen Bezirke Mittelasiens, — «Archäologie der UdSSR», Bd. 3—8, Moskau-Leningrad (russisch), 1963.
46. Christian V. Altertumskunde des Zweistromlandes, Leipzig, 1940.
47. Clemen C. Lukians Schrift über die syrische Göttin, — «Der alte Orient», Bd. 37, 2, Leipzig, 1938.
48. Contenau G., Ghirshman R. Fouilles du Tepe Giyan, Paris, 1935.
49. Contenson H. de, Liere W. J. van, Sondages à Tell Ramad en 1963, Rapport préliminaire, — AAS, Bd. XVI, Damaskus, 1964.
50. Contenson H. de. Notes on the Chronology of Near Eastern Neolithic, — «Bulletin of the American Schools for Oriental Research», 184, Dez., Bagdad, 1966.
51. Contenson H. de, Liere W. J. van, Seconde Campagne à Tell Ramad, 1965. Rapport préliminaire, — AAS, Bd. XVI, 2, Damaskus, 1966.
52. Contenson H. de, Liere, W. J. van, Premiers Pas vers une Chronologie absolue à Tell Ramad, — AAS, Bd. XVI, 2, Damaskus, 1966.
53. Contenson H. de, Liere W. J. van, Premier Sondage à Bouqras en 1965. Rapport préliminaire, — AAS, Bd. XVI, 2, Damaskus, 1966.
54. Coon C. S. Cave Explorations in Iran 1949, Philadelphia, 1951.
55. Crawford V. E. Nippur, the Holy City, — «Archaeology», Bd. 12, New York, 1959.
56. Culican W. The Medes and Persians, London, 1965.
57. Curwen E. C. Plough and Pasture, London, 1946.
58. Dales G. F. The Mythical Massacre at Mohenjo Daro, — «Expedition», Bd. 6, 3, Philadelphia, 1964.
59. Deimel A. Die Inschriften von Fara, I—III, Leipzig, 1922—1924.
60. Deimel A. Sumerische Tempelwirtschaft zur Zeit Urukaginas und seiner Vorgänger, — «Analecta orientalia», II, Rom, 1931.
61. Debono F., el Omari (près d'Hérouan), — «Annales du Service des antiquités de l'Égypte», Bd. 48, 1948.
62. Delougaz P. A Short Investigation of the Temple at al-'Ubaid, — «Iraq», Bd. V. 1, London, 1938.
63. Delougaz P. The Temple Oval at Khafajah, — OIP, Bd. 53, Chicago, 1940.
64. Delougaz P., Lloyd S. Pre-Sargonic Temples in the Diyala Region, — OIP, Bd. 58, Chicago, 1942.
65. Delougaz P., Pottery from the Diyala Region, — OIP, Bd. 63, Chicago, 1952.
66. Delougaz P., Architectural Representations on Steatite Vases, — «Iraq», Bd. 22, London, 1960.
67. Derry D. E. The Dynastic Race in Egypt, — JEA, Bd. 42, London, 1956.
68. Dikaios P. Khirakitia, London — New York — Toronto, 1953.
69. Dougherty R. C., Caldwell J. R. Evidence of Early Pyrometallurgy in the Kerman Range in Iran, — «Science», 26, VIII, 1966.
70. Du Mesnil du Buisson, Le Comte, Baghouz. «Documenta et Monumenta Orientalis Antiqui», Vol. III, London, 1948.
71. Dunand M., Fouilles de Byblos, Paris, 1937.
72. Edzard D. O. Mesopotamien, — «Wörterbuch der Mythologie», I, 1, Stuttgart, 1965.
73. Edzard D. O., 2. Die frühdynastische Zeit, — «Die altorientalischen Reiche», I. «Fischers Weltgeschichte», Bd. II, Frankfurt/M., 1965.
74. Ehrich R. W. (Hrsg.), Relative Chronologies in Old World Archaeology, Chicago, 1954.
75. Emery W. B. Great Tombs of the First Dynasty, Kairo, 1949.
76. Engberg R. M., Shipton G. M. Notes on the Chalcolithic and Early Bronze Age Pottery of Megiddo, — OIP, Bd. 10, Chicago, 1934.
77. Evans J. D. Excavations on the Neolithic Mound of Knossos 1958—60, — «Bulletin of the Institute of Archaeology», Bd. 4, London, 1964.
78. Falkenstein A. Archaische Texte aus Uruk. Ausgrabungen der Deutschen Forschungsgemeinschaft in Uruk-Warka, Bd. 2, Berlin, 1936.
79. Falkenstein A., Soden W. von, Sumerische und akkadische Hymnen und Gebete, Die Bibliothek der Alten Welt, Hrsg. H. Hoenn, Zürich-Stuttgart, 1953.
80. Falkenstein A. Sumerische religiöse Texte, — ZfA, Bd. 56, Berlin, 1964.
81. Falkenstein A. Zu den Tontafeln aus Tartaria, — «Germania», Bd. 43, Berlin, 1965.
82. Falkenstein A., 1. Die Ur- und Frühgeschichte des Alten Vorderasien, — «Die Altorientalischen Reiche», I. «Fischers Weltgeschichte», Bd. II, Frankfurt/M., 1965.
83. Falkenstein A. Zu «Gilgamesh und Agga», — AfO, Bd. XXI, Graz, 1966.
84. Field H. The Field Museum. Oxford University Expedition to Kish, Mesopotamia, 1923—29, — «Anthropological-Letter 28», Chicago, 1929.
85. Frank C. Sarrukin's Ende in Omentexten, — ZfA, Bd. 28, Straßburg, 1914.

86. Frankfort H. Tell Asmar, Khafaje and Khorsabad,—OIP, Bd. 16, Chicago, 1933.
87. Frankfort H. Sculpture of the third Millennium BC from Tell Asmar and Kna'ajah,—OIP, Bd. 44, Chicago, 1939.
88. Frankfort H. Cylinder Seals, London, 1939.
89. Frankfort H. More Sculpture from the Diyala Region,—OIP, Bd. 60, Chicago, 1943.
90. Frankfort H. The Art and Architecture of the Ancient Orient, Harmondsworth, 1954.
91. Frankfort H. Stratified Cylinder Seals from the Diyala Region,—OIP, Bd. LXXII, Chicago, 1955.
92. French D. J. Excavations at Can Hasan,—AS, Bd. XII, London, 1962.
93. Frobenius L. Völkerkunde in Charakterbildern, Hannover, 1902.
94. Frobenius L. Die atlantische Götterwelt,—«Atlantis», Bd. X, Jena, 1926.
95. Frobenius L. Kulturgeschichte Afrikas, Wien, 1933.
96. Gadd C. J. Seals of Ancient Indian Style found at Ur,—Proceedings of the British Academy, Vol. XVIII, London.
97. Gardiner A. H. The Admonitions of an Egyptian Sage, Leipzig, 1909.
98. Garrod D. A. E. The Stone Age of Mount Carmel I, Oxford, 1937.
99. Garrod D. A. E. The Natufian Culture: The Life and Economy of an Mesolithic People in the Near East,—«Proceedings of the British Academy», vol. XLIII, London, 1957.
100. Garstang J. (u. a.) Jericho: City and Necropolis,—«Annals of Archaeology and Anthropology», Liverpool, Bd. 23, 22, Bd. 21, 1934—1936.
101. Garstang J. Prehistoric Mersin-Yümük Tepe in Southern Turkey, Oxford, 1953.
102. Genouillac H. de, Fouilles de Telloh, Bd. I—II, Paris, 1934—1936.
103. Ghirshman R. Fouilles de Sialk près des Kashan, I, Leiden, II, Paris, 1938—1939.
104. Gimbutas M. Masterpieces of Neolithic Art from Rumania,—«Archaeology», Bd. 16, New York, 1963.
105. Goff B. L. Symbols of Prehistoric Mesopotamia, New Haven—London, 1963.
106. Großmann H. Altorientalische Texte zum Alten Testament, Berlin—Leipzig, 1937.
107. Haas H. Die Ainu und ihre Religion,—«Bildatlas zur Religionsgeschichte», Lieferung 8, Leipzig—Erlangen, 1925.
108. Hall H. R., Woolley C. L. Al-'Ubaid,—«Ur Excavations», Vol. I, Oxford, 1927.
109. Hančar F. Erkenntnisbeitrag zum Tierzuchtanfang,—«Der Schlern», 32. Bozen, 1958.
110. Hančar F. Die oberpaläolithische Mammutjägerstation Mezin,—/«Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien», Bd. XCI, 1961.
111. Hansen D. P., Dales G. F. The Temple of Inanna Queen of

- Heaven at Nippur,—«Archaeology», Bd. 15, New York, H. 2, 1962.
112. Harlan J. R., Zohary D. Distribution of Wild Wheats and Barley,—«Science», Bd. 153, 1966.
113. Harlan J. R. A Wild Wheat Harvest in Turkey,—«Archaeology», Bd. 20, New York, 1967.
114. Hayes W. C. The Neolithic and Chalcolithic Communities of Northern Egypt,—JNES, Bd. 23; The Predynastic Cultures,—JNES, Bd. 23.
115. Heinrich E. Fara, Ergebnisse der Ausgrabungen der Deutschen Orientgesellschaft in Fara und Abu Hatab 1902—1903, Berlin, 1931.
116. Heinrich E. Kleinfunde aus den archaischen Tempelschichten in Uruk. Ausgrabungen der Deutschen Forschungsgemeinschaft in Uruk-Warka, Bd. I, Berlin, 1936.
117. Herzfeld E. Die vorgeschichtlichen Töpfereien von Samarra,—«Die Ausgrabungen von Samarra», Bd. 5, Berlin, 1930.
118. Hestrin R., Tadmor M. A Hoard of Tools and Weapons from Kfar Monash,—IEJ, Bd. 13, 4, Jerusalem, 1963.
119. Hole F., Flannery K. V. Excavations at Ali Kosh, Iran, 1961,—«Iranica Antiqua», Bd. II, 2, Leiden, 1962.
120. Howe B. Two Groups of Rock Engravings from the Hijaz,—JNES, Bd. IX, Chicago, 1950.
121. Jacobson T. Early Political Development in Mesopotamia,—ZfA, Bd. 52, 1957.
122. Jequier G. Fouilles de Suse,—MDP, Bd. VII, Paris, 1905.
123. Jordan J., Nöldeke A., Heinrich E., Lenzen H. Vorläufiger Bericht über die in Uruk-Warka unternommenen Ausgrabungen, Bd. I—XX, Berlin, 1930—1965.
124. Junker H. Die Geisteshaltung der Ägypter in der Frühzeit, Wien, 1961.
125. Kaplan J. The Connections of the Palestinian Chalcolithic Culture with Prehistoric Egypt,—IEJ, Bd. 9, 2, Jerusalem, 1959.
126. Kaplan R. Excavations at Benei Berag, 1951,—IEJ, Bd. 13, 4, Jerusalem, 1963.
127. Kees H. Ägypten,—Otten, W. (Hrsg.), Handbuch der Altertumswissenschaft, Bd. III, 1, 3. Alt, A/Christensen, A. Kulturgeschichte des Alten Orients, I. Abschnitt, München, 1933.
128. Kenyon K. M. Excavations at Jericho, 1952—58,—PEQ, London, 1952—1960.
129. Kenyon K. M. Archaeology in the Holy Land, New York, 1960.
130. Kirkbride D. The Excavation of a Neolithic Village at Seyl Aqlat, Beidha, Near Petra,—PEQ, Bd. 92, 1960.
131. Kirkbride D. Beidha,—«Archaeology», Bd. 19, 1966.
132. Klengel H. Zu den sibutum in altbabylonischer Zeit,—«Orientalia», Rom, 1960.
133. Klengel H. Die Rolle der «Altesten» (Lu meš, šu, gi) im Kleinasien der Hethiterzeit,—ZfA, Bd. 57, Berlin, 1965.
134. Koeppl R., Mallon R., Neuville R. Teleilat Ghassul I—II, Rom, 1934—1940.

135. Koschaker P. Fratriarchat, Hausgemeinschaft und Mutterrecht in Keilschriftrechten,—ZfA, Bd. 41, 1933.
136. Kramer S. N. Enmerkar and the Lord of Aratta, Philadelphia, 1952.
137. Kramer S. N. Geschichte beginnt mit Sumer, München, 1959.
138. Kramer S. N. The Indus Civilization and Dilmun, the Sumerian Paradise Land,—«Expedition», Bd. 6, 3, Philadelphia, 1964.
139. Kramer S. N. Dumuzi's Annual Resurrection: An important correction to 'Inanna's Descent',—«Bulletin of the American Schools for Oriental Research», № 183, Jerusalem—Bagdad, 1966.
140. Kühn H. Auf den Spuren des Eiszeitmenschen, Wiesbaden, 1950.
141. Kühn H. Eiszeitkunst, Göttingen, 1965.
142. Lal B. B., A picture emerges—an assessment of the Carbon—14 datings of the protohistoric cultures of the Indo-Pakistan subcontinent,—«Ancient India», № 18/19, New Delhi, 1961.
143. Landsberger B. Einige unerkannte oder verkannte Nomina des Akkadischen,—«Die Welt des Orients», Bd. III, Göttingen, 1966.
144. Langdon S. Excavations at Kish I—IV, Paris, 1924—1934.
145. Langsdorff A., McCown D. E. Tall-i Bakun A. Season of 1932,—OIP, Bd. LIX, Chicago, 1942.
146. Lees G. M., Falcon N. L. The Geographical History of the Mesopotamian Plains,—«The Geographical Journal», Bd. CXVIII, 1, London, 1952.
147. Lenzen H. J. Die Ausgrabungen in Uruk von 1960 bis 1964,—AfO, Bd. XXI, Graz, 1966.
148. Liere W. J. van, Contenson H. de. A Note on Five Early Neolithic Sites in Inland Syria,—AAS, Bd. XIII, Damaskus, 1963.
149. Lindner K. Die Jagd der Vorzeit, Berlin—Leipzig, 1937.
150. Lloyd S., Safar F. Tell Uqair,—INES, Bd. II, 1943.
151. Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna,—INES, Bd. IV, 1945.
152. Lloyd S., Safar F. Eridu—a Preliminary Communication of the First Season's Excavations 1947,—«Sumer», Bd. III, Bagdad, 1947.
153. Lloyd S., Safar F. Eridu—a Preliminary Communication on the Second Season's Excavations 1947/48,—«Sumer», Bd. IV, Bagdad, 1948.
154. Lloyd S. Early Anatolia, Harmondsworth, 1956.
155. Lloyd S., Mellaart J. Beycesultan Excavations, Fourth Preliminary Report, 1957,—AS, Bd. VIII, London, 1957.
156. Lloyd S. Anatolia, an archaeological Renaissance,—«Bulletin of the Institute of Archaeology», Bd. V, London, 1965.
157. Loon M. van. Mureybat,—«Archaeology», Bd. 19, New York, 1966.
158. Loon M. van. First Results of the 1965 Excavations at Tell Mureybat near Meskene,—AAS, Bd. XVI, 2, Damaskus, 1966.
159. Loud G. Megiddo II, Chicago, 1948.
160. Macalister R. A. S. The Excavations of Gezer I—III, London, 1912.
161. Mackay A. A Sumerian Palace and the 'A'-Cemetery at Kish, Mesopotamia, Anthropological Memoirs, Bd. 1, 2, Chicago, 1929.
162. Mackay A. Further Excavations at Mohenjo Daro, I/II, Delhi, 1938.
163. Mallowan M. E. L., Rose J.C. Excavations at Tall Arpachiyah, 1933,—«Iraq», vol. II, 1, London, 1935.
164. Mallowan M. E. L. Excavations at Brak and Chagar Bazar,—«Iraq», vol. IX, London, 1947.
165. Mallowan M. E. L. Wiege der Kultur: Mesopotamien und der Iran,—Piggott S. Die Welt, aus der wir kommen, München—Zürich, 1961.
166. Marquet-Krause J. Les Fouilles de 'Ay (et Tell), 1933—1935, Paris, 1949.
167. Marshall J. Mohenjo Daro and the Indus Civilization, I—III, London, 1934.
168. Matthes W. Die Darstellung von Tier und Mensch in der Plastik des älteren Paläolithikums,—«Symbolon, Jahrbuch für Symbolforschung», Bd. 4, Basel—Stuttgart, 1964.
169. Mecquenem R. de. Notes sur la céramique peinte archaïque en Perse,—MDP, Bd. 20, Paris, 1928.
170. Mecquenem R. de. Epigraphie proto-Elamite,—MDI, Bd. XXXI, Paris, 1949.
171. Mellaart J. Excavations at Hacilar,—AS, Bd. VIII—XI, London, 1958—1961.
172. Mellaart J. The Royal Treasure of Dorak—a First and Exclusive Report of a Clandestine Excavation which led to the most Important Discovery since the Royal Tombs of Ur,—ILN, 18.XI.1959.
173. Mellaart J. Notes on the Architectural Remains of Troy I and II,—AS, Bd. 9, London, 1959.
174. Mellaart J. Zu Hacilar,—ILN, 11.II.1961; 8.IV.1961.
175. Mellaart J. Zu Chatal Hüyük,—ILN, 9.VI.1962; 16.VI.1962; 26.II.1963; 2.II.1963; 9.II.1963; 1.II.1964; 8.II.1964; 15.II.1964; 22.II.1964; 28.V.1966; 4.VI.1966; 11.VI.1966.
176. Mellaart J. Excavations at Chatal Hüyük,—AS, Bd. XII—XVI, 1962—1966.
177. Mellaart J. Earliest Civilizations of the Near East, London, 1965.
178. Mellaart J. Chatal Hüyük, Stade aus der Steinzeit,—«Neue Entdeckungen der Archäologie», Bergisch—Gladbach, 1967.
179. Mellink M. J. Archaeology in Asia Minor,—AJA, Bd. 69, 1959.
180. Mendelsohn I. Slavery in the Ancient Near East, New York, 1949.
181. Milošević V. Die erste prakeramische bäuerliche Siedlung der Jungsteinzeit in Europa,—«Germania», Bd. 34, Berlin, 1956.
182. Milošević V. Präkeramisches Neolithikum auf der Balkanhalbinsel,—«Germania», Bd. 38, Berlin, 1960.
183. Milošević V. Die Tontafeln von Tartaria (Siebenbürgen) und die absolute Chronologie des mitteleuropäischen Neolithikums,—«Germania», Bd. 43, Berlin, 1965.

184. Mode H. Das frühe Indien, Stuttgart, 1959.
185. Moortgat A. Vorderasiatische Rollsiegel, Berlin, 1940.
186. Moortgat A. Vorderasien im Altertum, München, 1950.
187. Moortgat A. Tell Chuera, — AfO, Bd. XXI, Graz, 1966.
188. Mori F. Tadrart Acacus, Turin, 1965.
189. Mortensen P., Meldegaard J., Thrane H. Excavation at Tepe Guran, Luristan, — «Acta Archaeologica», Bd. XXXIV, Kopenhagen, 1963.
190. Mortensen P. On the Chronology of Early Village — Farming Communities in Northern Iraq, — «Sumer», Bd. XVIII, 1962.
191. Nagel W. Die Bauern- und Stadtkulturen im vordynastischen Vorderasien, Berlin, 1964.
192. Neuninger H., Pittioni R., Siegl W. Frühkeramische Kupfergewinnung in Anatolien, — «Archaeologia Austriaca», H. 35, Wien, 1964.
193. Neuville R. La Préhistorique de Palestine, — «Revue Biblique», 43, Paris, 1934.
194. Neuville R. Le paléolithique et le mésolithique du Désert de Judée, — «Archives de l'Institut de Paléontologie humaine», Mem. XXIV, Paris, 1951.
195. Oates J. Ur and Eridu, the Prehistory, — «Iraq», Bd. 22, London, 1960.
196. Oates J. First preliminary report on a survey in the Region of Mandali and Badra, — «Sumer», Bd. XXII, Bagdad, 1966.
197. Obermaier H. Fossil Man in Spain, London, 1925.
198. Oppenheim A. L. Ancient Mesopotamia, London — Chicago, 1964.
199. Otto E. Ägypten, der Weg des Pharaonenreiches. Urban-Bücher, Bd. 4, 3. Aufl., Stuttgart, 1958.
200. Parrot A. Tello, Paris, 1948.
201. Parrot A. Assur, München, 1961.
202. Peiper A. Chronik der Kinderheilkunde, 4. Aufl., 1966.
203. Perrot J. 'Eynan ('Ein Mallaha), — IEJ, Bd. VII, Jerusalem, 1957.
204. Perrot J. Le mésolithique de Palestine et les récentes découverts à 'Eynan ('Ein Mallaha), — «Antiquity and Survival», Bd. 2, 1957.
205. Perrot J. Statuettes en Ivoire et autres Objets en ivoire et en Os provenant des Gisements préhistorique de la Région de Beersheba, — «Syria», Bd. XXXVI, Paris, 1959.
206. Perrot J. Dawn of History in Southern Palestine, — «Archaeology», Bd. XII, New York, 1959.
207. Perrot J. The Ivory Art of the Mysterious Troglodytes of the Beersheba of 5000 Years ago, II, — ILN, 30.VII.1960.
208. Perrot J. Excavations at 'Eynan ('Ein Mallaha), Preliminary Report on the 1959 Season, — IEJ, Bd. 10, 1960.
209. Perrot J. Les deux premières campagnes de fouilles à Munhata, — «Syria», Bd. 41, Paris, 1964.
210. Perrot J. Little Houses for the Dead of 5000 Years ago: A Group of Curious Ceramic Ossuaries from Azor in the Tel-Aviv District, — ILN, 3.XII.1960.
211. Perrot J. La Troisième Campagne de Fouilles à Munhata (1964), — «Syria», Bd. XLIII, 1966.

212. Petrie W. M. F. Naqada and Ballas, London, 1896.
213. Petrie W. M. F. The Royal Tombs of the First Dynasties, London, I/II, 1900—1901.
214. Petrie W. M. F. Abydos I, London, 1902.
215. Petrie W. M. F. Prehistoric Egypt, London, 1917.
216. Popovitch V. Une civilisation égéo-orientale sur le Moyen Danube, — «Revue archéologique», Bd. II, Paris, 1965.
217. Porada E. The Relative Chronology of Mesopotamia I, Chicago, 1966.
218. Prausnitz M. W. The first Agricultural Settlements in Galilee, — IEJ, Bd. 9, 3, Jerusalem, 1959.
219. Pumpelly R. Explorations in Turkestan, Washington, 1908.
220. Quibell J. E. Hierakonpolis I, London, 1900.
221. Quibell J. E., Green F. W. Hierakonpolis II, London, 1902.
222. Quitta H. Radiocarbonaten und die Chronologie des mittel- und südosteuropäischen Neolithikums, — «Ausgrabungen und Funde», Bd. XII, H. 3, Berlin, 1967.
223. Rao S. R. The Excavations at Lothal, — «Lalit Kala», 3/4, New Delhi, 1956—1957.
224. Reed C. A. Osteological Evidences for Prehistoric Domestication in Southwestern Asia, — «Zeitschrift für Tierzüchtung und Züchtungsbiologie», Bd. 76, Hamburg — Berlin, 1961—1962.
225. Reed C. A. Osteo-Archaeology, — «Science in Archaeology», London, 1963—1965.
226. Rhotert H. Transjordanien, Vorgeschichtliche Forschungen, Stuttgart, 1938.
227. Rizkana J. Centres of Settlement in Prehistoric Egypt in the Area between Helwan and Heliopolis, — «Bulletin de l'Institut Fouad I du Desert», II, 2, Heliopolis, 1952.
228. Roeder G. Mythen und Legenden um ägyptische Gottheiten und Pharaonen, Bd. II, — «Die ägyptische Religion in Texten und Bildern», Zürich — Stuttgart, 1960.
229. Röhrs H., Herre W. Zur Frühentwicklung der Haustiere, — «Zeitschrift für Tierzüchtung und Züchtungsbiologie», Bd. 75, 2, Hamburg, 1961.
230. Ross E. J. A Chalcolithic Site in Northern Baluchistan, — INES, Bd. 5, Chicago, 1946.
231. Rostovtzeff M. I. The Sumerian Treasure of Astarabad, — JEA, Bd. VI, 1920.
232. Rothenberg B. Ancient Copper Industries in the Western Arabah, — PEQ, Bd. 94, London, 1962.
233. Rust A. Die Höhlenfunde von Jabrud, Heumünster, 1950.
234. San Nicolo M., Dyandrie, — «Ebeling/Meissner Reallexikon der Assyriologie», Bd. II, Berlin — Leipzig, 1938.
235. Schachermeyr F. Ägypten und Kreta, — AfO, Bd. XVI, Graz, 1952.
236. Schachermeyr F. Die vorderasiatische Kulturtrift, — «Saeculum», Bd. 5, 1954.
237. Schaeffer C. S. Ugaritica I—IV, Paris, 1939—1962.
238. Scharff A. Das vorgeschichtliche Gräberfeld von Abusir el-Meleq, Leipzig, 1926.
239. Scharff A. Die Frühkulturen Ägyptens und Mesopotamiens, — «Der Alte Orient», Bd. 41, Leipzig, 1941.

240. Scharff A. Archäologische Beiträge zu der Frage der Entstehung der Hieroglyphenschrift,—SBAW, H. 3, 1942.
241. Scharff A. Wesensunterschiede ägyptischer und vorderasiatischer Kunst,—«Der Alte Orient», Bd. Leipzig, 1943.
242. Scharff A. Moorikat A. Ägypten und Vorderasien im Altertum, München, 1950.
243. Scheil V. Un Sceau Hétéen,—«Revue d'Assyriologie», Bd. 13, Paris, 1916.
244. Scheil V. Un nouveau Sceau Hindou pseudo-Sumerien,—«Revue d'Assyriologie», Bd. 22, Paris, 1925.
245. Schmidt E. Excavations at Tepe Hissar-Damghan, Philadelphia, 1937.
246. Schmidt H. Tell Halaf, Die prähistorischen Funde, Berlin, 1943.
247. Schmökel H. Ur, Assur und Babylon, Stuttgart, 1955.
248. Schneider A. Die Anfänge der Kulturwirtschaft, Die sumerische Tempelstadt, Essen, 1920.
249. Smith C. R. On a Recently Opened Tumulus in the neighbourhood of Asterabad, forming Part of Ancient Hyrcania and the Country of the Parthians,—«Archaeologia», Bd. 30, London, 1944.
250. Smith W. S. The Art and Architecture of Ancient Egypt, Harmondsworth, 1958.
251. Solecki R. L. The 1960 Season at Zawi Chemi Shanidar,—«Sumer», Bd. 17, Bagdad, 1961.
252. Solecki R. L. Zawi Chemi Shanidar, a post-pleistocene Village Site in Northern Iraq,—«Report of the Vth International Congress of Quaternary», Warsaw, 1961, vol. IV, Lodz, 1964.
253. Solecki R. S. Shanidar Cave, a late pleistocene Site in Iraq,—«Report of the Vth International Congress on Quaternary», Warsaw, 1961, vol. IV, Lodz, 1964.
254. Speiser A. Excavations at Tepe Gawra, I, Philadelphia, 1935.
255. Speiser F. Über Totenbestattungen in Insel-Melanesien,—«Internationales Archiv für Ethnographie», Bd. XL, 5/6, Leiden, 1942.
256. Spiegel J. Soziale und weltanschauliche Reformbewegungen im Alten Ägypten, Heidelberg, 1950.
257. Srejović D., u. a. Lepenski Vir, Beograd, 1968.
258. Stekelis M. A New Neolithic Industry: The Yarmukian of Palestine,—IEJ, Bd. 1, 1, Jerusalem, 1950—1951.
259. Stekelis M. Oren Valley (Wadi Fallah),—IEJ, Bd. 10, Jerusalem, 1960.
260. Stekelis M., Yizraely T. Excavations at Nahal Oren, Preliminary Report,—IEJ, Bd. 13, 1963.
261. Strommenger E. Fünf Jahrtausende Mesopotamien, München, 1962.
262. Tadmor M. Contacts between the 'Amuq and Syria-Palestine,—IEJ, Bd. 14, 4, 1964.
263. Thorvildsen K. Burial Cairns on Umm en-Nar,—KUML, 1962, Aarhus, 1963.
264. Thureau-Dangin F. Sceaux de Tello et Sceaux de Harappa,—«Revue d'Assyriologie», Bd. 22, Paris, 1925.
265. Tobler A. J. Excavations at Tepe Gawra II, Philadelphia, 1950.
266. Todd I. A. Asikli Hüyük, A Protoneolithic Site in Central Anatolia,—AS, Bd. XVI, 1966.
267. Vandier J. Manuel d'Archéologie Égyptienne, I, Paris, 1952.
268. Vercoutter J. 6. Die Anfänge Ägyptens. 7. Das archaische Ägypten. 8. Das Alte Reich. 9. Das Ende des Alten Reiches und die Erste Zwischenzeit,—«Die Altorientalischen Reiche, I. Fischers Weltgeschichte», Bd. 2, Frankfurt/M., 1965.
269. Wailly F. Tell es-Sawwan,—«Sumer», Bd. XX, Bagdad, 1964.
270. Wailly F., Behman Abu as-Soof, Excavations at Tell es-Sawwan,—«Sumer», Bd. XXI, Bagdad, 1965.
271. Weidner E. Das Reich Sargons von Akkad,—«AfO», Bd. 16, Graz, 1952—1953.
272. Weidner E. Persischer Golf, Umm en-Nar (Gebiet Abu Dhabi),—«AfO», Graz, 1966.
273. Wheeler M. The Indus Civilization, Cambridge, 1953.
274. Wilson J. A. The Assembly of a Phoenician City,—INES, Bd. IV, Chicago, 1945.
275. Winckler H. The Rockdrawings of Southern Upper Egypt, I—II, London, 1938—1939.
276. Woolley C. L. Excavations at Tell el-Obeid,—«The Antiq. Journal», 1924.
277. Woolley C. L. The Royal Cemetery. Ur Excavations, Bd. 2, New York, 1934.
278. Wreszinski W. Atlas zur altägyptischen Kulturgeschichte I—III, Leipzig, 1923—1940.
279. Yeivin S. Early Contacts between Canaan and Egypt,—IEJ, Bd. 10, 4, Jerusalem, 1960.
280. Young T. Taking the History of the Hasanlu Area Back Another five Thousand Years: Sixth and Fifth Millenium Settlements in the Solduz-Valley, Persia,—ILN, 3.XI.1962.
281. Young T. Dalma Painted Ware,—«Expedition», Vol. 5, 2, Philadelphia, 1963.
282. Young T., Smith P. E. L. Research in the Prehistory of Central Western Iran,—«Science», 22.VII.1966.
283. Zeuner F. E. The Goats of Early Jericho,—PEQ, Bd. 86, 1952.
284. Zeuner F. E. Dog and Cat in the Neolithic of Jericho,—PEQ, Bd. 90/91, London, 1958—1959.
285. Ziegler Ch. Die Keramik von der Qal'at des Haggi Mohammed, Berlin, 1953.
286. Zolt L. F. Bärenkult? —«Forschungen und Fortschritte», 32. Jg., H. 11, Berlin, 1958.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Ничто так не меняет судьбы человечества, как революция. Нам, современникам величайших социальных потрясений, связанных с невиданным научно-техническим прогрессом, едва ли следует это доказывать. Последние десятилетия полностью изменили лик земли. Революции были и прежде. Но диалектика исторического процесса ускоряет развитие человеческого общества. Перемены, происходящие теперь на глазах буквально нескольких поколений, требовали прежде столетий, а если углубиться в даль веков, то и тысячелетий. Именно такова была, как показали археологические открытия последних предвоенных лет и особенно последовавших за войной десятилетий, так называемая неолитическая революция (если согласиться с этим определением, которое, надо признать, остается спорным), заложившая основы современной цивилизации.

К сожалению, об этой переломной эпохе, оставившей неизгладимый след на всем дальнейшем ходе истории, ибо именно тогда впервые появились многие важнейшие технические изобретения и возникло имущественное неравенство, писали мало и преимущественно в монографиях и статьях, предназначенных для специалистов¹. Общедоступные, обобщающие работы практически отсутствуют².

¹ В. М. Массон, *Средняя Азия и Древний Восток*, М.—Л., 1954, Особый интерес представляют его же глава «Пути неолитической революции» в кн. «Поселение Джейтун», Л., 1971, с. 106—159, а также статьи В. М. Бахта, Л. С. Васильева, В. И. Гуляева, В. С. Титова и некоторых других.

² Только совсем недавно появилась весьма квалифицированно написанная статья, предназначенная для массового читателя: С. Арутюнов и А. Хазанов, Это называется неолитической революцией, — «Знание-сила», 1974, № 10, с. 17—20.

Вот почему было решено перевести книгу плодovitого популяризатора и ученого — археолога из ГДР Бурхарда Брентьеса, обладающую рядом несомненных достоинств и могущую восполнить этот пробел. Автор, основательно владея литературой предмета и будучи достаточно хорошо осведомленным о всех последних достижениях археологии, сумел синтезировать почти необозримый материал, разъяснить, чем была обусловлена «неолитическая революция», какова была закономерность ее развития, раскрыть присущие ей противоречия, показать, что она принесла человечеству, как она протекала в отдельных областях, и, наконец, объяснить, к чему она привела. Решить эту в общем в силу ее многогранности далеко не легкую задачу помогло последовательное применение метода исторического материализма. Поэтому Б. Брентьес попутно смог убедительно разъяснить неприемлемость некоторых теорий, выдвигаемых учеными, придерживающимися иных взглядов. Достаточно ограничиться одним примером: наглядной и обоснованной критике подвергается им концепция так называемого государственно-религиозного социализма, якобы присущего городам-государствам Шумера.

Археологические открытия, особенно на Балканах и в странах Ближнего Востока, преимущественно послевоенного времени, заставили многое пересмотреть и переоценить из того, что казалось твердо установленным в жизни, быту и общественной организации древнейших земледельцев и скотоводов, обитателей первых огороженных поселений, сменивших присваивающие формы хозяйства на промысловые.

Прежде всего пришлось раздвинуть хронологические рамки. Оседлость возникла, оказывается, много раньше, чем предполагали. Она обусловила коренные изменения в материальной культуре, племенной организации, религии — основной тогда форме идеологии. Все это было тесно взаимосвязано, что наглядно, убедительно и доступно сумел показать Б. Брентьес, щедро используя этнографические параллели, ибо и ныне некоторые остальные племена, например, в Новой Гвинее или в сельве бассейна Амазонки едва достигли начальных этапов «неолитической революции».

Очень последовательно и точно раскрыты присущие раннеклассовому обществу противоречия, которые в конце концов завели его в тупик. Посвященные этой сложной проблеме страницы — несомненная удача автора. Нельзя не признать, что он в общем справился с поставленной им задачей, хотя о некоторых частностях с ним можно и даже должно спорить. Читатель, уже ознакомившийся с книгой, без сомнения, рассудит сам, в какой

степени справедливы приводимые ниже возражения, единственная цель которых — внести уточнения в отдельные положения автора. Но прежде одно замечание общего порядка.

Как уже было сказано, Б. Брентьес стремится раскрыть закономерность развития общинно-родовой формации и ее перехода в первую классовую формацию — рабовладельческую, опираясь на учение исторического материализма, в первую очередь на классический труд Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Но, как известно, Ф. Энгельс издал его более 90 лет назад — в 1884 г. С тех пор наши знания возросли почти необозримо; добыто и осмыслено множество новых фактов, не известных ни Ф. Энгельсу, ни тем выдающимся ученым, например Моргану, Бахофену и другим, исследованиями и выводами которых он воспользовался. Эти факты были обсуждены и восполнены на многих конференциях и симпозиумах.

Конечно, далеко не все выяснено до конца. Многие, очень многое еще спорно, но кое-что, и даже не мало, допустимо считать теперь установленным. Поэтому достойно сожаления, что Б. Брентьес обошел молчанием оживленные и плодотворные споры, которые ведутся как среди историков-марксистов, так и между последними и сторонниками всевозможных идеалистических и вульгарно-экономических концепций. Он ограничился лишь цитированием упомянутого труда Ф. Энгельса. Таким образом, некоторые установленные в последнее время факты и их теоретическое истолкование и обобщение оставлены им, по существу, без внимания.

Естественно, подобный, так сказать статичный, подход к основополагающим высказываниям одного из классиков марксизма вынуждает автора порою повторять зады науки, в иных случаях лишает возможности сделать надлежащие выводы, а кое-где приводит даже к более чем спорным заключениям, как, например, фактическое отождествление неолитической революции с эпохой «варварства». Не приходится сомневаться, что сам Ф. Энгельс, чутко и действительно отзывавшийся на научный прогресс внес бы, доживи он до наших дней, существенные уточнения, например, в характеристику гомеровского общества, отнесенного им к этому периоду, который, как известно, еще не обладал письменностью. Между тем мы теперь твердо знаем, что и в Микенах Агамемнона и в Пилосе Нестора грамотность была достаточно широко распространена. Недаром там обнаружены в 40—50-х годах целые архивы.

Кстати, о самом термине «неолитическая революция». Как известно, он был предложен известным английским ученым-ар-

хеологом Г. Чайльдом незадолго до войны³ и постепенно приобрел права гражданства в нашей литературе. Б. Брентьес предлагает заменить его определением «аграрная революция», в чем, правда, не оригинален, так как оно наряду с некоторыми иными формулировками⁴ выдвигалось и до него.

Дело в том, что переход от присваивающего хозяйства к промысловому далеко не всегда был связан только с земледелием. Это имело место лишь там, где тому благоприятствовали природные условия, ибо они оказывали решающее влияние на становление тех или иных форм хозяйства. В некоторых случаях начало неолитической революции было связано со скотоводством⁵. Недаром, Ф. Энгельс ставит его на первое место, давая определение «варварства»: «Варварство — период введения скотоводства и земледелия, период овладения методами увеличения производства продуктов природы с помощью человеческой деятельности»⁶.

Так, в Зави-Чем-Шанидаре, неоднократно упоминаемом в книге Б. Брентьеса, оседлое скотоводство наряду с охотой доставляло основные продукты питания людям, обитавшим там начиная с IX тысячелетия в пещере и на стоянках⁷. В прилегающих к горам Загроса ассирийских степях, где недостаток осадков препятствовал раннему развитию земледелия, скотоводство возникает до появления искусственного орошения, позволившего приступить к посевам культурных растений, что показали раскопки в Али-Косе, вскрывшие слои VIII—VII тысячелетий⁸.

В Джармо (Северный Ирак) в VII—VI тысячелетиях земледелие сочетается со скотоводством, доказательством чему служат многочисленные обнаруженные здесь кости одомашненных коз, овец и свиней. Этих же животных содержали и древнейшие оби-

³ G. Childe, *Man Makes Himself*, London, 1939, с. 74 и сл.

⁴ Например, K. J. Braidwood, *Prehistoric Man*, Illinois, 1967, с. 88.

⁵ В. М. Массон, *Поселение Джейтун*, с. 136.

⁶ Ф. Энгельс, *Происхождение семьи, частной собственности и государства*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения*, т. 21, стр. 33.

⁷ См. статьи и отчеты о раскопках: R. S. Solecki, *Prehistory in Shanidar Valley, Northern Iraq*, — «Science», Vol. 139, 1963, № 3651, с. 190; Report of the VIth International Congress on Quaternary, Warsaw, 1961, vol. IV, Lodz, 1964, с. 405—423.

⁸ F. Hole and K. V. Flannery, *Excavations at Ali-Kosh, Iran, 1961*, — «Iranica Antiqua», vol. II, 2, Leiden, 1962, с. 97—130; F. Hole, K. V. Flannery and I. Healy, *Early Agriculture and Animal Husbandry in Deh Luran, Iran*, — «Current Anthropology», vol. 6, 1965, № 1, с. 106.

татели Чатал-Гуюка (Малая Азия), как показывают находки в нижних слоях названного обширного поселения⁹. В Средней Азии даже наблюдаются два обособленных пути возникновения промыслового хозяйства в зависимости от местных природных условий: скотоводческий и земледельческий. Первый из них был уделом носителей культуры Кельтими́нара¹⁰. Что касается земледельцев, то они обычно сочетали полеводство с разведением домашнего скота, как, например, в Джейтуне. «Вполне вероятно, что экстенсивное распространение экономики нового типа осуществлялось в первую очередь за счет расселения более мобильных, именно преимущественно скотоводческих общин»¹¹.

Академик Б. Б. Пиотровский в весьма убедительно аргументированных конкретным материалом докладах наглядно показал, что имущественное неравенство развивается раньше у скотоводческих племен.

Таким образом, предложенное Б. Брентьесом изменение понятия «неолитическая революция» на революцию аграрную не только сужает представление о ней, но и искажает в какой-то степени истинный ход исторического развития. Термин «неолитическая революция», пока не будет предложен лучший, может быть сохранен; будучи более общим, он охватывает все основные виды хозяйственной деятельности человека, которые привели к коренным изменениям орудий и средств производства и, следовательно, его общественного бытия.

Одним из непосредственных следствий неолитической революции было возникновение крупных, защищенных мощными стенами поселений, о которых стало известно совсем недавно, таких, как Иерихон и Чатал-Гуюк. Их открытие, как уже было сказано, заставило многое пересмотреть, ибо возможность существования в VII—VI тысячелетиях «городов», как их в пылу увлечения сенсацией называли некоторые ученые, представилась, надо признать, несколько неожиданной. Б. Брентьес готов присоединиться к их мнению, правда не без колебаний, так как не может решить, что должно служить критерием при установлении понятия «город». Он вполне обоснованно отвергает возможность в данном случае исходить из юридических норм или расстановки классовых сил и приходит к заключению, что условны-

ми отличительными признаками должны служить размеры (не ясно — площади или числа обитателей) и наличие укреплений. Но ведь и то и другое относительно. В наибольших известных нам укрепленных поселениях — Иерихоне и Чатал-Гуюке — количество жителей едва ли превышало соответственно две-три тысячи человек¹².

Какова должна быть система укреплений и сколь велико должно быть число людей, в них размещающихся, чтобы поселение стало городом? Когда количество жителей придает ему новое качество? Любые показатели при таком подходе останутся условными и поэтому спорными. Вот почему представляется более убедительным определение, предложенное В. М. Массоном и основанное на четких, стабильных признаках: «Как нам кажется, городами для ранних этапов развития общества следует именовать крупные населенные пункты с развитой системой укреплений, являвшиеся центрами сельскохозяйственных округов и вместе с тем местом сосредоточения ремесленной деятельности и торговли» (курсив мой. — И. К.)¹³.

Характерно, что «города» архаического и раннединастического Египта, насколько известно, как правило, укреплений не имели. Обособление ремесла от сельского хозяйства происходит лишь на заключительных этапах неолитической революции. Таким образом, исходя из приведенных положений ни Иерихон, ни Чатал-Гуюк называть «городами» не следует. Это были большие, превышающие обычные, укрепленные сельскохозяйственные поселения, где ремесленники, очевидно, еще не выделились в особую прослойку, а обмен еще не обусловил появления профессиональных торговцев.

Подобная известная нечеткость методологических установок, при всем желании автора быть последовательным марксистом, приводит порою к некоторым вызывающим недоумение определениям или к модернизации терминологии. Так, непонятно, какие «многочисленные классы и слои населения» эксплуатировали в Шумере чиновники и жрецы. Как известно, в раннеабраамовском обществе более или менее четко выделяются два класса: свободные и рабы. К первому принадлежали формально свободные земледельцы-общинники, которые, правда, нередко находились на положении рабов. Это все же не дает основания их отождествлять, ибо отношение этих обеих категорий эксплуати-

⁹ J. Mellaart. Çatal Hüyük. A Neolithic Town in Anatolia, — London, 1967, с. 223.

¹⁰ Г. Ф. Коробкова, Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. Автореферат диссертации, Л., 1966, с. 19.

¹¹ В. М. Массон, Поселение Джейтун, с. 115.

¹² K. Kenyon, Archaeology in the Holy Land, London, 1960, с. 45; H. Frankfort, Kingship and God, Chicago, 1948, с. 396, прим. 23.

¹³ В. М. Массон, Поселение Джейтун, с. 147.

руемых к орудиям и средствам производства, что является решающим признаком при определении классовой принадлежности, было различным. Внутри класса свободных действительно могли существовать различные прослойки, которые не следует смешивать с профессиями.

Едва ли удачно применять к объявленным Саргоном Аккадским постановлениям, определяющим новую организацию сплоченного им государства, термин «федеральная конституция», который связан с совершенно иным уровнем общественных отношений. В равной степени нельзя говорить о революционном массовом движении и о революционной идеологии вождей восстания в Египте в конце эпохи Древнего царства, известного нам по так называемому «Речению Ипусера», дошедшему в папирусе № 344 Лейденского музея. Революция предопределяет изменение социально-экономической структуры общества. Ничего подобного в помыслах у восставших не было. Это было именно восстание угнетенных, стремившихся облегчить свое положение и по возможности самим занять место эксплуататоров, как совершенно неопровержимо свидетельствует названный текст. Впрочем, к нему еще придется возвратиться.

Причины гибели древнейших городов долины Инда пока еще не установлены окончательно. Наслоение ила и увеличивающаяся засоленность почвы только одна из предлагаемых гипотез, и осторожнее было бы указать на это обстоятельство¹⁴. Нет также решительно никаких оснований утверждать, что в долине Инда «огромная империя концентрировалась, по всей видимости, около двух крупных центров» — Хараппы и Мохенджодаро. Мы слишком мало еще для этого знаем¹⁵.

Научные исследования Б. Брентьеса посвящены преимущественно древнейшим культурам Передней Азии. Этим, видимо, объясняется стремление определить возникшую совершенно самостоятельно в долине Нила великую цивилизацию древнего Египта как их эманацию, а также некритическое восприятие некоторых теорий, отнюдь доверия не заслуживающих. Эти причины обуславливают необходимость более подробно остановиться на положениях, развиваемых в последней главе.

И в ней и прежде автор неоднократно указывает, что Египет остался далеко позади Месопотамии и что он догнал Шумер лишь в середине III тысячелетия, что на герцейской культуре

¹⁴ Г. М. Бонгард-Левин и Г. Ф. Ильин, Древняя Индия, М., 1969, с. 114—115.

¹⁵ Там же, с. 22.

(Негаде II) сильно сказалось воздействие культуры стран Тигра и Евфрата (как следствие переселения отдельных выходцев отсюда), что на долину Нила распространилось влияние месопотамской государственности, что признанный исторической традицией основоположником единого Египетского государства Нармер правил около 2600 г., что своеобразное египетское письмо возникло из шумерского, занесенного переселенцами из Урука... Эти и некоторые другие столь же неожиданные, как и сомнительные положения, основанные на весьма зыбкой аргументации, внимательный читатель отыщет сам без особого труда.

Прежде всего постараемся ответить на вопрос: в какой степени была самостоятельна культура древнейшего Египта? Действительно, отдельные, даже очень авторитетные египтологи-археологи, например В. Эмери, несмотря на полное отсутствие соответствующих указаний письменных источников, опираясь только на типологическое сопоставление некоторых памятников материальной культуры, готовы были признать известное влияние Двуречья на цивилизацию долины Нила в архаический период. Но это мнение отнюдь не стало общепризнанным. Обратимся к конкретным фактам, более или менее бесспорным.

Прежде всего, попытаемся установить, допустимо ли настаивать на переселениях или вторжениях из Передней Азии. Здесь на помощь приходят данные антропологии. Исследования останков древнейших обитателей Египта доказывают, что они не были этнически однородными: здесь были представлены средиземноморская и негроидная расы, последняя — в основном на юге, а также помесь той и другой. Как известно, одним из существенных отличительных признаков обитателей Передней Азии является брахикефальность. Так вот: брахикефальные черепа обнаружены буквально единицами¹⁶. Таким образом, специальные антропологические исследования отнюдь не поддерживают мнение тех, кто пытается доказать зависимость культуры Египта от его восточных соседей.

Что касается находок всевозможных предметов из обсидиана и лазурита, месторождения которых в долине Нила отсутствуют, чем нередко аргументируют свою теорию приверженцы этой гипотезы, то первых найдено сравнительно немного, а вторые представляли собой украшения, как, впрочем, и изделия из обсидиана, который доставлялся, очевидно, по Красному морю¹⁷.

¹⁶ E. Massouliard, Préhistoire et protohistoire d'Egypte, Paris, 1949, с. 409, 422.

¹⁷ Х. А. Кинк, Египет до фараонов. По памятникам материальной культуры, М., 1964, с. 114—116.

Так же ограничены находки остатков изделий из пород деревьев, произрастающих в Сирии.

Стиль и тематика рисунков изготовленных в Египте расписных сосудов, равно как цвет и состав использованных при этом красящих веществ, существенно разнятся от расписной керамики Сирии, Палестины и Двуречья¹⁸.

Обнаруженные в Египте сосуды характерных для стран Передней Азии форм, например с так называемыми «волнистыми ручками» или с носиками, подверглись существенной трансформации. Настаивать на привнесении их иноземцами едва ли приходится. При этом должно принять во внимание, что Египту было присуще такое разнообразие форм глиняных и каменных сосудов, при котором импортные формы почти теряются.

Резные цилиндрические печати, столь распространенные в Двуречье, также относительно редко встречаются в долине Нила, где они, очевидно, служили амулетами. Во всяком случае, отпечатки их, датируемые додинастической эпохой, пока не найдены¹⁹. Сюжеты и стиль вырезанных на них и на всевозможных палетках изображений и орнаментов при некотором внешнем сходстве с подобными изделиями Двуречья все же отличаются чисто египетскими характерными особенностями стиля и техники²⁰.

Более полувека назад академик В. В. Струве весьма наглядно и убедительно показал, что египетское иероглифическое письмо принципиально (и по структуре, и по очертаниям) отлично от шумерского²¹. Их объединяет лишь то, что обе эти системы письменности возникли из письма рисуночного — пиктографии. Но таково изначальное происхождение почти всех видов письма, вплоть до китайского. Кроме того, и египетская иероглифика и шумерская клинопись появляются одновременно, что предопределяет невозможность заимствования.

Таким образом, нет нужды привлекать мифических выходцев из Месопотамии времени Урука IV для того, чтобы объяснить, как египтяне обучились грамоте. Зато находки в Сирии и Палестине (поделки и статуэтки из слоновой кости, палетки и т. п.) в слоях IV тысячелетия, особенно в Библе, бесспорно свидетель-

¹⁸ E. Massoufard, *Préhistoire et protohistoire d'Egypte*, с. 239.

¹⁹ G. Jéquier, *Histoire de la civilisation égyptienne*, Paris, 1923, с. 123.

²⁰ X. A. Кинк, *Египет до фараонов*, с. 124.

²¹ В. В. Струве, *Происхождение алфавита*, Пр., 1923, с. 13—18.

ствуют о некотором воздействии Египта на соседние, прилегающие к нему с востока, страны.

Что касается рукоятки ножа из Гебель эль-Арака, изображения на котором служат Б. Брентьесу одним из основных доводов зависимости культуры Египта от Двуречья, то, во-первых, единичная находка не может служить основанием для столь ответственных, обобщающих и категоричных выводов; во-вторых, резные рисунки на нем допустимо истолковывать самым различным образом, и более мудро пока отказаться от подобного рода весьма уязвимых опытов; и, наконец, в-третьих, весьма достойные доверия специалисты полагают, что изображения на нем являются «древнейшим» примером стиля египетского искусства²².

Разумеется, проблема взаимоотношений Египта с окружающими странами и народами далеко не проста и до конца не выяснена. Нас могут ожидать и новые находки, и новые гипотезы. Но не подлежит сомнению, что имеющийся в распоряжении ученых в настоящее время материал при объективной его интерпретации неопровержимо подтверждает самобытность возникновения великой цивилизации долины Нила. Здесь нет возможности подробнее останавливаться на этом принципиально важном вопросе. Желающие изучить его досконально могут обратиться к книге X. А. Кинк, посвятившей ему отдельную главу, где собраны обширные сведения²³.

Стремясь подогнать факты под свою теорию о вторичности культуры Египта по сравнению с культурой стран Передней Азии, прежде всего Шумера, Б. Брентьес в отдельных случаях допускает некоторые хронологические натяжки и, основываясь на них, делает заключения, которые не могут не вызвать недоумения у людей, даже не занимающихся специально изучением далекого прошлого Египта.

Так, на сосуде, обнаруженном в Тель-Гата (Палестина) в слое середины III тысячелетия, начертано имя Нармера, который, согласно общепринятой и оспариваемой лишь в частности традиции, считается основателем единого Египетского государства, правившим около 3000 г.²⁴ На основании этой единичной находки Б. Брентьес утверждает, что Нармер продвинулся в Азию, о чем пока молчат все доступные нам источники, и что он правил око-

²² L'Egypte avant les Pyramides. 4-e millénaire. Grand Palais, 29 mai—3 septembre 1973, [Paris, 1973], с. 23—24.

²³ X. A. Кинк, *Египет до фараонов*, гл. 5, с. 112—139.

²⁴ A. H. Gardiner, *Egypt of the Pharaohs*, Oxford, 1961, с. 420; E. Druoton et J. Vandier, *L'Egypte*, Paris, 1962, с. 627.

ло 2600 г., когда и сформировалось единое государство. Но решительно все египтологи согласны с тем, что уже около 2700 г. и даже, возможно, несколькими десятилетиями раньше, у власти находилась III династия, основатель которой Джосер построил первую пирамиду — ступенчатую. Как известно, «великие» пирамиды были воздвигнуты около 2600 г., что предопределяет высокоорганизованную централизованную систему управления, которая могла сложиться лишь в результате длительного предшествующего развития.

Таким образом, процессы формирования государств как следствие возникновения классового общества в долине Нила и в долинах Тигра и Евфрата протекали параллельно, независимо друг от друга и примерно в одно и то же время. Одно из основных отличий между ними заключается в том, что Египет объединился раньше под деспотической властью общего для всей страны правителя — фараона.

Как уже было замечено, сфера исследовательских интересов Б. Брентьеса ограничивается преимущественно странами Передней Азии. Во всяком случае, он не египтолог и не может в должной критической мере оценить специальные труды по египтологии. Вот причина, в силу которой он безоговорочно следует всем измышлениям И. Шнигеля, монография которого «Социальное и идеологическое реформаторство в древнем Египте» вышла в Гейдельберге (ФРГ) в 1950 г. и получила вполне заслуженную суровую оценку рецензентов, среди которых были весьма и весьма заслуженные ученые²⁵.

Автор этой книги, рассматривая «Речение Ипусера», запечатленное в папирусе № 344 Лейденского музея, пытается доказать, что в Египте в конце эпохи Древнего царства, т. е. примерно в XXIV—XXIII вв. по общепринятой хронологии, появляется некий реформатор-«революционер», стремившийся полностью преобразовать социальный строй страны на основе справедливости, полного равенства, разума, веры в моральные достоинства и силы эксплуатируемой бедноты — словом, на основе всех принципов, которые сделали бы честь любому передовому утописту-мечтателю XIX в.

Однако если внимательно и объективно вчитаться в текст, не задаваясь предвзятыми гипотезами, то ничего подобного в нем

усмотреть невозможно. Академик В. В. Струве, который, как и некоторые другие ученые, датировал это произведение политической риторики концом периода не Древнего, а Среднего царства (около 1750 г. до н. э.)²⁶, справедливо отмечал, что «восстание „маленьких“ и рабов привело к восстановлению старых сельских общин, разрушенных знатю и богатыми... В этом восстановлении сельских общин сказывается ярко неспособность египетского общества преодолеть полностью эксплуатацию знати и богатых, создав новый способ производства. Они возвращаются к старым, уже отживающим формам сельской общины»²⁷.

Более того, как это совершенно недвусмысленно видно из стенограмм Ипувера, если даже сделать поправку на явные преувеличения, допущенные им в озлоблении классовой ненависти, восставшие сами не прочь были занять место тех, кто их угнетал, и овладеть достоянием знати. Таким образом, описание восстания, приводимое И. Шнигелем и вслед за ним Б. Брентьесом, порождено допускаемыми Шнигелем натяжками, а также полетом его необузданной фантазии.

Вот обо всем этом хотелось предупредить читателя, когда он завершит чтение в общем весьма полезной книги немецкого ученого, содержащей новые и интересные сведения о давно исчезнувших народах, забытых городах и далеких веках, когда были заложены основы нашей цивилизации.

И. Кацнельсон

²⁵ J. Vandier, — «Bibliotheca Orientalis», vol. 7, 1950, с. 100—103; J. von Beckerath, — «Orientalistische Literaturzeitung», Jg. 49, 1954, с. 211—214; H. Stock, — «Orientalia», vol. 22, 1953, с. 296—362.

²⁶ В. В. Струве, Папирус с 1116 В «реско» и пророческая литература древнего Египта, — «Записки коллегии востоковедов», т. I, 1925, с. 209—227; «Речение Ипувера. Лейденский папирус № 344», М.—Л., 1935, с. 3—39.

²⁷ Там же, с. 35.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Рис. 1. Зави-Чеми-Шанидар, Северный Ирак
Вид раскопок между современной курдской деревней и рекой

Рис. 2. Барда-Балка, Северный Ирак
Ручное рубило ашельского периода.
Ок. 100 000 лет до н. э.

Рис. 3. Ласко, Дордонь, Южная Франция
Шаман в маске (?). Роспись в пещере. Ок. 15 000 лет до н. э.

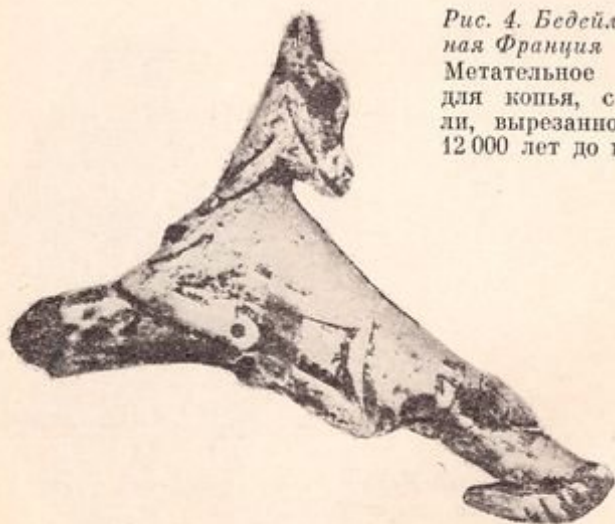

Рис. 4. Бедейлак, Арьеж, Южная Франция
Метательное приспособление для копья, с головой косули, вырезанное из рога. Ок. 12 000 лет до н. э.

Рис. 5. Зави-Чеми-Шанидар, Северный Ирак
Ручка серпа (?). X тысячелетие

Рис. 6. Иерихон, Палестина
Храм предков (?). Посередине вверху два каменных постамента для культовых столбов. Древнейшее строение Иерихона. Ок. 9500 г.

Рис. 7. Эйнан (Айн-Маллаха), Палестина
Голова. Натуфийская культура
VIII—VII тысячелетия

Рис. 8. Эйнан (Айн-Маллаха), Палестина
Скорченное погребение между остатками стен. Могила 63, слой II

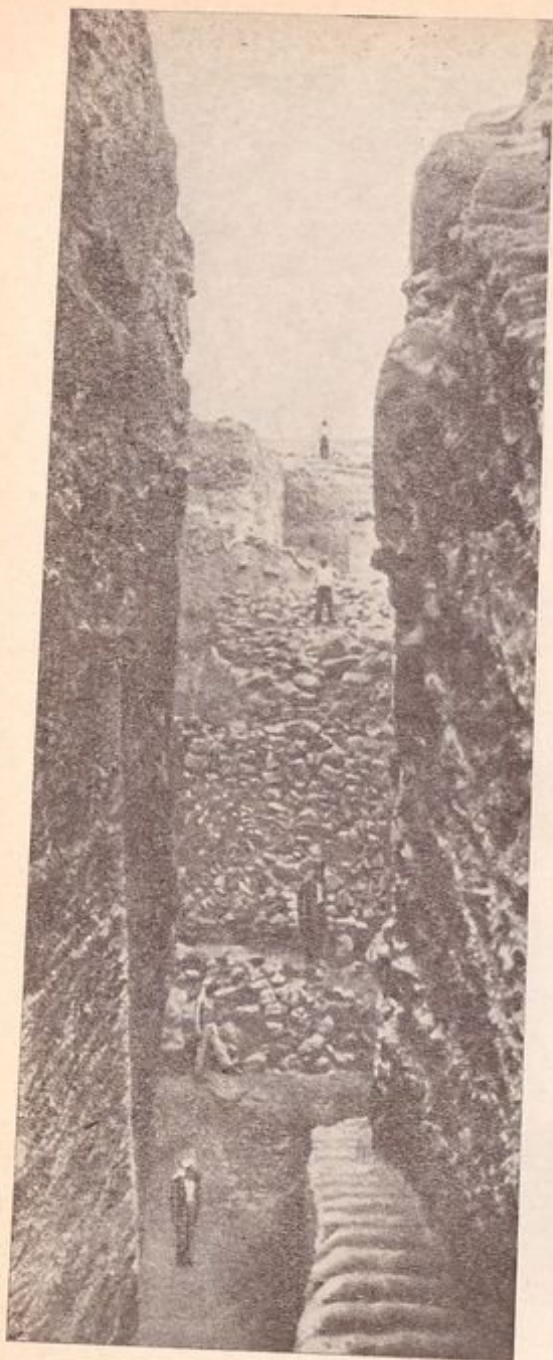
Рис. 9. Айн-Заكري, Палестина
Пара влюбленных. Статуэтка. Натуфийская культура. VIII тысячелетие

Рис. 10. Эйнан (Айн-Маллаха), Палестина
Обломок края большого базальтового сосуда. Докерамический период натуфийской культуры. VIII тысячелетие

Рис. 11. Иерихон, Палестина
Раскоп с остатками нескольких слоев городских стен

Рис. 12. Иерихон, Палестина
Кирпичное строение докерамического периода В, возможно храм. VII тысячелетие

Рис. 13. Иерихон, Палестина
Крепостная башня докерамического периода А (между фигурами людей выход лестничной клетки). VIII тысячелетие

Рис. 14. Иерихон, Палестина
Круглое строение докерамического периода А. VIII тысячелетие

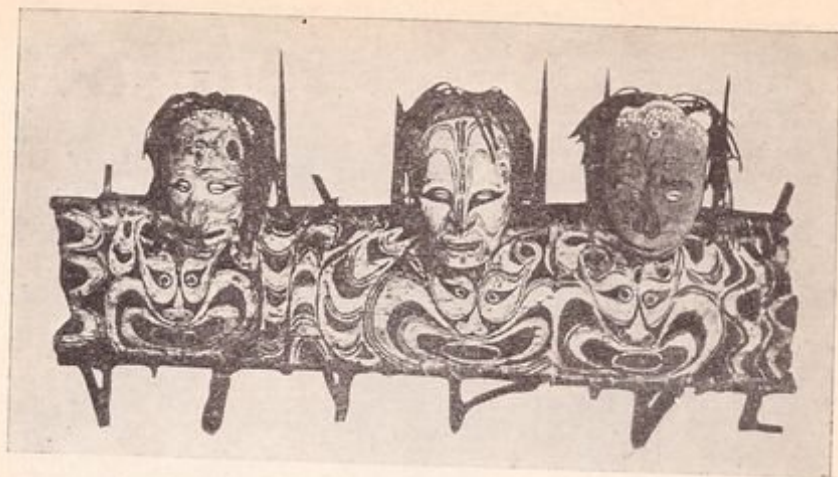

Рис. 15. Новая Гвинея
Лепные и расписные черепа предков. XVIII—XIX вв. до н. э.

Рис. 17, 18. Иерихон, Палестина
Лепной череп с раковинами в глазницах и портретная голова
уснувшего (череп, залитый гипсом) докерамического периода В.
VII тысячелетие

Рис. 16. Калат-Джармо,
Северный Ирак
Глиняные статуэтки VII
тысячелетия

Рис. 19, 20. Иерихон, Палестина
Кремневые топоры докерамического периода А. VIII тысячелетие
Кремневая утварь докерамического периода В (вверху наконечники копий). VII тысячелетие

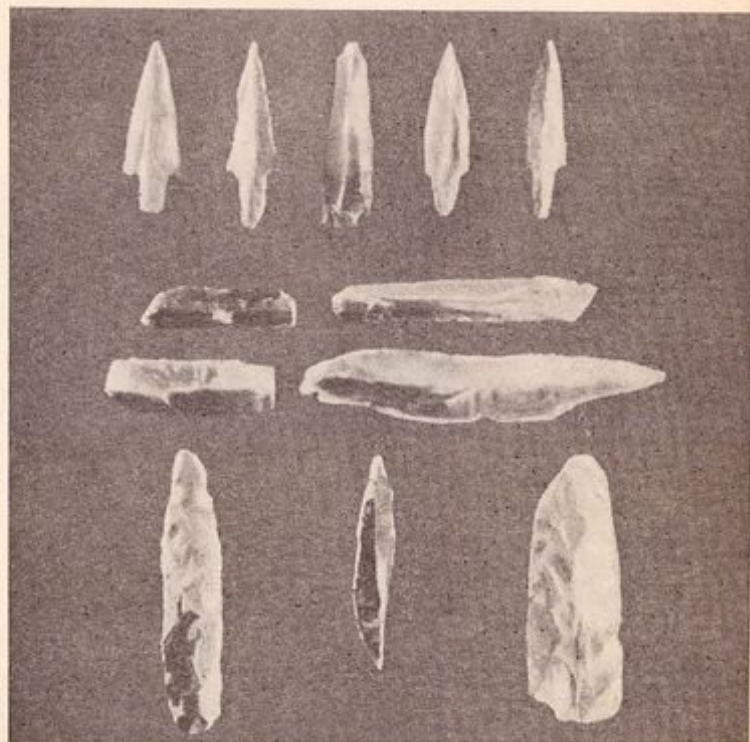

Рис. 21. Мунхата, Палестина
Статуэтка докерамического слоя.
VII тысячелетие

Рис. 22. Иерихон, Палестина
Стилизованная фигурка из глины (вид спереди и сбоку). Докерамический период В. VII тысячелетие. Высота 8,5 см

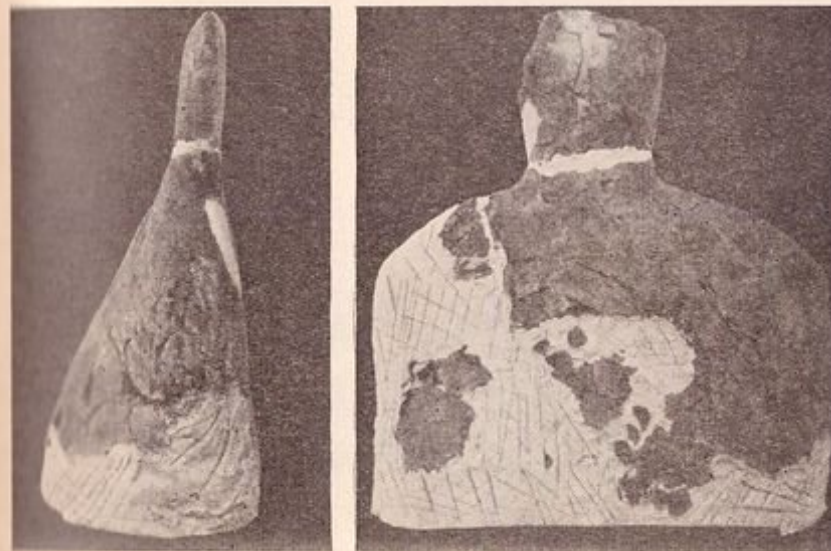

Рис. 23, 24. Тепе-Сараб,
Западный Иран
Глиняные статуэтки жен-
щины и кабана. Конец
VII тысячелетия

Рис. 25. Тепе-Али-Кош,
Юго-Западный Иран
Глиняная статуэтка со-
баки. VII тысячелетие

Рис. 26. Чатал-Гуюк, Малая Азия
Равнина Конья. На переднем плане слева — развалины храма

Рис. 27. Чатал-Гуюк,
Малая Азия
Маска или изображе-
ние умершего (?).
Стенная роспись из
храма Чатал-Гуюка.
6200 г.

Рис. 28. Чатал-Гуюк,
Малая Азия
Глиняный сосуд
(реставрирован).
Ок. 6000 г.

Рис. 29. Чатал-Гуюк,
Малая Азия
Зеркало из обсидиана
и фигурка. Ок. 6000 г.

Рис. 30. Чатал-Гуюк, Малая Азия
Два ожерелья из каменных бус. IX слой. Ок. 6400 г.

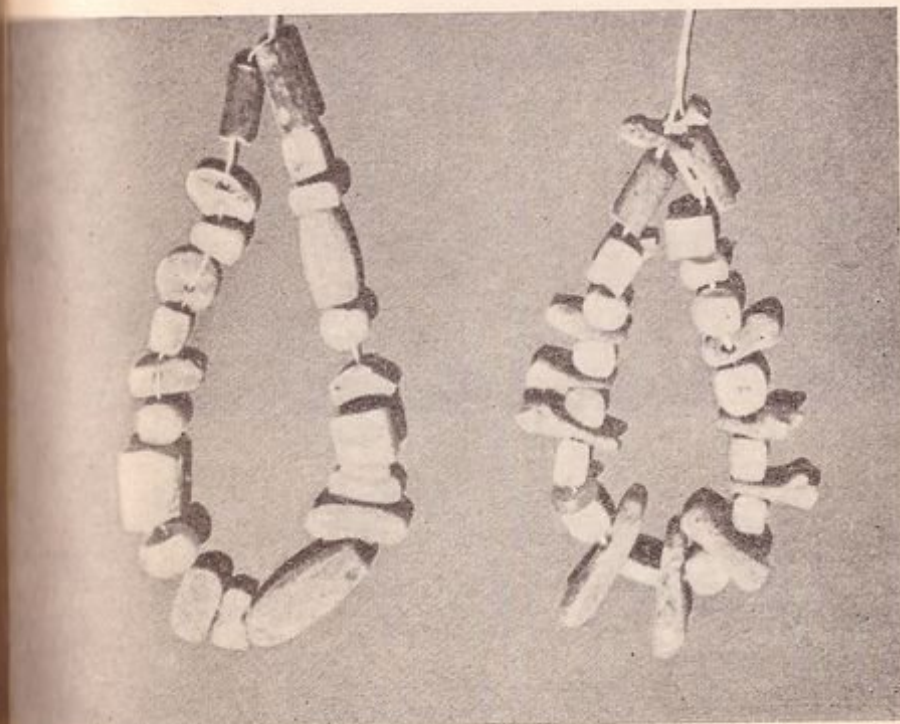

Рис. 31. Чатаал-Гуюк, Малая Азия
Глиняная печать. Ок. 6000 г.

Рис. 32. Чатаал-Гуюк, Малая Азия
Наконечник копья из обсидиана. Ок. 6000 г.

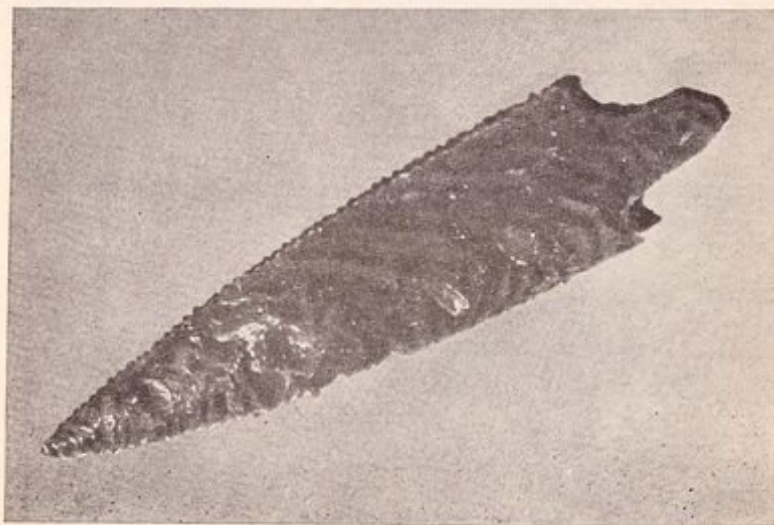

Рис. 33. Чатаал-Гуюк, Малая Азия
Роженица, восседающая на животных; ноги ее покоятся на чере-
пах. Глина. Слой II С. 5800 г.

Рис. 34. Чатал-Гюк, Малая Азия
Женщина с шейным платком из меха леопарда, сидящая верхом на леопарде. Голубой известняк. VI слой. 5900 г. Высота 10,5 см

Рис. 35. Чатал-Гюк, Малая Азия
Восседающий на троне. Статуэтка. VII тысячелетие

Рис. 36. Хасилар, Юго-Западная Анатолия
Укрепленное поселение. II слой. Ок. 5300 г.

Рис. 37, 38, 39. Хасилар, Юго-Западная Анатолия
Сосуд с ушками (керамика позднего неолита), сосуд (расписная керамика) и кубок (расписная керамика). II половина VI тысячелетия

Рис. 40. Хасилар, Юго-Западная Анатолия
Сосуд. Ранняя расписная керамика. II слой. До 5300 г.

Рис. 41. Хасилар, Юго-Западная Анатолия
Расписная чаша. II слой. До 5300 г.

Рис. 42. Хасилар, Юго-Западная Анатолия
Статуэтка женщины, разрисованная в стиле расписной керамики. II половина VI тысячелетия

Рис. 43. Хасилар, Юго-Западная Анатолия
Сосуд со спиралеобразной росписью. I слой. 5500—5200 гг.

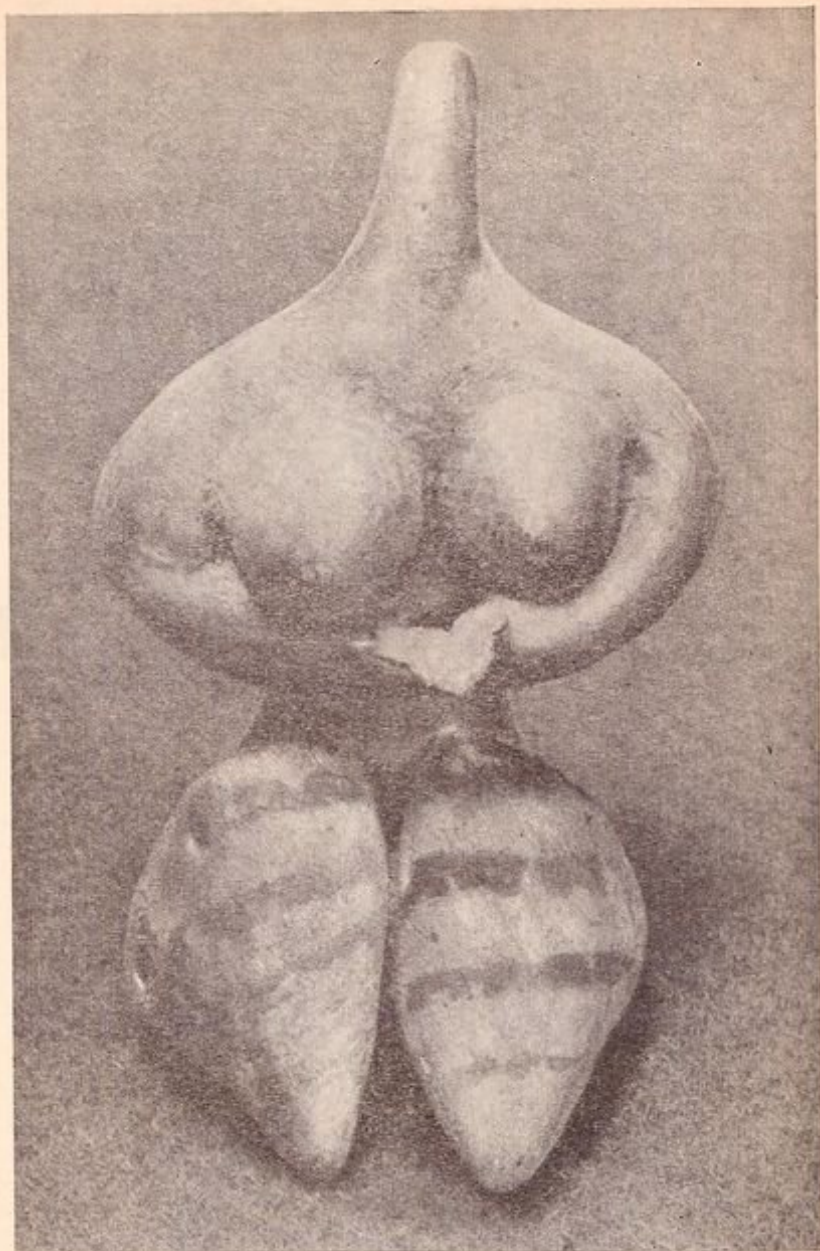

Рис. 44. Телль-Халаф, Сирия
Статуэтка женщины. V тысячелетие

Рис. 45, 46. Телль-Хассуна, Северный Ирак
Горлышко сосуда культуры Телль-Хассуна — Самарра с нарисованным на нем лицом. Ок. 5500 г. и глиняный горшок (до 5500 г.).

Рис. 47. Хасилар, Юго-Западная Анатолия
Керамика самаррской культуры. Находки из погребений I слоя. Ок. 5500 г.

Рис. 48. Телль эс-Савван, Ирак
Захоронения

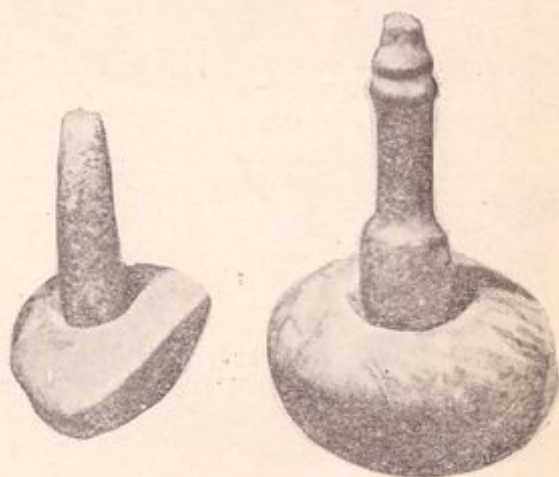

Рис. 49. Самаррская культура
Две ступки с пестиками. Ок. 5500 г.

Рис. 50. Керамика самаррской культуры. До 5500 г.

Рис. 51. Телль-Арпачай, Северный Ирак
Сосуды халафской культуры. V тысячелетие

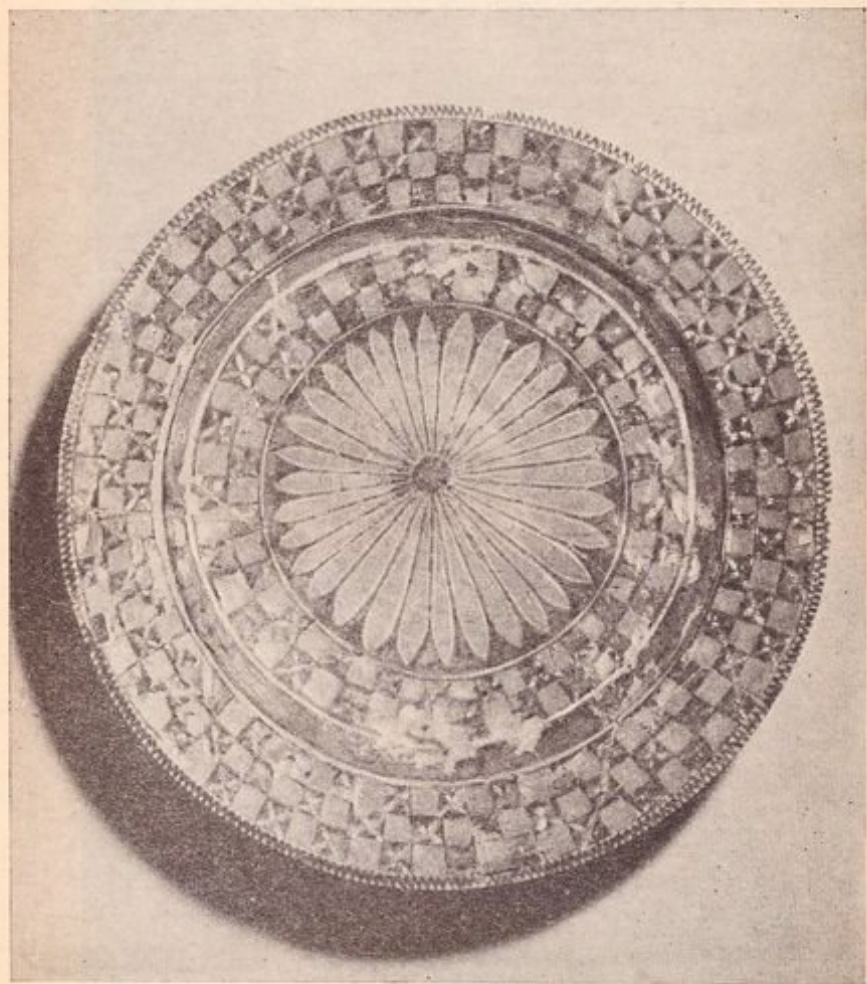

Рис. 52. Телль-Арначай, Северный Ирак
Чаша халафской культуры. V тысячелетие

Рис. 53. Джаффарабат, Юго-Западный Ирак
Горшок. Конец VI тысячелетия

Рис. 54. Эриду, Южный Ирак
Керамика. V—IV тысячелетия

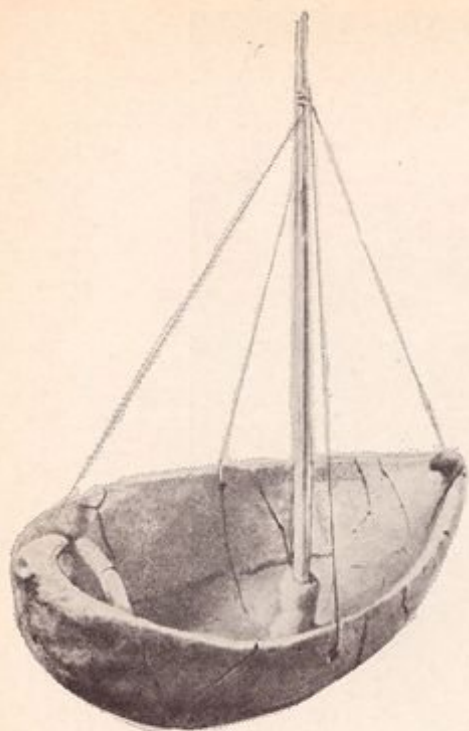

Рис. 55. Эриду, Южный Ирак
Парусная лодка (реставрированная модель). IV тысячелетие

Рис. 56. Тал-и-Бакуи, близ Персеполя, Западный Иран
Чаша. V—IV тысячелетия

Рис. 57. Теге-Сиаалк, Центральный Иран
Кубок. III слой. Конец IV тысячелетия

Рис. 58. Теге-Гисар, Юго-Восточный Иран
Сосуд. I слой. Ок. 3000 г.

Рис. 59. Исмаилад, Иран
Чаша со стилизованными изображениями коз. IV тысячелетие

Рис. 60. Сузы, Юго-Западный Иран
Кубок. Культура Суз А. IV тысячелетие

Рис. 61. Шаар-ха-Голан, долина Иордана,
Палестина
Голова. VI тысячелетие

Рис. 62. Мунхата, Палестина
Большое круглое строение. Слой III. IV тысячелетие

Рис. 63. Мунхата, Палес-
тина
Глиняный сосуд. Ок.
4500 г.

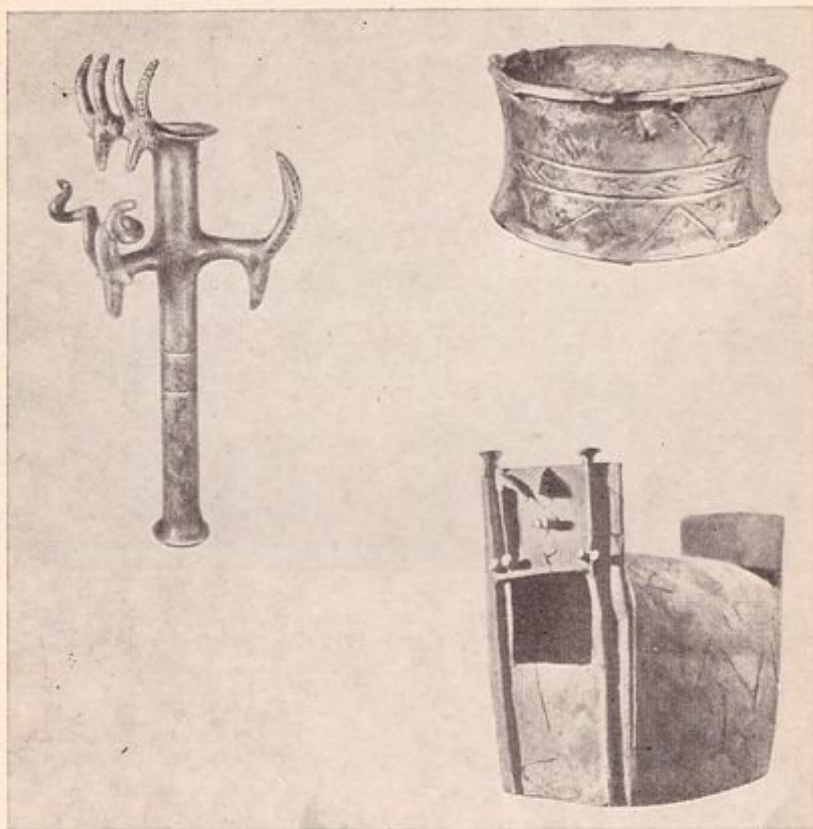

Рис. 64. Нахал-Мишмар, к западу от Мертвого моря, Палестина
«Скинетр» — медный знак отличия служителя культа или правителя. Высота 28 см

Рис. 65. Нахал-Мишмар, Палестина
«Корона» — медное головное кольцо. IV тысячелетие. Высота 12 см

Рис. 66. Азор, Палестина
Урна в виде дома с украшенным фасадом. II половина IV тысячелетия

Рис. 67. Бир Сафади, Беэр-Шева, Палестина
Подземное жилище (остатки обрушившегося потолка убраны). II половина IV тысячелетия

Рис. 68. Бир Абу-Матар, Палестина
Базальтовые сосуды гассулского периода. II половина IV тысячелетия

Рис. 69. Бир Абу-Матар, Палестина
Статуэтка из слоновой кости гассулского периода. II половина IV тысячелетия

Рис. 70, 71. Тимна, Южная Палестина
Медеплавильня, выработки меди. IV тысячелетие

Рис. 72. Тимна, Южная Палестина.
Шахтерский молоток

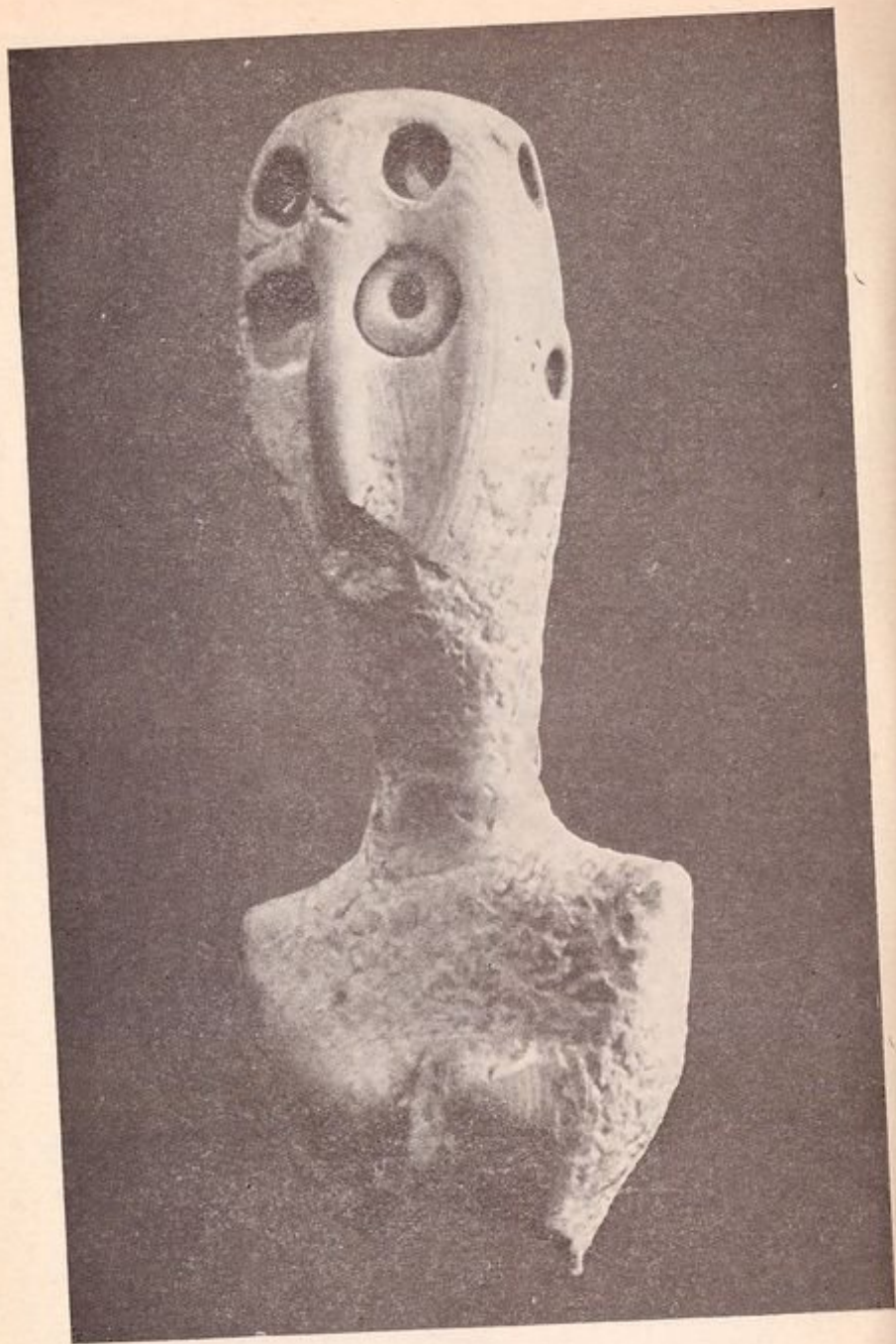

Рис. 73. Бир Абу-Матар, Палестина
Фрагмент статуэтки женщины. Слоновая кость.
II половина IV тысячелетия

Рис. 74. Урук-Варка, Южный Ирак
Голова культовой статуи из храма Э-анни культуры
Урук-Джемдет-Наср. Ок. 2800 г.

Рис. 75. Урук-Варка,
Южный Ирак
Охота на львов. Куль-
тура Урук-Джемдет-
Наср. Ок. 2800 г.

Рис. 76. Культура Урук IV, Южный Ирак
Цилиндрическая печать. 2900—2800 гг.

Рис. 77. Ур, Южный
Ирак
Каменная чаша перио-
да Урука. Начало III
тысячелетия

Рис. 78. Урук-Варка, Южный Ирак
Глиняная табличка с типичной идеографической надписью
периода Урука. 2900—2800 гг.

Рис. 79. Урук-Варка, Южный Ирак
Каменный сосуд с цветными инкрустациями.
Начало III тысячелетия

Рис. 80. Культура Урук IV, Южный Ирак
Цилиндрическая печать. 2900—2800 гг.

Рис. 81. Урук-Варка, Южный Ирак
Баран шерстной породы. Каменная скульптура
на Урука. Начало III тысячелетия

Рис. 82. Эриду, Южный Ирак
Статуэтка льва. Предположительно начало III тысячелетия

Рис. 83. Вавилон, Центральный Ирак
«Вавилонский лев». По мнению В. Нагеля, конец IV тысячелетия

Рис. 84. Южный Ирак
Львиноподобный демон.
Протоэламская (?) ка-
менная скульптура. На-
чало III тысячелетия

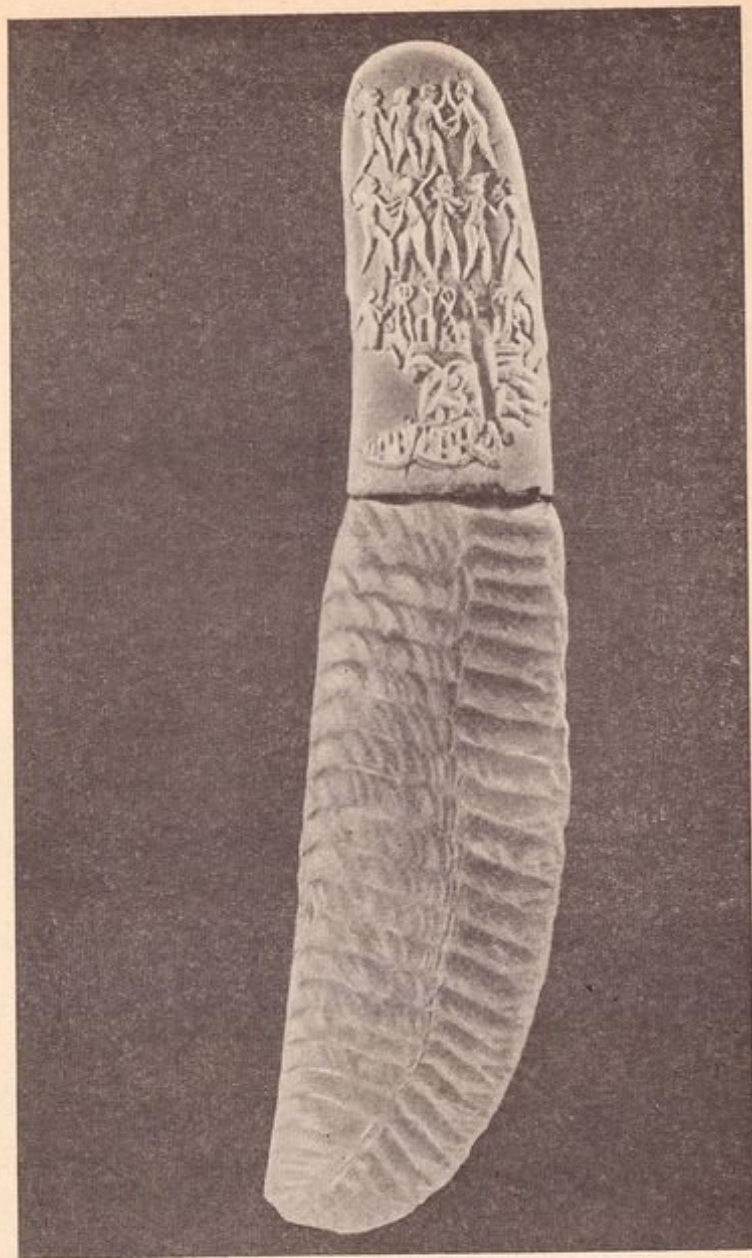

Рис. 85 а. Гебель-эль-Арак. Верхний Египет.
Нож с рукояткой из зуба гиппопотама

Рис. 85 б. Гебель-эль-Арак, Верхний Египет
Нож с рукояткой из
зуба гиппопотама.
XXIX в. На передней
стороне — изображение
жреца в стиле культу-
ры Урук IV.

Рис. 86. Герцейская культура, Египет
(Негаде II)
Сосуд с изображением пойманного жи-
рафа. Начало III тысячелетия

Рис. 87. Печати трех раннединастических периодов Месопотамии

Рис. 88. Телль-Аграб, Ирак
Колесница, запряженная онаграми. Медь. Ок. 2600 г. Высота 7 см

Рис. 89. Ашшур, Северный Ирак
Статуя молящегося из храма Иштар, «Тайный советник». Ран-
нединастический период. Ок. 2600 г.

Рис. 90. Телль-Асмара, Ирак
Статуи из комплекса находок храма Абу. Ок. 2600 г. Высота
мужской фигуры 75 см

Рис. 91. Телло, Южный Ирак
Богиня растительности. Фрагмент культового сосуда царя Энтемны. 2600—2500 гг.

Рис. 92. Ур, Южный Ирак
Золотое навершие арфы

Рис. 93. Ур, Южный Ирак
Золотой шлем. Мескаламдуга. Из царских гробниц Ура.
Ок. 2500 г.

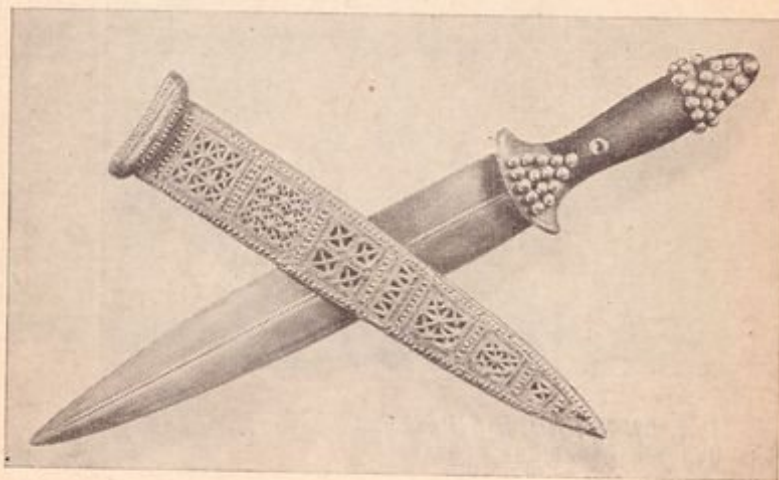

Рис. 94. Ур, Южный Ирак
Золотой кинжал с познами

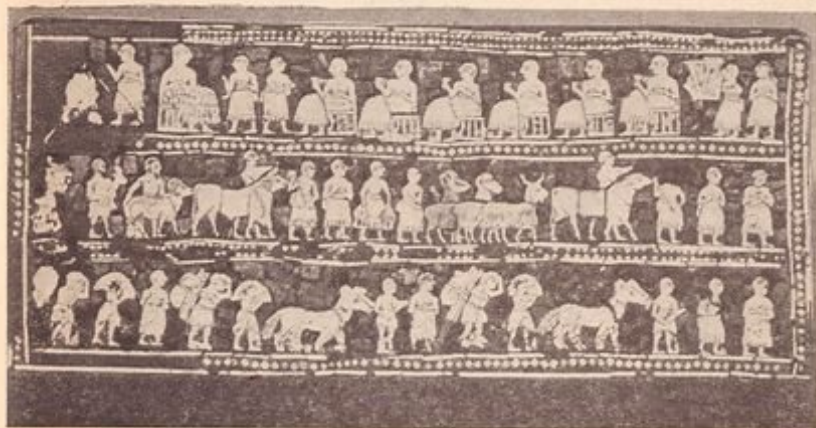
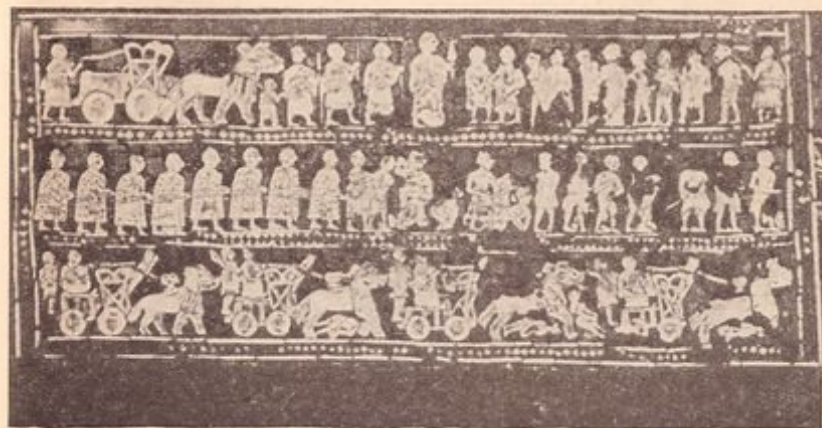

Рис. 95. Ур, Южный Ирак
«Штандарты» Ура. Инкрустированные изображения из царских могил Ура. Ок. 2400 г. Высота 20 см. Воспроизведены сцены побед, боевые колесницы, вооруженные воины и военнопленные, а также сцены празднеств по случаю победы, пиршества и доставка военных трофеев

Рис. 96. Шуриппак-Фара, Южный Ирак
Глиняная табличка с резным изображением. Ок. 2600 г.

Рис. 97. Телло, Южная
Месопотамия
«Стела коршунов», по-
бедная стела Заннату-
мы. Ок. 2500 г.
Ок. 2600 г.

Рис. 98. Хирбет-Керак,
Палестина
Овца. Глина. Ранний
«период бронзы I». На-
чало III тысячелетия

Рис. 99. Ниневия, Северный Ирак
Голова бронзовой статуи почти в натуральную величину. Обычно считается изображением «Саргона». Аккадский период. Ок. 2300 г.
348

Рис. 100, 101. Хирбет-Керак, Палестина
Чаша (черно-красная керамика, принесенная пришельцами из Закавказья) и подставка для сосуда. Ранний «период бронзы III». II половина III тысячелетия

Рис. 102. Сузы, Юго-Западный Иран
Победная стела Нарам-сина-Аккадского. XXIII в. Принесена эламитами из Месопотамии

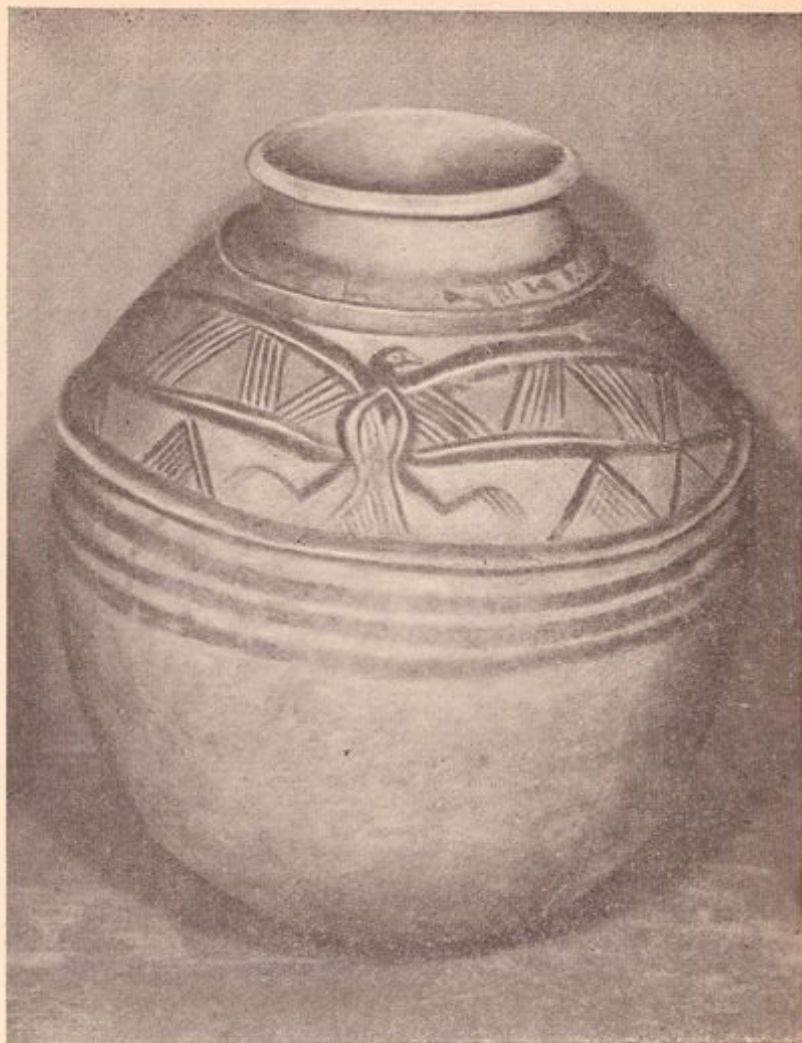

Рис. 103. Сузы, Юго-Западный Иран
Сосуд культуры Сузы Д. Ок. 2700 г.

Рис. 104. Мундизак, Афганистан
Фасад храма-дворца IV слой, конец III тысячелетия

Рис. 105, 106 Мундизак, Афганистан
Голова статуи из известняка. Сосуды. IV слой, конец
III тысячелетия

Мохенджодаро, долина Инда, Пакистан
Оттиски стеатитовых печатей, в верхней
части каждого — письмена культуры до-
лины Инда. До 2000 г.

Рис. 107. «Единорог». Бык (с деформи-
рованным рогом?) перед культовым пред-
метом. 5,8x5,8 см

Рис. 108. Восседающий на троне трехли-
кий бог, увенчанный короной в виде ро-
гов быка и окруженный изображениями
слона, тигра, носорога, быков и газелей.
3,2x3,2 см

Рис. 109. Оседланный бык зебу.
3,3x3,3 см

Рис. 110. Носорог у кормушки. 3,2x3,2 см

Рис. 111. Четыре тигра и остатки пись-
менных знаков

Рис. 112. Мохенджодаро,
Пакистан
Танцовщица, бронза (?).
До 2000 г. Высота 10,5 см

Рис. 113. Мохенджодаро,
Пакистан
Бородач. Статуя. Стеатит.
До 2000 г. Высота 18 см

Рис. 114. Телло, Южный Ирак
Гудеа, голова статуи из диорита. II тысячелетие. Высота 22 см

Рис. 115. Шуррипак-Фара, Южный Ирак
Змея и леопард. Осколок стеатитового сосуда. 2600—2500 гг.

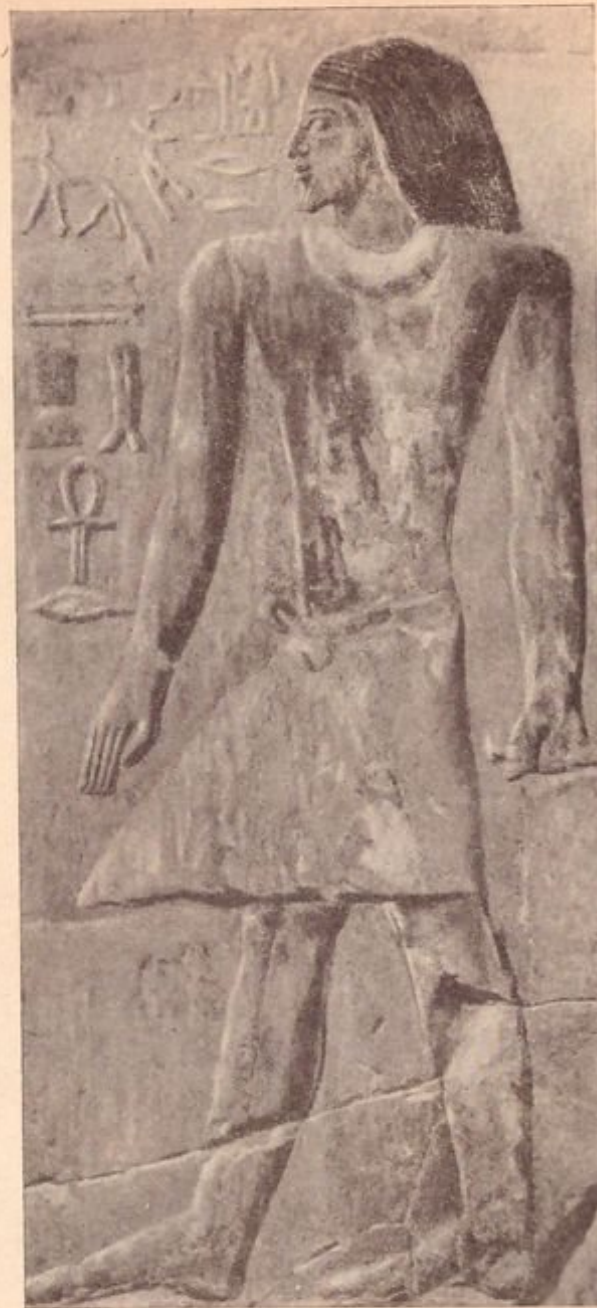

Рис. 116. Египет
Имхотеп. Бронзовая статуэтка
обожещенного строителя фараона Джосера.
Новое царство. Высота 12,7 см

Рис. 117. Египет
Лев. 2800—2700 г.

Рис. 118. Египет
Рельеф из гробницы Анхирпта. Конец V династии. Ок. 2400 г.
Известняк. Высота 90 см.

Рис. 119. Мари, Юго-Восточная Сирия
Ур-Нина. Великая певица. Статуэтка из известняка. Ок. 2500 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
От охотников и собирателей к пастухам и земледельцам	16
Крепость Иерихона	44
Город храмов Чатал-Гуюк	64
Земледельцы, ремесленники и правители Горной страны	100
Жрецы Эриду и Гавры	131
Властители Урука	163
Классы и классовая борьба в городе-государстве и империи	199
Восстание хуру	258
Литература	266
Список сокращений	266
Послесловие	278
Иллюстрации	291

Бурхард Брентъес

ОТ ШАНИДАРА ДО АККАДА

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор Р. М. Солодовник
Младший редактор М. В. Ходакова
Художник Л. С. Эрман
Художественный редактор И. Р. Бескин
Технический редактор
Л. Ш. Береславская
Корректор К. И. Драгунова

Сдано в набор 23/V 1975 г.
Подписано к печати 8/IV 1976 г.
Формат 84×106¹/₃₂. Бум. № 2. Печ. л. 11,25.
Усл. п. л. 18,9. Уч.-изд. л. 18,73.
Тираж 10 000 экз. Изд. № 3487.
Зак. № 2407. Цена 88 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Тула, тип. изд-ва «Коммунар»,
ул. Ф. Энгельса, 150

Цена 88 коп.